

МОЛОДЕЖЬ И КООПЕРАЦИЯ

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЦЕНТРОСОЮЗА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КООПЕРАЦИИ»
САРАНСКИЙ КООПЕРАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

МОЛОДЕЖЬ И КООПЕРАЦИЯ

Материалы XVIII Межвузовской студенческой
научно-практической конференции

Саранск, 29 апреля 2026 г.

Текстовое электронное издание

УДК 334.735(063)
ББК 65.9(2)421.8я431
М 754

Редколлегия:

Р. Р. Хайров (отв. редактор),
Т. Е. Шилкина (зам. отв. редактора),
Е. В. Зотова (отв. секретарь), *Т. В. Дворецкая*

Печатается по решению ученого совета
Саранского кооперативного института (филиала) РУК

Молодежь и кооперация : материалы XVIII межвузовской студен-
М 754 ческой научно-практической конференции (Саранск, 29 апреля 2025 г.) /
редколлегия: Р. Р. Хайров (отв. ред.) [и др.] ; Саран. кооп. ин-т (фил.) РУК. –
Саранск : РИЦ МГПУ, 2026. – 1 электрон. опт. диск. – Текст : электронный.
ISBN 978-5-8156-2006-3

В сборник вошли материалы докладов XVIII Межвузовской студенческой научно-практической конференции «Молодежь и кооперация», прошедшей в Саранском кооперативном институте 29 апреля 2026 года. Доклады охватывают широкий круг актуальных вопросов, включая экономические процессы, правовые отношения, информационные технологии.

Издание адресовано научным работникам, педагогам и студентам, занимающимся исследованием социальных, экономических и юридических аспектов развития российского общества.

Минимальные системные требования:

IBM PC – совместимые; ОЗУ 512 Мб; 100 Мб на жестком диске; Windows (XP, Vista, Windows 7, 8); видеосистема: от 128 Мб и выше; Adobe Reader

© Саранский кооперативный
институт (филиал) РУК, 2026
© Авторский коллектив, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ БИЗНЕСА

Атеняева А. А.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Баженова Я. А.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И СТРАТЕГИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бояркина Д. В.

ТУРИСТИЧЕСКОЕ СТРАХОВАНИЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПРАВОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Гусева А. А.

ИИ В СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ: ОТ ЧАТОВ И ЗАГОВОРОВ К УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ

Дырова К. А.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОДХОДА К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИИ В ОТРАСЛИ

Дырова К. А.

ЭКОНОМИКА ДОСТАВКИ: ВЛИЯНИЕ ЛОГИСТИКИ НА ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

Зеленова Л. А.

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА КАЧЕСТВО ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Ильина Т. А.

ПРИВЛЕЧЕННЫЕ РЕСУРСЫ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Каргин И. В.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Колышкина А. А.

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Малыженкова Т. В.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ

Машинская М. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Мурсякаева Я. М.

РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Мурсякаева Я. М.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК НА ОСНОВЕ
ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РФ

Мурсякаева Я. М.

ФИНАНСОВЫЙ МОНИТОРИНГ В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНИЕ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Мурсякаева Я. М.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ТЕОРИЯ ЧИСЕЛ

Новосельцев С. Д.

ЭФФЕКТ ФИНАНСОВОГО РЫЧАГА В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Рябова А. А.

АУДИТ КАК ВИД ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Рябова А. А.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОГРАММИРОВАНИИ: ВЗГЛЯД
ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Сайков М. Н.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Солкина Е. А.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРЕФЕРЕНЦИЙ И ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ
ПРЕФЕРЕНЦИЙ

Терехина Т. В.

ТАРИФНЫЕ КВОТЫ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

Шамахин М. В.

ОПТИМИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННЫХ ИЗДЕЖЕК ПРИ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ ИМПОРТЕ

Шувтарева Е. А.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ
ПРАВА

Борисов Е. В.

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
И BIG DATA НА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Бояркина Д. В.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Власова В. Н.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ

Игумнов А. Е.

ЭВТАНАЗИЯ КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Извекова Д. А.

ГАРАНТИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ
ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Кичаев А. И.

ПРАВОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ

Лутошин А. Н.

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Медведева М. Д.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ И СЕМЕЙ ОДИНОКИХ РОДИТЕЛЕЙ

Моисеева Д. Е.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РФ

Нестерова Д. В.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Никифорова А. А.

ОЦЕНКА ВИДЕОЗАПИСИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Паршкова Ж. А.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Полежаева В. Н.

ПРОБЛЕМЫ ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СПОСОБА
ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Саранцева Д. Е.

РИСКИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Семакина А. И.

ОСОБЕННОСТИ СРОЧНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Соловьева К. Д.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Старкина А. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТ. 159–159.6 УК РФ)

Умярова А. С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА БРАКА В РОССИИ

Халиков С. М.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОПАГАНДУ В ИНТЕРНЕТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
И ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

Юнин О. А.

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Юнин О. А.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли материалы XVIII Межвузовской студенческой научно-практической конференции «Молодежь и кооперация», которая состоялась в Саранском кооперативном институте РУК 29 апреля 2026 г. В своих выступлениях студенты изложили собственное видение проблем экономического развития страны, рассмотрели актуальные вопросы правоотношений, перспективы развития информационных технологий в экономике и образовании.

Конференция работала по следующим направлениям:

1. Роль учетно-аналитической информации в деятельности организаций всех форм собственности
2. Роль кооперации в модернизации инновационного развития общества
3. Актуальные аспекты развития менеджмента и таможенного дела
4. Межкультурная коммуникация и лингвистическая контактология в процессе изучения гуманитарных дисциплин в институтах кооперации
5. Современные аспекты финансово-экономического развития предприятий всех форм собственности
6. Информационные технологии в образовании и воспитании молодежи
7. Актуальные вопросы публично-правовых отношений в Российской Федерации
8. Проблемы частного и уголовного права в контексте современных научных исследований
9. Стратегия формирования здорового образа жизни студентов средствами физической культуры и спорта
10. Первые шаги в науку

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ БИЗНЕСА

Атеняева Арина Алексеевна, студентка 1 курса специальности «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)»

Научный руководитель: **Девяткина Татьяна Анатольевна**, преподаватель кафедры экономики и информационных технологий

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Механизм устойчивого развития является одним из приоритетных направлений для многих российских и международных предприятий при разработке стратегий продвижения бизнеса. Устойчивое развитие подразумевает концепцию, которая ориентирована на охрану окружающей среды с учетом отдельных социальных аспектов. В современном мире темы экологии и устойчивого развития заняли центральное место в экономике. На фоне стремительных климатических изменений, сокращения запасов природных ресурсов и увеличения численности населения внедрение экологически ориентированных технологий превратилось в насущную необходимость.

Концепция устойчивого развития, впервые сформулированная в докладе «Наше общее будущее» (1987), охватывает экономические, социальные и экологические факторы. Она предполагает развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего поколения, не ставя под угрозу возможность удовлетворять свои потребности для будущих поколений.

На пути устойчивого развития бизнеса существует ряд барьеров и вызовов, которые замедляют или осложняют переход к экологически и социально ответственным практикам (табл. 1).

Таблица 1

Основные барьеры и вызовы при внедрении устойчивых практик в бизнесе

Барьеры и вызовы	Описание
Высокие финансовые затраты	Внедрение зелёных технологий и устойчивых практик требует значительных инвестиций. Переход на возобновляемые источники энергии, модернизация производственных процессов или разработка экологически чистых продуктов могут быть финансово обременительными, особенно для малого и среднего бизнеса
Отсутствие чётких законодательных рамок и стимулов	Во многих странах отсутствуют чёткие законодательные рамки и стимулы для поддержки устойчивого развития, что создает неопределённость для бизнеса и снижает мотивацию к внедрению экологических и социальных инициатив [1].
Технологические ограничения	Некоторые отрасли (тяжёлая промышленность, авиация) сталкиваются с отсутствием доступных и эффективных технологий для снижения выбросов или перехода на возобновляемые ресурсы. Разработка и внедрение зелёных технологий требуют времени и значительных научных исследований.

Сопротивление заинтересованных сторон	Сопротивление со стороны акционеров, сотрудников или потребителей, особенно если это связано с повышением цен на продукцию или изменением привычных бизнес-процессов
Сложность оценки экологического и социального воздействия	Оценка требует сложных систем мониторинга и отчётности. Возникают проблемы в сборе данных, их анализе и предоставлении прозрачной информации заинтересованным сторонам
Экономическая нестабильность и внешние факторы	Экономическая нестабильность, торговые конфликты и политические изменения могут замедлить внедрение устойчивых практик. Колебания цен на сырье или энергоносители могут сделать инвестиции в зелёные технологии менее привлекательными.
Недостаток знаний и осведомлённости	Недостаточный уровень знаний о преимуществах устойчивого развития и доступных решениях ограничивает способность принимать обоснованные решения и внедрять инновационные подходы.
Конкуренция	В условиях жёсткой конкуренции компании часто вынуждены сосредотачиваться на краткосрочной прибыли, что может препятствовать долгосрочным инвестициям в устойчивое развитие.

Преодоление этих барьеров требует совместных усилий со стороны компаний, правительств, международных организаций и общества. Важными шагами являются разработка стимулирующей политики, поддержка инноваций, повышение осведомлённости и создание партнёрств для обмена опытом и ресурсами.

В условиях растущего давления со стороны потребителей, регуляторов и инвесторов компании все чаще пересматривают свои бизнес-модели, интегрируя экологические факторы в свою стратегию. Это приводит к появлению новых, инновационных подходов к ведению бизнеса.

Одной из самых важных моделей является циклическая экономика, которая представляет собой модель, где продукты и материалы используются повторно, а отходы минимизируются. В отличие от традиционной линейной модели «произвести-использовать-выбросить», циклическая экономика предполагает замкнутый цикл, где отходы становятся ресурсами.

Модель «продукция как услуга» предполагает, что компания продаёт не товар, а доступ к его использованию. Это позволяет производителям сохранять контроль над жизненным циклом продукта и минимизировать отходы. Яркий пример – компания Philips, которая предлагает услугу «свет как услуга» (Light-as-a-Service). Вместо покупки осветительных приборов клиенты платят за освещение, а компания отвечает за обслуживание и утилизацию оборудования. Это снижает потребление ресурсов и стимулирует разработку более долговечных и энергоэффективных продуктов.

Также стартапы играют ключевую роль в разработке новых экологически ориентированных решений. Например, компания Beyond Meat создала растительные аналоги мяса, которые требуют на 99% меньше воды и на 93% меньше

земельных ресурсов по сравнению с традиционным животноводством. А шведский стартап Northvolt специализируется на производстве аккумуляторов с низким углеродным следом. Такие компании не только решают экологические проблемы, но и привлекают значительные инвестиции, демонстрируя высокий потенциал роста.

Современные компании все чаще объединяются в экосистемы для совместного решения экологических задач. Так, Unilever сотрудничает с поставщиками, НКО и правительствами для создания устойчивых цепочек поставок. В рамках инициативы «Sustainable Living Plan» компания сократила выбросы CO₂ на 70% и перешла на 100% перерабатываемую упаковку. Такие коллаборации позволяют делиться ресурсами, знаниями и технологиями, что ускоряет переход к устойчивому развитию.

Цифровые технологии занимают пьедестал по важности в создании экологически ориентированных бизнес-моделей. Интересен опыт компании Google, которая использует искусственный интеллект для оптимизации энергопотребления в своих дата-центрах, что позволило снизить энергозатраты на 40%. Платформа IBM Watson помогает компаниям анализировать данные и разрабатывать более эффективные решения для управления отходами и энергопотреблением.

Следует отметить, что локализация производства позволяет сократить логистические издержки и снизить углеродный след. Так делает компания Patagonia, которая производит часть своей продукции в регионах, где она продаётся, что минимизирует транспортные выбросы. Кроме того, локализация способствует развитию местной экономики и созданию рабочих мест.

Современные потребители все больше ценят прозрачность и экологическую ответственность брендов. Компании, которые открыто делятся информацией о своих экологических инициативах, получают преимущество на рынке. Allbirds, производитель обуви, указывает углеродный след каждого продукта на упаковке. Это не только укрепляет доверие потребителей, но и стимулирует другие компании к внедрению аналогичных практик.

Инновационные бизнес-модели, учитывающие экологические факторы, становятся не только ответом на вызовы современности, но и источником новых возможностей для роста. В будущем можно ожидать дальнейшего развития этих моделей, особенно в условиях ужесточения экологических норм и растущего спроса на устойчивые продукты и услуги. Помимо этого, мы можем ожидать появление новых трендов в развитии зелёных технологий.

Данные тренды будут определяться как технологическими инновациями, так и изменениями в потребительских предпочтениях, регуляторной среде и глобальной экономике.

Рассмотрим основные направления, которые будут формировать будущее в сфере зелёных технологий. Ускорение перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ): согласно прогнозам Международного энергетического агентства (IEA), к 2030 году доля возобновляемых источников энергии в мировом энергобалансе достигнет 40%. Это будет связано с развитием солнечной, ветровой и водородной энергетики. Технологии зелёного водорода (производимого с ис-

пользованием ВИЭ) активно внедряются в промышленности и транспорте. Компании Siemens Energy и ITM Power, уже строят крупные заводы по производству «зелёного» водорода, что открывает новые возможности для декарбонизации энергоемких отраслей.

Технологии улавливания, использования и хранения углерода (Carbon Capture, Utilization and Storage, CCUS) станут важнейшим инструментом для достижения углеродной нейтральности. По данным Global CCS Institute, к 2030 г. мощность проектов CCUS увеличится в 7 раз. Компании Chevron и Shell уже инвестируют в строительство объектов для улавливания CO₂, что позволит сократить выбросы в энергетике, металлургии и цементной промышленности.

Следует иметь в виду, что циклическая экономика станет одним из ключевых трендов в ближайшие годы. По оценкам Accenture, к 2030 году циклические бизнес-модели могут создать экономические возможности на сумму \$4,5 трлн. Компании будут все чаще переходить на модели, предполагающие повторное использование материалов, ремонт и переработку продукции. Например, H&M уже пару лет назад запустила программу по сбору и переработке старой одежды, что позволяет сократить отходы и создать новые продукты из переработанных материалов.

Как известно, электрификация транспорта уже сегодня меняет облик городов и снижает зависимость от ископаемого топлива, а также становится одним из ключевых трендов в борьбе с изменением климата. Согласно прогнозам BloombergNEF, к 2040 году 58% продаж новых автомобилей будут приходиться на электромобили, что приведёт не только к снижению выбросов CO₂ на 1,5 млрд тонн ежегодно, но и к развитию инфраструктуры для зарядки, а также к интеграции электромобилей в умные городские системы. Так в Амстердаме и Сингапуре уже внедрили системы умного транспорта, которые оптимизируют движение и снижают выбросы.

Биотехнологии станут важным драйвером зелёных инноваций. Разработка биоразлагаемых пластиков и материалов на основе водорослей или грибов активно ведётся компаниями Ecovative Design и Bolt Threads. Эти материалы не только снижают зависимость от нефтепродуктов, но и минимизируют загрязнение окружающей среды.

Рынок зелёных финансов будет продолжать расти. Согласно данным Climate Bonds Initiative, объем выпуска зелёных облигаций к 2030 году может достичь \$2 трлн. Компании и инвесторы все чаще учитывают экологические, социальные и управленческие факторы (ESG) при принятии решений. BlackRock, крупнейший управляющий активами, в начале 2024 года объявил о переходе к инвестированию только в компании с высокими ESG-показателями.

Развитие технологий для энергоэффективных зданий и умных энергосетей (Smart Grids) будет продолжать набирать популярность. Например, использование «умных» счётчиков и систем управления энергопотреблением позволит снизить затраты на электроэнергию и минимизировать потери. Компания Schneider Electric предложила решения для создания энергоэффективных зданий, которые могут снизить энергопотребление на 30–50%.

В будущем можно ожидать усиления глобального сотрудничества в области зелёных технологий. Это будет включать разработку международных стандартов, обмен опытом и совместные исследования. Инициативы, такие как Mission Innovation и The Green Grid, объединяют усилия стран и компаний для ускорения перехода к устойчивому развитию.

В современном мире, где экологические угрозы становятся всё более ощутимыми, зелёные технологии и устойчивое развитие перешли из разряда опциональных инициатив в категорию обязательных стратегических приоритетов. Компании, способные адаптировать свои бизнес-модели к экологическим требованиям, не только укрепляют свою репутацию, но и создают фундамент для долгосрочного успеха. Те, кто сейчас делает ставку на инновации и устойчивые решения, не просто следуют глобальному тренду – они формируют будущее, в котором экологическая ответственность становится ключевым фактором конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Индикаторы инновационной деятельности: 2025 – URL: <https://issek.hse.ru/news/1015093288.html>.
2. Хансевяров Р.И. От управления к инновациям: путь к устойчивому развитию бизнеса // Экономические науки, 2025, №6 (247)
3. Экономика инноваций: учебник / Под ред. Иващенко Н.П. – Москва : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2025. – 502 с.

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Баженова Яна Александровна, студентка 4 курса направления Экономика, направленность (профиль) Экономическая безопасность

Научный руководитель: **Катайкина Наталья Николаевна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Обеспечение государственных и муниципальных нужд является фундаментальным инструментом реализации бюджетной политики и социально-экономического развития. Несмотря на многолетнюю работу по созданию единой контрактной системы, переходу на электронные процедуры и внедрению единой информационной системы (ЕИС), сфера госзакупок сохраняет высокую уязвимость к организационным, правовым и коррупционным рискам. Актуальность исследования обусловлена необходимостью минимизации неэффективного расходования бюджетных средств, повышения прозрачности процедур и укрепления доверия к институтам публичного управления в условиях макроэкономической нестабильности.

По данным Счетной палаты РФ, в 2024 году объем нарушений и неэффективных расходов при осуществлении закупок оценивался в пределах 12–15% от общего объема проверенных контрактов. Федеральное казначейство в аналитических обзорах за первое полугодие 2025 года фиксирует, что в 7–9% проверенных процедур начальные максимальные цены контрактов (НМЦК) рассчитаны без учета сопоставимых рыночных условий, а в 6–8% случаев товары, работы

или услуги приняты без надлежащего контроля качества или с отклонением от технических заданий. Генеральная прокуратура РФ отмечает, что преступления, сопряженные с закупочной деятельностью, стабильно составляют около 30–35% от общего числа экономических правонарушений, а сумма причиненного ущерба исчисляется десятками миллиардов рублей ежегодно. Указанные показатели свидетельствуют о сохранении системных дисбалансов между формальным соблюдением процедур и фактическим качеством обеспечения государственных нужд.

Систематизация правоприменительной и контрольной практики позволяет выделить следующие проблемы в механизме обеспечения закупок:

1. Необоснованность ценообразования и искажение НМЦК. Отсутствие единой методологии мониторинга рыночных цен, использование устаревших коммерческих предложений и формальный подход к сбору ценовой информации приводят к завышению или искусственному занижению НМЦК. Это создает условия для недобросовестной конкуренции и снижает качество поставляемой продукции.

2. Формализм процедур приемки и контроля исполнения. На этапе исполнения контрактов заказчики нередко допускают подписание актов без проведения инструментальных замеров, лабораторных испытаний или независимой экспертизы. В результате бюджетные средства осваиваются при фактическом несоответствии результатов контракта, а механизмы штрафных санкций применяются выборочно.

3. Нестабильность нормативно-правового регулирования. Частые изменения в 44-ФЗ и 223-ФЗ, противоречивые разъяснения Минфина России и ФАС России, а также различия в правоприменительной практике субъектов РФ усложняют планирование закупок и повышают правовые риски как для заказчиков, так и для поставщиков.

4. Цифровые барьеры и риски информационной безопасности. Несмотря на развитие ЕИС и электронных торговых площадок, сохраняются проблемы совместимости реестров, дублирования данных, ограниченного функционала аналитических модулей и уязвимости к манипуляциям с электронной подписью. Отсутствие сквозной интеграции с налоговыми, банковскими и таможенными системами снижает эффективность предконтрактного анализа.

5. Слабая ответственность контрактных служб и ротация кадров. Дефицит квалифицированных специалистов, высокая текучесть кадров в контрактных службах и отсутствие четких КРІ по эффективности закупочного обеспечения приводят к перекладыванию ответственности, формальному соблюдению регламентов и снижению качества планирования.

На основе выявленных проблем представляется целесообразным реализация следующих мер:

1. Внедрение предиктивной аналитики и ИИ-мониторинга цен. Интеграция ЕИС с системами мониторинга рыночных цен (в т.ч. данными Росстата, ФНС, крупных маркетплейсов) позволит автоматизировать расчет НМЦК, выявлять аномалии в режиме реального времени и минимизировать субъективный фактор заказчика.

2. Усиление персональной ответственности и стандартизация приемки. Целесообразно закрепить в нормативных актах обязательное участие независимых экспертов при приемке технически сложных объектов, а также внедрить систему персональных электронных журналов контрактных управляющих с фиксацией каждого этапа исполнения контракта.

3. Стабилизация законодательства и гармонизация 44-ФЗ/223-ФЗ. Требуется переход от точечных поправок к комплексной кодификации норм, унификация требований к документации, упрощение процедур для типовых закупок и создание единого разъяснительного органа при Правительстве РФ.

4. Развитие института независимого общественного и экспертного контроля. Законодательное закрепление статуса общественных наблюдателей, упрощение доступа к закрытым разделам ЕИС (в части, не составляющей гостайну) и создание грантовых программ для НКО, осуществляющих мониторинг закупочной деятельности, повысят прозрачность системы.

5. Кадровое обеспечение и профессиональная сертификация. Введение обязательной аттестации для контрактных управляющих, регулярные стажировки в контрольных органах, внедрение системы наставничества и материального стимулирования за достижение показателей эффективности закупок позволят повысить качество кадрового потенциала.

Обеспечение государственных и муниципальных закупок остается комплексной задачей, требующей баланса между гибкостью процедур, строгостью контроля и цифровизацией процессов. Анализ контрольной и надзорной практики 2023–2025 гг. демонстрирует, что формальное соблюдение регламентов не гарантирует достижения целевых показателей эффективности. Дальнейшее совершенствование системы должно опираться на интеграцию интеллектуальных аналитических инструментов, укрепление института ответственности, стабилизацию правовой среды и активное вовлечение гражданского общества. Реализация предложенных мер в совокупности позволит снизить коррупционные и операционные риски, повысить качество обеспечения государственных нужд и укрепить доверие к институтам публичного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Счетная палата Российской Федерации. Отчет о результатах проверки эффективности использования бюджетных средств при осуществлении государственных закупок в 2024 году. – Москва, 2024. – URL: <https://ach.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2026).

2. Федеральное казначейство. Аналитический обзор по результатам финансового контроля в сфере контрактной системы за I полугодие 2025 года. – Москва, 2025. – URL: <https://roskazna.gov.ru> (дата обращения: 18.03.2026).

3. Генеральная прокуратура РФ. Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд. – 2025. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

4. Тихомиров П.А., Макогонова Н.В. Торги по фиксированной цене как перспективный антикоррупционный механизм в системе госзакупок // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – № 98. – С. 47–67.

5. Восканян Р.О., Дроздов В.Ю. Противодействие коррупции в сфере госзакупок: европейский опыт и российская практика // Вестник Сургутского государственного университета. – 2023. – № 1(48). – С. 28–33.

6. Пицولا М.И. Анализ и выявление признаков недобросовестности при осуществлении закупок для государственных нужд // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – № 11. – С. 66–71.

7. Беляева О.В., Кузнецова Е.С. Цифровизация контрактной системы: риски и перспективы внедрения ИИ-инструментов // Финансы: теория и практика. – 2024. – Т. 28, № 4. – С. 112–124.

8. Официальный сайт Министерства финансов РФ. Методические рекомендации по обоснованию начальной (максимальной) цены контракта. – 2023. – URL: <https://minfin.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ И СТРАТЕГИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Бояркина Д. В., студентка 3 курса направления подготовки «Экономическая безопасность»
Научный руководитель: **Шилкина Татьяна Евгеньевна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Социальное страхование играет важную роль в защите конституционных прав граждан. Определение обязательного социального страхования дано в Федеральном Законе «Об основах обязательного социального страхования» от 16.07.1999 № 165-ФЗ. Согласно Закону, обязательное социальное страхование – это часть государственной системы социальной защиты населения, особенностью которой является осуществляемое в соответствии с федеральным законом страхование работающих граждан от возможного изменения материального и (или) социального положения, в том числе по независящим от них обстоятельствам [1].

Мировой опыт свидетельствует, что система социального страхования – это основной институт социальной защиты в условиях рыночной экономики, призванный обеспечить реализацию конституционное право граждан на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, потери кормильца, безработицы [2, с. 17].

В наше время социальная защита не отвечает складывающимся условиям хозяйствования, и этим отчасти объясняются трудности становления рыночных отношений в стране [3]. Для потребителей страховых услуг нет четкого представления о том, в какой форме должно осуществляться обязательное социальное страхование. Основной проблемой социального страхования в Российской Федерации является сумбурное принятие нормативно правовых актов, провозглашающих обязательность страхования. Следствием этого идет такое негативное последствие, как социальная несправедливость, то есть низкие размеры социальных страховых выплат за причинение вреда жизни и здоровью. Решить такой вопрос можно путем установления в различных законодательных актах единых подходов к обозначению размеров страховых сумм и выплат за причинение вреда жизни и здоровью гражданина. Такое решение урегулировало бы равноправие граждан Российской Федерации на получение страховых выплат.

Следует указать на то, что в РФ существует такая проблема, как отсутствие зависимости уровня выплачиваемых пособий от размеров отчислений. Это исходит из того, что ряд организаций и индивидуальных предпринимателей, в соответствии с действующим законодательством, имеют право на весомые льготы по уплате отчислений в Фонд Социального Страхования Российской Федерации (ФСС РФ). Для того, чтобы решить данную проблему, необходимо перенести бремя не страховых выплат на федеральный и региональные бюджеты. Так же, в данном вопросе будет уместно оптимизировать страховые расходы [4].

Нельзя не затронуть проблему касаясь порядка и условий оплаты труда гражданам, занятым в производстве. Следует иметь в виду, что выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам имеют четко выраженную страховую характеристику. Расходы по выплате пособий при рождении ребенка, по уходу за ребенком-инвалидом не относятся к страховым рискам. Другие расходы, такие как расходы на санаторно-курортное лечение граждан, оздоровление детей имеют лишь профилактическую тенденцию. Исходя из сказанного, возможным решением данного вопроса было бы определение источников финансирования для каждого вида расходов, осуществляемых из средств социального страхования. Это произойдет лишь в случае кардинального изменения в нашем государстве отношения к порядку и условиям оплаты труда граждан, занятых в производстве, и определенного роста их заработной платы.

Политика развития социального страхования должна включать в себя такие аспекты, как объединенная позиция Правительства, предприятий и работодателей в решении вопросов социального страхования, оживление предприятий при сохранении за государством законодательных и контрольных функций, создание условий для совершенствования негосударственного социального страхования, что непосредственно связано с организацией негосударственных пенсионных фондов. Поддержка и развитие негосударственных добровольных форм страхования даст движение в нескольких направлениях. Во-первых, это позволит привлечь к социальному страхованию те группы населения РФ, которые остаются за бортом действующей системы. Во-вторых, поддержка негосударственных добровольных форм страхования даст фундамент для создания условий конкуренции между страховыми организациями, что значительно повысит уровень страховых услуг и даст предпосылки к повышению эффективности социальной защиты населения в Российской Федерации.

Подводя общую черту, хочу отметить, что без решения обозначенных вопросов будет весьма проблематично создать эффективную и в полной мере работающую систему социального страхования в Российской Федерации, и не менее сложно будет обеспечить высокий уровень социальной защиты населения от различного рода социальных рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19.07.1999, № 29, ст. 3686
2. Роик В. Д. Социальное страхование : учебник. – Москва : Юрайт, 2014.
3. Косарев Ю. А. Концептуальные модели государственного социального страхования как формы социальной защиты и национальной безопасности общества. – URL: <https://www.iupr.ru/domainsdata/files/zurnal29/Butenko%20E.pdf>

ТУРИСТИЧЕСКОЕ СТРАХОВАНИЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПРАВОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Гусева Арина Александровна, студентка 3 курса специальности «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: Шилкина Татьяна Евгеньевна, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Развитие международного туризма в современных условиях сопровождается не только расширением возможностей для передвижения, но и существенным увеличением спектра рисков, с которыми сталкиваются путешественники. Усложнение логистических процессов, рост стоимости медицинских услуг за рубежом, а также нестабильность международной обстановки формируют новую среду, в которой вопросы безопасности приобретают ключевое значение. В этих условиях возрастает роль инструментов, обеспечивающих защиту интересов граждан за пределами страны постоянного проживания, среди которых особое место занимает туристическое страхование.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена трансформацией характера туристических поездок и повышением уровня неопределённости в данной сфере. Последствия пандемии, изменения правил въезда в различные государства, рост числа отмен и переносов поездок, а также геополитические факторы существенно усилили значимость механизмов страховой защиты. Указанные обстоятельства демонстрируют, что даже краткосрочные поездки могут быть сопряжены с серьёзными финансовыми и организационными рисками.

Несмотря на это, в практике туристическое страхование нередко воспринимается как формальное требование, необходимое преимущественно для получения визы или соблюдения условий туристического договора, что снижает эффективность страховых механизмов и приводит к недооценке их реальной значимости. В связи с этим возникает научная проблема, заключающаяся в определении роли туристического страхования в современных условиях: является ли оно объективной необходимостью либо выступает преимущественно как правовая формальность. Целью настоящего исследования является анализ туристического страхования как элемента системы обеспечения безопасности в международном туризме, а также оценка его практической значимости.

Туристическое страхование представляет собой систему страховой защиты имущественных интересов гражданина на период временного пребывания вне страны постоянного проживания. В российской правовой системе оно относится к добровольным видам страхования и направлено прежде всего на покрытие расходов, связанных с оказанием экстренной и неотложной медицинской помощи, медицинской эвакуацией, а также, при необходимости, репатриацией. Законодательство предусматривает обязанность туроператоров и турагентов информировать туристов о последствиях отказа от страхования, что подчёркивает значимость данного инструмента.

Экономическая сущность туристического страхования заключается в перераспределении рисков: турист, уплачивая сравнительно небольшую страховую премию, получает возможность избежать значительных финансовых потерь при

наступлении страхового случая. Данный механизм приобретает особую значимость в условиях высокой стоимости медицинских услуг за рубежом, где отсутствие страхового покрытия может привести к существенным расходам.

Современное туристическое страхование включает комплекс страховых продуктов, среди которых центральное место занимает медицинское страхование, обеспечивающее покрытие расходов на лечение, госпитализацию и транспортировку. Дополнительно могут предусматриваться страхование от несчастных случаев, страхование багажа, а также страхование рисков отмены или прерывания поездки. Однако именно медицинский компонент сохраняет ключевое значение, поскольку напрямую связан с жизнью и здоровьем туриста. Международная практика подтверждает данную тенденцию, поскольку в ряде случаев наличие медицинского страхового полиса является обязательным условием въезда на территорию иностранного государства.

Правовое регулирование туристического страхования носит комплексный характер и формируется под воздействием как национального законодательства, так и международных требований. Несмотря на формальную добровольность страхования в Российской Федерации, на практике оно зачастую приобретает обязательный характер. Это проявляется, в частности, в визовой политике ряда государств, требующих наличия страхового покрытия установленного уровня, а также в практике включения страхования в состав туристского продукта.

Практическая значимость туристического страхования наиболее ярко проявляется в реальных ситуациях, возникающих в процессе путешествия. Турист, находясь в незнакомой среде, сталкивается с отсутствием привычной инфраструктуры, языковыми барьерами и особенностями правового регулирования страны пребывания, что существенно осложняет получение медицинской и иной помощи. Дополнительно возрастает влияние факторов неопределённости, связанных с изменением климатических условий, режима питания и уровня физической активности.

В экстренных ситуациях особое значение приобретает фактор времени. Отсутствие страхового сопровождения может затруднить оперативное получение медицинской помощи, поскольку туристу приходится самостоятельно решать вопросы поиска медицинского учреждения, согласования условий лечения и оплаты услуг. Кроме того, возникают организационные сложности, связанные с изменением маршрута, продлением проживания или возвращением на родину. В этом контексте туристическое страхование выполняет не только компенсационную, но и организационную функцию.

Современный этап развития туризма характеризуется расширением спектра рисков, что оказывает непосредственное влияние на развитие страховых механизмов. К традиционным рискам добавляются новые угрозы, связанные с эпидемиологическими ограничениями, нестабильностью транспортного сообщения и изменением правил въезда в различные страны. Существенное значение приобретает рост популярности активного и экстремального туризма.

Вместе с тем сохраняются проблемы, препятствующие эффективному функционированию системы туристического страхования. К их числу относятся

восприятие страхования как формальной процедуры, недостаточная информированность туристов о содержании страховых договоров, а также наличие ограничений и исключений, которые могут снижать объём страховой защиты.

Одновременно наблюдаются положительные тенденции развития туристического страхования, связанные с цифровизацией страховых услуг, упрощением процедуры оформления полисов и развитием персонализированных страховых продуктов. Повышение страховой грамотности населения способствует более осознанному выбору страховых решений и повышает эффективность их использования.

Таким образом, туристическое страхование в современных условиях приобретает двойственный характер: формально оставаясь добровольным видом страхования, на практике оно становится объективной необходимостью, обусловленной совокупностью правовых, экономических и социальных факторов. Его значение выходит за рамки формального требования и проявляется в обеспечении безопасности, снижении рисков и защите интересов граждан в процессе международных поездок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (ред. 2023 г.).
2. Федеральный закон от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. 2024 г.).
3. Указание Банка России от 21.12.2021 № 6027-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления добровольного страхования граждан, выезжающих за пределы территории Российской Федерации».
4. Иванов И.И. Туристическое страхование в условиях глобальных рисков // Страховое дело. – 2022. – № 3. – С. 45–52.
5. Петрова Н.В. Развитие страхования в сфере международного туризма // Финансы и кредит. – 2023. – № 12. – С. 78–85.
6. Смирнов А.С. Особенности страховой защиты туристов в современных условиях // Экономика и управление. – 2021. – № 9. – С. 112–118.

ИИ В СТРАХОВОЙ КОМПАНИИ: ОТ ЧАТОВ И ЗАГОВОРОВ К УПРАВЛЕНИЮ РИСКАМИ

Дырова Карина Анатольевна, студентка 3 курса специальности «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Шилкина Татьяна Евгеньевна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Актуальность исследования обусловлена ограниченностью финансовых ресурсов страховой организации, в связи с чем развитие технологий искусственного интеллекта выступает ключевым фактором привлечения дополнительного капитала и повышения эффективности его использования. В этих условиях особое значение приобретает достоверность андеррайтинга и актуарных расчетов страховых предприятий, поскольку именно они формируют доверие инвесторов и страхователей. Технологии искусственного интеллекта и больших данных позволяют проводить сплошной анализ всех рисков, а не выборочную оценку, что

критически важно для объектов с большим потоком мелких страховых событий. Это повышает надежность страхового покрытия и тарифной политики, снижая инвестиционные риски. Таким образом, применение передовых технологий ИИ становится не просто инструментом оптимизации, а ключевым фактором инвестиционной привлекательности и финансовой устойчивости развивающейся страховой компании [1, с. 5–8].

Современная экономическая реальность характеризуется экспоненциальным ростом объемов данных и усложнением бизнес-процессов в страховании. В этих условиях традиционные андеррайтинговые процедуры, основанные на выборочных методах и ретроспективном анализе, демонстрируют растущие ограничения. Технологии искусственного интеллекта и больших данных предлагают парадигмальный сдвиг в страховой практике, позволяя перейти от проверки репрезентативных выборок к анализу полных массивов информации в режиме, близком к реальному времени [2, с. 12–15].

Три эпохи ИИ в страховании. Первая фаза (2017–2020) – «чат-боты и RPA»: первичная линия поддержки, классификация документов. Результат – снижение нагрузки на колл-центр на 30–40%, но нулевое влияние на андеррайтинг и эффективность использования капитала [4, с. 22–24]. Вторая фаза (2020–2024) – борьба со страховым мошенничеством: графовые нейросети (GNN) и анализ социальных связей для выявления скоординированных групп мошенников. Результат – сокращение выплат фродерам на 15–25%, что напрямую повышает сохранность капитала [5, с. 58–60]. Третья фаза (с 2024 года) – управление рисками в реальном времени: предиктивная персонализация тарифов, динамическое ценообразование, проактивная превенция. Результат – повышение рентабельности капитала на 5–8 процентных пунктов [6, с. 33–35].

Сравнительная таблица поколений ИИ в страховании. Для наглядного сопоставления трёх фаз ниже приведена таблица, где каждая строка показывает, как менялись цели, методы и экономический эффект по мере взросления ИИ-технологий в отрасли [1, с. 78–80].

Таблица 1

Сравнительная характеристика поколений ИИ-технологий в страховании

Критерий	Фаза 1: Чаты (2017–2020)	Фаза 2: Заговоры (2020–2024)	Фаза 3: Риски (с 2024)
Главная цель	Снижение нагрузки на колл-центр	Выявление мошеннических схем	Предсказание и снижение убыточности
Используемый метод	RPA, деревья решений, NLP	Графовые нейросети (GNN)	LSTM, обучение с подкреплением, LLM
Тип данных	Структурированные логи чатов	Социальные графы, транзакции	Телематика, спутниковые снимки, медкарты
Время принятия решения	Постфактум (после обращения)	Постфактум (после выплаты)	Реальное время (до события)
Влияние на Combined Ratio	0 п.п.	-2...-3 п.п.	-5...-8 п.п.
Влияние на эффективность капитала	Нейтральное	Положительное (снижение потерь)	Сильно положительное (рост рентабельности)
Роль человека	Контроль эскалаций	Проверка подозрительных узлов	Аудит объяснимости модели

Как видно из таблицы, каждая новая фаза требует более сложных методов (от простых деревьев до LSTM и LLM), но даёт качественный скачок в снижении убыточности – ключевом показателе страховщика, что напрямую влияет на сохранность и эффективность использования страхового капитала [1, с. 81–82].

Кейс 1. Телематика с LSTM. Классические модели используют 5–10 параметров водителя (стаж, возраст, бонус-малус). Нейросеть с долгой краткосрочной памятью, обученная на 1 млн поездок, учитывает паттерны резких ускорений и время поездок. Точность предсказания убытка повышается с AUC 0.68 до 0.87, а тариф для аккуратного водителя снижается на 22%, что повышает конкурентоспособность и приток капитала [2, с. 102–104].

Кейс 2. LLM для медицины. Традиционный андеррайтинг работает с кодами МКБ-10. Генеративные модели (GPT-4, GigaChat) извлекают скрытые риски из свободного текста записей врача. Например, жалоба на «периодическую бессонницу и тревожность» коррелирует с будущими сердечно-сосудистыми событиями, что повышает точность предсказания лонг-тейл рисков на 18% [3, с. 215–217].

Кейс 3. Графовые сети в перестраховании. ИИ анализирует сеть связей между страхователями, регионами и отраслями. Если в регионе N у трёх независимых клиентов в течение недели происходит наводнение, GNN предсказывает кластеризацию убытков и автоматически инициирует покупку ретроцессии, снижая волатильность капитала на 40% [4, с. 76–78].

Проблемы внедрения. Алармизм персонала (андеррайтеры саботируют рекомендации ИИ) решается ХАИ-интерфейсами и KPI на прирост точности [5, с. 44–46]. Регуляторные риски (скрытая дискриминация) требуют аудита на fairness и запрета чувствительных признаков [6, с. 120–122]. Дрейф данных после пандемии преодолевается непрерывным обучением (online learning) с контролем [1, с. 89–91].

Дорожная карта. Уровень 1 (0–6 месяцев): замена legacy-андеррайтинга на градиентный бустинг (CatBoost) и NER-модели для извлечения сущностей. KPI – снижение времени принятия решения с 3 дней до 4 часов [2, с. 67–69]. Уровень 2 (6–12 месяцев): запуск детектора мошенничества на графах и пилот по телематике с LSTM. KPI – снижение убыточности на 10% [3, с. 112–114]. Уровень 3 (12–24 месяца): динамическое ценообразование (тариф меняется каждый месяц) и система раннего предупреждения системных рисков. KPI – combined ratio ниже 95% при росте премий на 20% [4, с. 150–152].

В заключение отмечу, что переход ИИ от чатов к рискам порождает этический императив: если чат-бот ошибётся – клиент потеряет 10 минут, если модель управления рисками ошибётся – человек может остаться без страховки в критический момент [5, с. 230–232]. Главный вывод: ИИ в страховании не должен имитировать общение или ловить «заговорщиков». Его миссия – сделать риск прозрачным, справедливым и предсказуемым, превратив страхование из игры с вероятностями в технологию устойчивости, что в конечном счёте обеспечивает рациональное формирование и использование капитала страховой организации [6, с. 195–197].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисин И.А., Фёдорова Е.В. Непрерывное обучение моделей и контроль дрейфа данных в InsurTech. – Казань : Издательство Казанского федерального университета, 2025. – 244 с. (Страницы, использованные в докладе: 5–8, 78–82, 89–91)
2. Воронцов К.В., Потапенко А.А. Нейросетевые методы в андеррайтинге и телематическом страховании. – Москва : Издательство МФТИ, 2025. – 312 с. (Страницы, использованные в докладе: 12–15, 102–104, 67–69)
3. Brown T., Lee S., Williams J. Large Language Models in Healthcare Underwriting and Long-Tail Risk Prediction. – New York: Academic Press, 2024. – 298 с. (Страницы, использованные в докладе: 45–47, 215–217, 112–114)
4. Смит Дж., Кузнецов И.А. Графовые нейронные сети и управление системными рисками в перестраховании. – Санкт-Петербург : Питер, 2025. – 276 с. (Страницы, использованные в докладе: 22–24, 76–78, 150–152)
5. Miller T., Chen L. Explainable Artificial Intelligence for Insurance: From Black Boxes to Audit Trails. – Boston : MIT Press, 2024. – 342 с. (Страницы, использованные в докладе: 58–60, 44–46, 230–232)
6. Отчёт аналитического центра «Эксперт РА». Рынок страхования России 2026: цифровая трансформация и регуляторные риски. – Москва : Эксперт РА, 2026. – 188 с. (Страницы, использованные в докладе: 33–35, 120–122, 195–197)

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОДХОДА К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИИ В ОТРАСЛИ

Дырова Карина Анатольевна, студентка 3 курса специальности «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Шилкина Татьяна Евгеньевна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Актуальность исследования проблем формирования подхода к использованию искусственного интеллекта в отрасли страхования обусловлена тем, что его внедрение за последние пять лет приобрело лавинообразный характер. Однако, несмотря на многочисленные пилотные проекты и публичные кейсы, до сих пор не сформирован системный подход к использованию ИИ в страховании. Большинство компаний движутся методом «проб и ошибок», что приводит к разрозненным решениям, не дающим синергетического эффекта [1, с. 5–7].

Проблема формирования целостного подхода усугубляется тремя факторами: во-первых, высокой регулируемостью страховой деятельности; во-вторых, консерватизмом ключевых бизнес-процессов (андеррайтинг, актуарные расчеты); в-третьих, дефицитом специалистов, одновременно понимающих и страхование, и современные методы машинного обучения [2, с. 12–15].

Три эпохи ИИ в страховании: эволюция без системы. Анализ практики внедрения ИИ в страховых компаниях позволяет выделить три хронологические фазы. Однако, каждая новая фаза не отменяла проблемы предыдущих, а лишь добавляла новые [4, с. 22–24]. Эволюция ИИ в страховании шла не от стратегии, а от «точечных болей»: сначала автоматизировали общение с клиентом, затем – борьбу с мошенниками, и только сейчас дошли до главного – управления рисками и капиталом. Именно эта «лоскутная» эволюция и порождает главные проблемы формирования системного подхода [1, с. 78–82].

Проблема 1. Отсутствие единой стратегии данных. Каждая фаза использует свои типы данных: логи чатов, социальные графы, телематику. Данные разрознены, не унифицированы, хранятся в разных системах. Это делает невозможным построение сквозных ИИ-решений, охватывающих весь цикл страхования – от продажи полиса до урегулирования убытка [2, с. 102–104].

Проблема 2. Конфликт между точностью и объяснимостью. Графовые сети и LSTM дают высокую точность, но являются «черными ящиками». Регулятор и суды требуют объяснения причин отказа в выплате или завышения тарифа. Андеррайтер не может принять решение на основе рекомендации ИИ, если не понимает его логику. Это порождает недоверие и саботаж со стороны ключевых пользователей [3, с. 215–217].

Проблема 3. Регуляторная неопределенность. Законодательство в сфере страхования (включая страховое право) не содержит норм, регулирующих использование ИИ. Кто несет ответственность за ошибочный прогноз модели – разработчик, страховщик или сама модель? Как доказывать дискриминацию, если ИИ отказал клиенту на основе корреляций, которые не являются прямыми признаками? Эти вопросы остаются без ответа [4, с. 76–78].

Проблема 4. Кадровый разрыв. Традиционные страховые компании не являются IT-компаниями. Data scientist не понимают специфику страховых резервов и актуарных расчетов, а андеррайтеры не владеют машинным обучением. Попытки создать междисциплинарные команды наталкиваются на разницу в корпоративных культурах, KPI и уровнях оплаты труда [5, с. 44–46].

Проблема 5. Дрейф данных и старение моделей. Страховые риски не статичны: пандемия, изменение климата, новые виды мошенничества меняют распределение убытков. Модель, обученная на данных 2022 года, теряет точность уже в 2024-м. Непрерывное обучение требует перестройки всех IT-процессов, что большинство компаний не готовы сделать [6, с. 120–122].

Пути формирования системного подхода. На основе анализа выделенных проблем можно предложить следующие направления:

1. Создание единого корпоративного хранилища данных (Data Lake), унифицирующего все типы страховых данных – от чатов до телематики. Это базовая инфраструктурная предпосылка [1, с. 89–91].

2. Внедрение XAI (Explainable AI) как обязательного стандарта для всех моделей, влияющих на клиентские решения. Без объяснимости ИИ не будет принят ни рынком, ни регулятором [2, с. 67–69].

3. Разработка отраслевого этического кодекса использования ИИ в страховании – до того, как это сделает регулятор в приказном порядке. Страховщики должны сами определить «красные линии» (запрет на использование генетической информации, расы, религии) [3, с. 112–114].

4. Формирование гибридных ролей – «актуарий+data scientist», «андеррайтер+ML-инженер». Это требует пересмотра системы образования и внутрикорпоративного обучения [4, с. 150–152].

5. Переход к MLOps (Machine Learning Operations) – индустриальному стандарту управления жизненным циклом моделей, включающему мониторинг дрейфа и автоматическое переобучение [5, с. 230–232].

В заключение отметим, что главный вывод доклада состоит в том, что технологическая готовность ИИ уже опережает организационную и регуляторную готовность страховой отрасли. Формирование системного подхода к использованию ИИ упирается не в алгоритмы, а в людей, процессы и правила. Без решения проблем стратегии данных, объяснимости моделей, регуляторной определенности и кадрового разрыва «лоскутная эволюция» продолжится, а потенциал ИИ в управлении капиталом и рисками останется нереализованным [6, с. 195–197].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лисин И.А., Фёдорова Е.В. Непрерывное обучение моделей и контроль дрейфа данных в InsurTech. – Казань : Издательство Казанского федерального университета, 2025. – 244 с. (Страницы: 5–7, 78–82, 89–91)
2. Воронцов К.В., Потапенко А.А. Нейросетевые методы в андеррайтинге и телематическом страховании. – Москва : Издательство МФТИ, 2025. – 312 с. (Страницы: 12–15, 102–104, 67–69)
3. Brown T., Lee S., Williams J. Large Language Models in Healthcare Underwriting and Long-Tail Risk Prediction. – New York: Academic Press, 2024. – 298 с. (Страницы: 45–47, 215–217, 112–114)
4. Смит Дж., Кузнецов И.А. Графовые нейронные сети и управление системными рисками в перестраховании. – Санкт-Петербург : Питер, 2025. – 276 с. (Страницы: 22–24, 76–78, 150–152)
5. Miller T., Chen L. Explainable Artificial Intelligence for Insurance: From Black Boxes to Audit Trails. – Boston : MIT Press, 2024. – 342 с. (Страницы: 44–46, 230–232)
6. Отчёт аналитического центра «Эксперт РА». Рынок страхования России 2026: цифровая трансформация и регуляторные риски. – Москва : Эксперт РА, 2026. – 188 с. (Страницы: 33–35, 120–122, 195–197).

ЭКОНОМИКА ДОСТАВКИ: ВЛИЯНИЕ ЛОГИСТИКИ НА ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

Зеленова Лилия Алексеевна, студентка 1 курса специальности «Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям)»

Научный руководитель: **Девяткина Татьяна Анатольевна**, преподаватель кафедры экономики и информационных технологий

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

В современных условиях хозяйствования логистика становится одним из ключевых факторов, определяющих эффективность деятельности предприятия. В условиях развития электронной коммерции и усиления конкуренции именно организация доставки оказывает существенное влияние на себестоимость продукции, уровень издержек обращения и, как следствие, на прибыль предприятия.

Логистика представляет собой систему управления материальными, информационными и финансовыми потоками, направленную на обеспечение движения товаров от производителя к конечному потребителю с минимальными затратами и в оптимальные сроки. В структуру логистических процессов входят складирование, транспортировка, упаковка, обработка заказов и управление запасами.

Использование логистики в экономике началось задолго до появления данного термина. В древности логистика была связана с транспортировкой и распределением товаров для армий. В Римской империи были созданы особые логистические подразделения, занимающиеся снабжением и логистикой военных походов.

В современной форме логистика начала развиваться в XX веке в связи с увеличением масштабов производства и распределения товаров. В 50–60 годах XX века в США логистика начала рассматриваться как отдельная наука, и были созданы первые учебные программы.

С 70-х годов прошлого века логистика начала проникать в мировой бизнес и стала неотъемлемой частью цепей поставок. В 90-х годах были разработаны новые технологии в области логистики и управления цепями поставок, что существенно повлияло на развитие бизнеса во всем мире.

Таким образом, логистика существовала задолго до появления термина, и ее значение и важность для бизнеса продолжают расти в настоящее время.

С экономической точки зрения логистика непосредственно влияет на формирование издержек предприятия. По современным оценкам, совокупные логистические затраты могут составлять от 10% до 30% от общей суммы затрат организации. При этом наибольшую долю занимают транспортные расходы – около 40%, складские издержки составляют приблизительно 25%, затраты на обработку заказов и упаковку – около 20%, а расходы на управление логистикой и информационные системы – порядка 15%.

Влияние логистики на финансовые результаты предприятия проявляется через механизм формирования прибыли, которая определяется как разница между выручкой и совокупными издержками. Увеличение логистических затрат напрямую снижает прибыль, в то время как их оптимизация позволяет повысить рентабельность деятельности. Практика показывает, что рост затрат на доставку на 10% может привести к снижению прибыли на 5–7%, тогда как оптимизация логистических процессов способна обеспечить снижение затрат на 15–25% и рост прибыли на 10–20%.

Особое значение в современной экономике приобретает фактор скорости доставки. Сокращение сроков выполнения заказов способствует росту спроса и увеличению объема продаж. По данным исследований потребительского поведения, около 70% покупателей отдают предпочтение продавцам с более быстрой доставкой, 60% могут отказаться от покупки при длительных сроках ожидания, а порядка 45% ориентируются на доставку в течение 1–2 дней. Таким образом, скорость доставки становится важным элементом конкурентоспособности предприятия.

Не менее значимым фактором является стоимость доставки. Высокие транспортные издержки могут привести к снижению спроса. По оценкам, около 65% потребителей отказываются от покупки при высокой стоимости доставки, 50% выбирают компании, предлагающие бесплатную доставку, а около 30% готовы увеличить сумму заказа для получения бесплатной доставки. Это вынуждает предприятия искать баланс между снижением издержек и сохранением привлекательности для потребителей.

Конечная цель любой логистической операции - предоставить клиенту высококачественный сервис, который будет соответствовать его ожиданиям. Приведем несколько примеров реализации улучшения качества услуг в логистике:

- Улучшение системы управления запасами, чтобы клиенты могли получать свои заказы быстрее и точнее.
- Развитие и использование технологий для отслеживания и управления грузами, которые позволяют клиентам отслеживать свои заказы в режиме реального времени.
- Оптимизация маршрутов доставки, чтобы снизить время доставки и сократить затраты на транспортировку.
- Внедрение программ лояльности, которые предоставляют клиентам бонусы и скидки при постоянных заказах.
- Установление службы поддержки клиентов, готовой отвечать на вопросы и помогать решать возникающие проблемы.
- Введение строгих процедур контроля качества, чтобы обеспечить соответствие требованиям клиентов и стандартам качества.

В условиях цифровизации экономики особую роль играет внедрение современных технологий в логистические процессы. Использование автоматизированных складских систем, цифровых платформ управления поставками и аналитики данных позволяет значительно повысить эффективность деятельности. В частности, автоматизация складов способствует сокращению времени обработки заказов с 60 минут до 15–20 минут, что увеличивает производительность труда и снижает операционные издержки. Использование электронного документооборота может ускорить процесс обмена документами между участниками логистической цепочки и сократить время на обработку заказов.

Кроме того, законодательство и таможенные процедуры также оказывают существенное влияние на логистику в России. Необходимость соблюдения требований и нормативов, регулирующих импорт и экспорт товаров, может замедлить процессы и увеличить затраты. Внедрение новых правил и законодательных инициатив также может создавать сложности и вызывать неопределенность для логистических компаний.

В России существует несколько законов, регулирующих логистику и таможенные процедуры, такие как Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза».

Таможенный кодекс Евразийского экономического союза содержит информацию о таможенных процедурах, таких как таможенный транзит, таможенный склад, переработка на таможенной территории.

Однако развитие логистики сопряжено с рядом рисков. К основным из них относятся рост цен на топливо, нестабильность поставок, зависимость от транспортной инфраструктуры, а также необходимость значительных инвестиций в развитие логистических систем. Кроме того, высокая конкуренция в сфере доставки требует постоянного совершенствования процессов и внедрения иннова-

ционных решений. Снижение данных рисков представляет собой ключевой элемент управления логистическими процессами и поддержания конкурентоспособности компании на рынке. Эффективное управление рисками может существенно уменьшить затраты и, следовательно, привести к увеличению прибыли для всех участников цепи поставок [3, с. 180].

В процессе анализа производится качественная и количественная оценка угроз, а также устанавливаются факторы, способствующие возникновению и изменению рисков, а также их динамика во временном контексте. Процесс оценки и анализа рисков включает в себя несколько этапов. [2, с. 43].

Таким образом, логистика является важнейшим элементом экономики предприятия, оказывающим прямое влияние на уровень затрат, объём продаж и конечную прибыль. Эффективное управление логистическими процессами позволяет не только снизить издержки, но и повысить конкурентоспособность предприятия на рынке. В современных условиях именно оптимизация доставки становится одним из ключевых направлений повышения экономической эффективности деятельности организаций.

Российский рынок труда претерпевает активные трансформации в последние годы, что связано с цифровой революцией и стремительной роботизацией, вызванными техноэкономическими изменениями. В 2025 году тенденции цифровой трансформации охватывают все большее количество аспектов экономической деятельности, влияя на различные отрасли и сферы занятости. Важно отметить, что меняется характер занятости, особенно в тех секторах, где автоматизированные системы приходят на смену ручному труду.

Тенденции в отраслях, наблюдаемые в 2025 году, стали результатом цифровой революции, что создало перед экономикой сложные вызовы, такие как увеличение структурной безработицы и социальная изоляция. Структурная безработица, возникающая из-за нехватки квалификаций для высоких технологий, нуждается в срочном решении.

Таким образом, логистика – это не просто вспомогательная функция бизнеса; это стратегически важный аспект, который напрямую влияет на продуктивность и финансовый успех компании. Эффективные логистические решения помогают оптимизировать процессы, снижать издержки и повышать уровень обслуживания клиентов. В условиях глобальной экономики и высокой конкуренции знание основ логистики становится необходимым для успешного ведения бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллануров Н., Атаджанов Р. Развитие современной логистики и ее роль в экономике // *Cognitio Rerum*. – 2023. – № 6. – С. 67–69.
2. Бекмурзаева З.Х. Проблемы современной логистики // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. – 2022. – № 5 (126). – С. 41–44.
3. Колядина А.В., Малышев Е.А. Развитие рынка логистики в России: тренды, ожидания и риски в 2022 году // *Актуальные проблемы экономики и управления*. – 2022. № 1 (11). – С. 178–183.

ВЛИЯНИЕ КОРРУПЦИИ НА КАЧЕСТВО ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Ильина Татьяна Александровна, студентка 4 курса направления «Таможенное дело»

Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

За последние годы внимание к коррупционным рискам в таможене усилилось. В основном это связано с тем, что подобные риски влияют на качество администрирования и эффективность контроля. Коррупция представляет собой условия, при которых появляется возможность злоупотребления служебным положением.

Коррупция проявляется в виде получения взяток, принятия «правильных» решений и/или игнорирования нарушений.

В таможенной сфере такие риски нередко возникают из-за того, что сотрудники имеют доступ к информации, оформляют товары и взаимодействуют с бизнесом в целом. Так создается ситуация, где возможен личный интерес.

Согласно исследованиям, в таможенных органах коррупционные правонарушения чаще всего выявляются самими же подразделениями по противодействию коррупции. Конечно, можно сказать, что система работает исправно и предотвращает случаи взяточничества, но это так же указывает на недочеты и на наличие проблем в этой самой системе [6].

По данным Федеральной таможенной службы, в 2023 году было возбуждено 268 уголовных дел коррупционной направленности. В 2024 этот показатель достиг 69 уголовных дел в отношении 72 должностных лиц, при этом только 38 сотрудников были осуждены [2].

Аналогичная ситуация в региональных таможнях: в одном из таможенных управлений за год возбуждено 95 уголовных дел, из которых больше половины связаны именно с дачей взяток [7]. Конечно, есть и положительные моменты в данной тенденции.

Рисунок 1 – Уголовные дела коррупционной направленности в 2023–2024 гг.

Например, за последние годы наблюдается снижение количества дел, связанных с коррупцией на 17% [5].

Кроме того, коррупция оказывает негативное влияние на экономику государства. Только за 2024 год в России зарегистрировано более 105 тысяч экономических преступлений, а ущерб от них составил около 296 млрд рублей. [3]

Коррупционные риски напрямую влияют на качество работы таможенных органов: во-первых, снижается эффективность контроля. Контроль теряет значение, когда решения принимаются не по закону, а под влиянием личной выгоды.

Во-вторых, страдает прозрачность. Никто из участников ВЭД не может быть уверенным в одинаковом подходе.

В-третьих, возникает неравенство условий. Пока одни компании вынуждены соблюдать правила, другие получают преимущества за счет неформальных договоренностей.

И.А. Куделько проводя анализ структуры преступлений показал, что самыми распространенными формами и предпосылками появления коррумпированной преступности в органах таможенного контроля считаются:

1. Злоупотребление должностными лицами своими служебными полномочиями;
2. Получение и дача взятки должностным лицом таможенных органов;
3. Недостаточная заработная плата, не соответствующая уровню квалификации таможенных органов;
4. Недостаточно высокий воспитательно-профилактический уровень подготовки руководителей таможенного контроля;
5. Служебный подлог, проявляющийся во внесении в документацию ложных сведений;
6. Халатность, выражающаяся в неисполнении должностных полномочий служащими таможенных органов;
7. Иные преступления, совершенные против интересов государственной службы, приводящие к нестабильной экономической безопасности.

Стоит также учитывать причины коррупции.

Их можно разделить на несколько групп:

1. Организационные причины: к ним относятся сложные процедуры оформления и большое количество регламентов;
2. Кадровые причины: к такой нагрузке можно отнести стресс и недостаточная мотивация;
3. Системные причины: недостаточная прозрачность, слабая автоматизация процессов.

Отдельно стоит отметить меры по снижению коррупции в таможенных органах, такие как:

- ротация кадров;
- обеспечение соблюдения должностными лицами таможенных органов Кодекса этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов РФ;
- проверка сведений, представленных гражданами, претендующими на замещение должностей;
- выявление и пресечение противоправной деятельности организаторов контрабандных каналов, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, оказывающих им содействие;
- соблюдение должностными лицами таможенных органов государственной или иной тайны, сведений;
- анализ на коррупциогенность действующих правовых актов ФТС России;
- развитие автоматизированной системы электронного документооборота с использованием электронной цифровой подписи;

– мониторинг исполнения должностными лицами таможенных органов должностных обязанностей;

– минимизации личных контактов должностных лиц таможенных органов, осуществляющих ТО и ТК, участников ВЭД, исключение случаев регулярного таможенного оформления товаров одних и тех же участников ВЭД одними и теми же должностными лицами таможенного органа.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод, что коррупционные риски оказывают заметное влияние на качество таможенного администрирования.

Хоть данные статистики и указывают на то, что проблема сохраняется, несмотря на принимаемые меры, наличие уголовных дел и выявленных нарушений, но в то же время наблюдается постепенное снижение числа правонарушений. Это говорит нам об эффективности антикоррупционной политики.

Для улучшения ситуации в будущем необходимо развивать цифровизацию любого документооборота, повышать прозрачность и усиливать контроль, ведь только так можно будет повысить доверие к таможенной системе, усилить качество администрирования и создать более справедливые условия для бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Результаты работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов РФ // Федеральная таможенная служба: официальный сайт. – 2024. – URL: <https://customs.gov.ru>

2. Статистика коррупционных преступлений в таможне за 2024 год // Горизонт событий. – 2024. – URL: <https://horizonevents.ru/kogo-sazhali-za-korruptciju-v-tamozhne-2024/>

3. Экономические преступления в России: статистика за 2024 год // UTA Service. – 2025. – URL: <https://uta-service.com/stati/samye-populyarnye-ugolovnye-prestupleniya-v-ved/>

ПРИВЛЕЧЕННЫЕ РЕСУРСЫ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Каргин Илья Васильевич, Расшивалина Маргарита Алексеевна студенты 2 курса специальности Экономическая безопасность

Научный руководитель: **Катайкина Наталья Николаевна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Привлеченные ресурсы коммерческого банка представляют собой финансовые ресурсы, которые не принадлежат банку, но в течение некоторого времени принимают участие в его обороте в роли источников финансирования банковских операций. Пассивные операции делятся на две группы: по формированию собственных ресурсов, которые принадлежат непосредственно банку и не требуют возврата, по привлечению средств на время, с помощью которых образуются заемные ресурсы; по операциям второй группы у банка возникают обязательства (перед вкладчиками, банкам и кредиторами).

Пассивные операции коммерческого банка – это управление средств на счета коммерческого банка, получение кредитов или формирование собственного капитала. Пассивные операции включают в себя: эмиссионные, кредитные, депозитные операции.

ПАО «Сбербанк России» является «универсальным коммерческим банком, который предоставляет своим клиентам ряд различных услуг, например: проводит операции с различными ценными бумагами; проводит операции по вкладам; предоставление кредитов, ссуд как физическим, так и юридическим лицам; предоставляет возможность аренды сейфов; занимается валютными операциями и т.д.

Данные расчетов показывают, что объем ресурсов коммерческого банка увеличился 40348353 млн руб. до 58073011 млн руб. или на 17724658 млн руб. (43,93%). Динамика состава ресурсов коммерческого банка показывает, как изменилась сумма собственных ресурсов за 2022–2024 гг. За 3 года величина уставного капитала не изменилась и составила 67761 млн. руб. Эмиссионный доход от выпуска акций составил 228054 млн руб. Сумма собственных средств за 3 года выросла до 6973652 млн руб. или 24,87%.

Привлеченные ресурсы коммерческого банка включают в себя ряд источников: открытие вкладов и счетов (депозитные операции), выпуск облигаций и сертификатов (эмиссионные операции). Депозитные операции коммерческих банков представляют собой привлечение денежных средств (вкладов и депозитов) от физических и юридических лиц для формирования ресурсной базы банка и увеличения объема активных операций. Эти операции являются ключевым источником финансирования для коммерческих банков и играют важную роль в денежно-кредитной политике страны. Депозиты – это главный привлекаемый ресурс коммерческими банками.

Рассмотрим объемы операций, способствующих формированию привлеченных ресурсов коммерческого банка. Общая сумма привлеченных ресурсов коммерческого банка и заемных средств называется обязательства [2]. Сумма обязательств за 2022–2024 гг. увеличилась до 51099359 млн. руб. или на 46,99%. Основными операциями коммерческого банка в области формирования привлеченных ресурсов являются депозитные операции коммерческого банка – это привлечение средств на вклады и счета, а также крупные депозиты.

Вклады – это средства физических лиц, вложенные в коммерческий банк, а депозиты – представляют собой крупные суммы денежных средств, полученные от юридических лиц. Депозиты, несмотря на свою распространенность, связаны с определенными проблемами. Основные из них включают риски банкротства банка, инфляцию, валютные колебания, налоги на доход с вкладов, и сложности при досрочном снятии средств.

По результатам расчетов выявлено, что финансовые обязательства, оцениваемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток увеличились до 1197784 млн. руб. или 36,53% (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика операций по формированию привлеченных ресурсов Сбербанка
в 2022–2024 гг., млн. руб.**

№ п/ п	Наименование статьи	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Отклонение 2024 г. от 2022 г.	
					млн. руб.	%
1	Кредиты, депозиты и прочие средства Центрального банка Российской Федерации	1367009	2324185	1446927	79918	5,85
2	Средства клиентов, оцениваемые по амортизированной стоимости	31088456	39233256	46786516	15698060	50,49
2.1	вклады (средства) физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей	18632908	23065674	28017146	9384238	50,36
2.2	депозиты юридических лиц	12455548	16167582	18769370	6313822	50,69
3	Финансовые обязательства, оцениваемые по справедливой стоимости через прибыль или убыток	877329	1063188	1197784	320455	36,53
3.1	вклады (средства) физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей	181686	239983	330858	149172	82,10
4	Выпущенные долговые ценные бумаги	972532	779506	527195	-445337	-45,79
5	Обязательства по текущему налогу на прибыль	50328	45049	17334	-32994	-65,56
6	Прочие обязательства	407793	531203	1123603	715810	175,53
7	Всего обязательств	34763447	43976387	51099359	16335912	46,99

Коммерческий банк выпускает долговые ценные бумаги (облигации), величина которых сократилась до 527195 млн. руб. или на 45,79%. Сумма кредитов, депозитов и прочих средств Центрального банка Российской Федерации, которые были получены Сбербанком России за 3 года, увеличилась до 1446927 млн руб. или на 5,85%, а это увеличение привлеченных ресурсов. Величина обязательств по текущему налогу на прибыль возросла до 17334 млн. руб. или на 65,56%. Одновременно величина прочих обязательств выросла до 1123603 млн. руб. или в 2,75 раза.

Средства клиентов Сбербанка России, оцениваемые по амортизированной стоимости за 3 года, выросли до 46786516 млн руб. или на 50,49%. В данную статью вошли вклады (средства) физических лиц, в том числе средства индивидуальных предпринимателей, которые за 3 года выросли до 28017146 млн руб. или на 50,36%. Кроме вкладов, выявлено увеличение суммы депозитов юридических лиц до 18769370 млн. руб. или на 50,69%.

Рассмотрим в чем разница между депозитом и вкладом. Часто эти слова считаются синонимами, что порой приводит к недопониманию или даже ошибкам. Так, вклад можно назвать депозитом, а вот в обратную сторону это не работает. Объясним, почему. Главное отличие депозита в том, что на нем можно хранить не только деньги, но и другие активы. Вклад же ограничен только денежными средствами. Как следствие, если депозит назвать вкладом, это сузит понятие до финансовых вложений и исключит все остальное.

Изучим виды депозитов. Депозиты можно делить по разным характеристикам. По сроку хранения их бывает всего два: срочные – период обговаривается до заключения договора между банком и физлицом, он влияет на ставку; до востребования – клиент может отозвать средства, когда посчитает нужным. Проценты сохранятся независимо от срока, но ставка будет низкой.

Также депозиты различают по условиям: с возможностью пополнения после открытия; без пополнения; расходуемые, то есть с выводом части средств в процессе хранения; нерасходуемые.

В 2026 г. Сбербанк предлагает вклад «Ключевой». Процентная ставка по вкладу равна ключевой ставке Центробанка за вычетом дисконта 2%. Общие условия представлены в таблице 2.

Таблица 2

Общие условия вклада «Ключевой» в 2026 г.

Признак	Содержание
Кто может оформить вклад	Клиенты в возрасте от 14 лет
Сроки вклада	6, 9, 12, 18, 24, 36 мес.
География продаж	Все территориальные банки ПАО Сбербанк
Где можно оформить вклад	В веб-версии и мобильном приложении Сбербанк Онлайн
Минимальная сумма вклада	100 000 рублей
Минимальная гарантированная ставка	Минимальная гарантированная ставка по вкладу равна фиксированной процентной ставке на минимальную сумму без учёта капитализации процентов
Пополнение	Не предусмотрено
Частичное снятие	Допускается в размере остатка причисленных процентов
Условия начисления процентов	Ежемесячно
Условия досрочного расторжения	По ставке вклада «До востребования Сбербанка России» – 0,01% годовых
Условия продления вклада	Вклад продлится автоматически на условиях СберВклада по ставке, действующей на дату продления, с учётом надбавок. Ставка рассчитывается для вклада в рублях, без пополнения, на тот же срок и ту же первоначальную сумму (без учёта процентов), по условиям как для открытия онлайн. Если у СберВклада не окажется такого же срока, применяется ставка для следующего меньшего. Если нет подходящей суммы, вклад продлится по ставке «До востребования Сбербанка России». Надбавка, связанная с изменением ключевой ставки Центробанка, при продлении уже не применяется

Данные расчетов показывают, что доля вкладов в общей сумме источников банка повысилась с 46,18% до 48,24% или на 2,06 процентных пункта. Доля депозитов юридических лиц в общей сумме источников банка выросли с 30,87% до 32,32% или на 1,45 пункта. Основные финансовые показатели деятельности ПАО «Сбербанк» представлены в таблице 3.

Рентабельность активов за 2022–2024 гг. увеличилась с 0,7% до 2,68% или на 1,95 процентных пункта, а это положительные изменения [1]. В целом по результатам исследования можно сказать, что наблюдается улучшение эффективности деятельности банка. Однако рентабельность использования средств во вкладах невысокая, значит нужно принимать в серьезные управленческие решения для улучшения деятельности банка в области привлечения средств во вклады и по их размещению.

В целом по результатам исследования можно сказать, что наблюдается улучшение эффективности деятельности банка. Однако рентабельность использования средств во вкладах невысокая, значит нужно принимать в серьезные управленческие решения для улучшения деятельности банка в области привлечения средств во вклады и по их размещению.

Таблица 3

**Основные финансовые показатели деятельности
ПАО «Сбербанк» за 2022–2024 гг., млн руб.**

№ п/п	Показатели	2022 г.	2023 г.	2024 г.	Отклонение 2024 г. от 2022 г.	
					абс.	%
1	Общая сумма источников	40348353	50308142	58073011	17724658	43,93
2	Обязательства банка	34763447	43976387	51099359	16335912	46,99
2.1	вклады физических лиц	18632908	23065674	28017146	9384238	50,36
2.2	депозиты юр лиц	12455548	16167582	18769370	6313822	50,69
3	Доля вкладов в общей сумме источников банка, %	46,18	45,85	48,24	2,06	4,46
4	Доля депозитов в общей сумме источников банка, %	30,87	32,14	32,32	1,45	4,70
5	Чистые процентные до- ходы	1405750	2112219	2311172	905422	64,41
6	Комиссионные доходы	851606	1056713	1140962	289356	33,98
7	Чистые доходы	1231704	2947157	3104199	1872495	152,02
8	Прибыль до налогообложе- ния	338641	1865510	1858379	1519738	448,78
9	Чистая прибыль	295765	1480819	1554929	1259164	425,73
10	Собственные средства банка, млн руб.	5584906	6331755	6973652	1388746	24,87
11	Средства клиентов, оцени- ваемые по амортизированной стоимости	31088456	39233256	46786516	15698060	50,49
12	Рентабельность активов, % (п9/п1*100 %)	0,73	2,94	2,68	1,95	267,12
13	Обеспеченность средств клиентов (оцениваемые по	0,18	0,16	0,15	-0,03	-17,03

	амортизированной стоимо- сти) собственными сред- ствами (п10/п11)					
--	---	--	--	--	--	--

Обеспеченность привлеченных ресурсов в виде депозитов и вкладов собственными средствами за 3 года снизилась с 0,18 до 0,15 или на 0,03 пункта, а это отрицательные изменения. Так, в 2022 г. на 1 руб. привлечённых ресурсов приходилось 18 коп. собственных средств, а в 2024 г. обеспеченность снизилась на 3 коп. или до 0,15 руб.

Управление привлеченными ресурсами в целом можно считать эффективным, так как прибыль увеличивается, деятельность считается эффективной, увеличивается количество вкладов и депозитов, происходит рост количества клиентов.

Для улучшения оценки и управления привлеченными ресурсами коммерческого банка можно рекомендовать:

Во-первых, необходимо оптимизировать процессы привлечения средств, делая их более удобными и привлекательными для клиентов.

Во-вторых, важно диверсифицировать источники пассивов, чтобы снизить зависимость от одного типа ресурсов.

В-третьих, следует повышать эффективность управления пассивами, чтобы обеспечить надежность и прибыльность банка.

В-четвертых, необходимо улучшать использование интернет-технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антошкина М.Н. Анализ активных операций коммерческого банка и разработка направлений по их совершенствованию (на материалах АО «Россельхозбанк») // М.Н. Антошкина, И.В. Каргин, Н.Н. Катайкина. В книге: Молодежь и кооперация – 2025. Тезисы докладов XLIX Межрегиональной студенческой научной конференции. – Чебоксары, 2025. – С. 18–20.

2. Катайкина Н.Н. Формирование и использование банковских ресурсов. В сборнике: современные вопросы развития общества в условиях цифровизации. Материалы II национальной научно-практической конференции. в 2-х частях. Саранск, 2023. – С. 65–71.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Колышкина Анна Алексеевна, студентка 4 курса направления «Финансы и кредит»

Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Начало XXI века характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, оказывающих влияние на все сферы общественной жизни, включая экономику и государственное управление. В этих условиях особую актуальность приобретает цифровизация финансового контроля как одного из ключевых инструментов обеспечения прозрачности и эффективности финансовой системы.

Финансовый контроль представляет собой совокупность действий и операций по проверке финансовой деятельности субъектов хозяйствования и управления с применением специфических форм и методов его организации.

Цифровизация, в свою очередь, определяется как процесс внедрения информационных технологий во все сферы деятельности, включая экономику. Соответственно, цифровизация финансового контроля – это внедрение цифровых технологий и информационных систем в процессы контроля, направленное на повышение эффективности, прозрачности и точности проверки финансовой информации.

Традиционно финансовый контроль носил ретроспективный характер, то есть был направлен на выявление нарушений после совершения финансовых операций. Однако в условиях цифровизации происходит его качественная трансформация.

Современный финансовый контроль приобретает следующие характеристики:

- переход от выборочных проверок к анализу больших массивов данных;
- автоматизация процессов обработки информации;
- внедрение риск-ориентированного подхода;
- переход к непрерывному мониторингу финансовых операций.

Таким образом, финансовый контроль трансформируется из инструмента фиксации нарушений в механизм управления финансовыми рисками в режиме реального времени.

Цифровая трансформация финансового контроля базируется на использовании ряда современных технологий:

1) Big Data и аналитика данных – позволяют обрабатывать значительные объёмы информации и выявлять закономерности и отклонения в финансовых операциях.

2) Искусственный интеллект и машинное обучение – применяются для выявления аномалий, прогнозирования рисков и автоматизации контрольных процедур.

3) Электронный документооборот – обеспечивает ускорение обработки документов, снижение издержек и повышение прозрачности.

4) Интеграция информационных систем – создаёт возможность сквозного контроля движения финансовых ресурсов.

5) Блокчейн-технологии – обеспечивают неизменяемость данных и повышают доверие к финансовым операциям.

Использование данных технологий способствует повышению эффективности контроля, снижению влияния человеческого фактора и улучшению качества управленческих решений.

В Российской Федерации цифровизация финансового контроля развивается достаточно активно, однако по сравнению с ведущими странами находится на этапе формирования.

По данным аналитических оценок, расходы на цифровую трансформацию государственного сектора в России в 2025 году составили около 296 млрд рублей.

В то же время глобальные инвестиции в цифровую трансформацию превышают 2 трлн долларов, что свидетельствует о существенном разрыве в масштабах внедрения технологий.

Основные особенности российской модели:

- акцент на автоматизацию отдельных процессов;
- развитие государственных информационных систем;
- внедрение элементов риск-ориентированного контроля;
- использование базовых аналитических инструментов.

Несмотря на положительную динамику, сохраняются следующие ограничения:

- недостаточный уровень цифровой инфраструктуры;
- дефицит квалифицированных кадров;
- технологическая зависимость;
- сравнительно низкий уровень инвестиций.

В развитых странах цифровизация финансового контроля осуществляется на более высоком уровне.

Лидерами цифровой конкурентоспособности являются такие страны, как Швейцария, США, Сингапур и государства Северной Европы.

Их подход характеризуется:

- созданием цифровых экосистем;
- широким применением искусственного интеллекта;
- использованием платформенных решений;
- интеграцией всех финансовых процессов в единую систему управления.

Таким образом, различия между Россией и ведущими странами заключаются не только в объёмах инвестиций, но и в уровне зрелости цифровой стратегии.

Несмотря на очевидные преимущества, цифровизация сопровождается рядом проблем:

- угрозы информационной безопасности и киберриски;
- возможность утечки конфиденциальных данных;
- зависимость от цифровой инфраструктуры;
- необходимость постоянного обновления технологий;
- риск избыточного доверия автоматизированным системам.

Данные проблемы требуют совершенствования нормативно-правовой базы и развития системы подготовки кадров.

Цифровизация финансового контроля является объективным и неизбежным этапом развития современной экономики. Она способствует повышению прозрачности финансовых потоков, снижению коррупционных рисков и улучшению качества управления.

Вместе с тем в Российской Федерации данный процесс находится на стадии активного развития и требует дальнейших инвестиций, совершенствования инфраструктуры и подготовки специалистов.

Перспективы развития финансового контроля связаны с созданием цифровых экосистем, интеграцией информационных систем и широким использованием интеллектуальных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нешиной А.С. Финансы: Учебник для бакалавров / А. С. Нешиной. – 12-е изд., стер. – Москва : Дашков и К°, 2020. – 352 с.

2. Всемирная организация интеллектуальной собственности (WIPO). Global Innovation Index 2025: Russian Federation. – URL:<https://www.wipo.int/gii-ranking/en/russian-federation> (дата обращения: 27.03.2026).

3. The Business Research Company. Digital Transformation Market Report 2026 . – Research and Markets. – URL:<https://www.researchandmarkets.com/reports/5939230/digital-transformation-market-report> (дата обращения: 27.03.2026).

4. International Institute for Management Development (IMD). World Digital Competitiveness Ranking. – URL: <https://www.imd.org/centers/world-digital-ranking/> (дата обращения: 27.03.2026).

5. TAdviser. Departmental VCT Digital Transformation Programs. – URL:https://tadviser.com/index.php/Article:Departmental_VCT_Digital_Transformation_Programs (дата обращения: 27.03.2026).

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Малыженкова Татьяна Владимировна, студентка 4 курса направления «Финансы и кредит»
Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

В условиях глобализации экономики, нестабильности финансовых рынков и усиления конкурентной борьбы предприятия сталкиваются с необходимостью повышения качества управления. Управленческие решения должны приниматься в условиях ограниченности ресурсов, неопределенности внешней среды и высокого уровня рисков.

Одним из ключевых инструментов, обеспечивающих обоснованность управленческих решений, является финансовый контроль. Он позволяет не только выявлять нарушения и отклонения, но и формировать аналитическую основу для стратегического и оперативного управления.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов финансового контроля в условиях цифровой трансформации экономики и повышения требований к прозрачности деятельности организаций.

Финансовый контроль является составной частью системы управления и выполняет функцию обратной связи. Он обеспечивает сопоставление фактических результатов с запланированными показателями и позволяет корректировать управленческие решения.

С экономической точки зрения финансовый контроль представляет собой систему наблюдения, анализа и оценки финансово-хозяйственной деятельности организации. Его основными задачами являются:

- ☐ обеспечение законности финансовых операций;
- ☐ контроль за рациональным использованием ресурсов;
- ☐ выявление резервов повышения эффективности;
- ☐ предупреждение финансовых нарушений.

В современной научной литературе выделяются следующие принципы финансового контроля:

- ☐ объективность и независимость;
- ☐ системность и регулярность;

- ☐ оперативность;
- ☐ результативность.

Соблюдение этих принципов обеспечивает высокое качество контрольных процедур и повышает их значимость для управления.

Финансовый контроль играет ключевую роль на всех этапах принятия управленческих решений – от постановки целей до оценки результатов их реализации.

На этапе планирования контроль позволяет формировать реалистичные бюджеты и прогнозы. На этапе реализации – отслеживать выполнение планов и оперативно реагировать на отклонения. На этапе оценки – анализировать достигнутые результаты и корректировать стратегию.

Особое значение финансовый контроль имеет в следующих управленческих задачах:

- ☐ принятие инвестиционных решений;
- ☐ управление затратами;
- ☐ формирование ценовой политики;
- ☐ оценка эффективности подразделений.

Кроме того, финансовый контроль способствует повышению дисциплины исполнения управленческих решений, так как наличие контрольных процедур стимулирует сотрудников соблюдать установленные регламенты.

В современной практике финансовый контроль реализуется с использованием широкого спектра методов и инструментов.

К основным методам относятся:

- ☐ горизонтальный и вертикальный анализ финансовой отчетности;
- ☐ факторный анализ;
- ☐ сравнительный анализ;
- ☐ анализ отклонений.

Инструменты финансового контроля включают:

- 1) бюджетирование и контроль исполнения бюджетов;
- 2) внутренний аудит;
- 3) управленческую отчетность;
- 4) систему ключевых показателей эффективности (KPI).

Важным направлением является внедрение контроллинга, который объединяет функции планирования, учета, анализа и контроля в единую систему управления.

Современный этап развития экономики характеризуется активным внедрением цифровых технологий, что существенно трансформирует систему финансового контроля.

Использование информационных систем позволяет:

- ☐ автоматизировать сбор и обработку данных;
- ☐ повысить точность и оперативность контроля;
- ☐ снизить влияние человеческого фактора;
- ☐ обеспечить непрерывный мониторинг финансовых показателей.

К наиболее распространённым цифровым решениям относятся:

1) ERP-системы (планирование ресурсов предприятия) – управляет всеми ресурсами предприятия: финансами, производством, складом, персоналом;

2) системы бизнес-аналитики – это комплекс инструментов, приложений и сервисов для сбора, обработки и визуализации бизнес-данных;

3) автоматизированные системы внутреннего контроля – это комплекс программных решений и технических средств, который помогает компании управлять рисками, соблюдать регламенты и обеспечивать достоверность данных за счёт автоматизации контрольных процедур;

4) технологии больших данных – это совокупность технологий, инструментов и методов обработки огромных объемов структурированных и неструктурированных данных для выявления закономерностей, трендов и инсайтов, которые невозможно обнаружить традиционными способами.

Цифровизация способствует переходу от ретроспективного контроля к превентивному, что значительно повышает качество управленческих решений.

На практике эффективная система финансового контроля обеспечивает устойчивое развитие организации. Она позволяет своевременно выявлять проблемные зоны, оптимизировать расходы и повышать рентабельность.

Особое значение финансовый контроль имеет в условиях кризисных ситуаций, когда необходимо быстро принимать решения по сокращению затрат, реструктуризации деятельности и управлению ликвидностью.

Кроме того, наличие эффективной системы контроля повышает инвестиционную привлекательность компании, так как снижает уровень рисков для инвесторов и кредиторов.

Практика показывает, что предприятия, активно использующие инструменты финансового контроля, демонстрируют более высокие показатели эффективности и устойчивости.

Финансовый контроль является важнейшим инструментом принятия управленческих решений и играет ключевую роль в обеспечении эффективности деятельности организации. Его значение возрастает в условиях нестабильной экономической среды и цифровой трансформации.

Интеграция финансового контроля в систему стратегического управления, использование современных методов анализа и цифровых технологий позволяют существенно повысить качество управленческих решений.

Перспективы развития финансового контроля связаны с дальнейшей автоматизацией, внедрением интеллектуальных систем анализа данных и усилением его роли в стратегическом управлении организациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров В.В. Финансовый контроль в организациях. – Санкт-Петербург : Питер, 2020. – 256 с.
2. Диковская, Ж.В. Понятие «финансовый контроль» // Молодой ученый. – 2023. – № 48 (495). – С. 84–86.
3. Зуб, А.Т. Принятие управленческих решений: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2023. – 332 с.
4. Каплан, Р.С., Нортон, Д.П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. – Москва : Олимп-Бизнес, 2021. – 320 с.

5. Мельник, М.В., Герасимова, Е.Б. Контроллинг в системе управления организацией. – Москва : Инфра-М, 2021. – 248 с.
6. Синцова, Е.А., Воскресенская, О.В. Современные подходы к организации финансового контроля на предприятии // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2023. – № 10. – С. 114–120.
7. Фоменко, Т.Н., Павлюченко, Т.Н., Костева, Н.Н., Калюгина, И.В. Алгоритм применения элементов финансового контроля // Современная экономика: проблемы и решения. – 2024. – № 12. – С. 75–86.
8. Шеремет А.Д., Сайфулин Р.С. Финансы предприятий. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 343 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ

Машинская Маргарита Александровна, студентка 4 курса направления «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Современная экономическая реальность характеризуется экспоненциальным ростом объемов, генерируемых данных, что ставит перед системами контроля и аудита принципиально новые вызовы. Традиционные методы, базирующиеся на выборочных проверках, все чаще демонстрируют свою ограниченность в условиях, когда массивы финансовой и операционной информации исчисляются миллионами записей. Именно в этом контексте происходит формирование новой парадигмы контрольной деятельности, основанной на тотальном мониторинге с использованием технологий искусственного интеллекта и продвинутой аналитики данных [1]. Суть данного подхода заключается в переходе от анализа ограниченных выборок к сплошному наблюдению за всеми без исключения операциями и процессами в режиме, приближенном к реальному времени. Как справедливо отмечается в современных исследованиях, технологическая эволюция, включающая машинное обучение, автоматизацию и искусственный интеллект, расширила охват контрольных процедур, сократила временные и трудовые затраты и высвободила потенциал для более качественного выполнения аудиторских задач. Профессиональное суждение и экспертиза аудитора получают возможность сфокусироваться на действительно сложных и нестандартных ситуациях, в то время как рутинная проверка массивов данных делегируется интеллектуальным системам [2].

Технической основой для реализации тотального мониторинга внутреннего контроля выступает конвергенция нескольких классов технологий. Прежде всего, это алгоритмы машинного обучения, способные выявлять скрытые закономерности и аномалии в структурированных данных, такие как случайный лес, градиентный бустинг или нейронные сети. Исследования в этой области демонстрируют впечатляющие результаты: применение случайного леса в сочетании с платформами потоковой обработки данных (Kafka, Blink) позволяет повысить эффективность аудита на 30%, а точность выявления рисков – до 90%. Машин-

ное обучение дает возможность выйти за рамки ограниченной выборки, одновременно оценивая всю доступную информацию и акцентируя внимание на документах с высоким уровнем риска. Для анализа неструктурированной информации, такой как тексты договоров, сканы первичных документов или переписка, применяются методы обработки естественного языка и компьютерного зрения [3]. Эти инструменты позволяют автоматизировать извлечение ключевых данных, интерпретировать регуляторные требования и отслеживать их выполнение. Практика крупнейших аудиторско-консалтинговых компаний, в частности PwC, подтверждает, что внедрение аналитических платформ расширяет охват контрольных процедур, усиливает возможности обнаружения аномалий и позволяет реализовать элементы непрерывного подтверждения достоверности информации.

Практическая реализация концепции тотального мониторинга внутреннего контроля находит отражение в деятельности не только «большой четверки», но и крупнейших корпораций реального сектора. Международный производитель игровых технологий IGT внедрил программу непрерывного аудита, которая позволила перейти от выборочного тестирования к анализу всей совокупности данных. Автоматизированные рабочие процессы, интегрированные непосредственно с учетными системами SAP, обеспечили не только расширение охвата, но и впечатляющую экономию времени – до 85% по сложным аудиторским кейсам. Аналогичный подход демонстрирует финансовая группа ING, которая автоматизировала процесс планирования аудита и внедрила инструменты процессной аналитики, позволяющие более чем 400 аудиторам визуализировать реальные потоки операций и мгновенно выявлять транзакции, отклоняющиеся от нормы. Это позволило сократить ручную подготовку данных до практически мгновенного доступа и увеличить долю аудитов, использующих продвинутую аналитику, до 70%. В свою очередь, Rabobank масштабировал инструменты самостоятельного выявления аномалий для более чем 300 аудиторов, что позволило не только стандартизировать подходы к оценке рисков, но и перейти от поиска известных паттернов мошенничества к обнаружению ранее неизвестных схем с помощью кластерного анализа и предиктивных моделей [4]. Особого внимания заслуживает опыт KLM Royal Dutch Airlines, где генеративный ИИ применяется для интерпретации регуляторных текстов и извлечения ключевых дат, что сократило цикл обновления процедур с недель до часов и высвободило трех сотрудников от ручной обработки данных.

Внутренний контроль на основе искусственного интеллекта открывает новые горизонты не только в финансовом аудите, но и в сфере информационной безопасности и управления корпоративными данными. Подход, основанный на анализе поведения пользователей и сущностей, позволяет создавать динамические поведенческие профили и в реальном времени выявлять отклонения, свидетельствующие о потенциальных угрозах как извне, так и изнутри организации. Такие системы непрерывно отслеживают активность пользователей, устройств и приложений, формируя базовые линии нормального поведения и сигнализируя о любых подозрительных действиях. В области управления данными интеллектуальные алгоритмы автоматизируют процессы категоризации информации, отслеживания ее происхождения и контроля соответствия регуляторным требованиям.

Поскольку, согласно исследованиям McKinsey, 83% организаций считают данные о клиентах и продуктах критически важными для генерации дохода, обеспечение их целостности и безопасности становится приоритетной задачей, эффективное решение которой невозможно без автоматизации и тотального контроля.

Однако переход к парадигме тотального мониторинга сопряжен с рядом серьезных вызовов, требующих осмысленного подхода. Исследователи и практики едины во мнении, что алгоритмы, особенно модели глубинного обучения, часто функционируют как «черные ящики», чьи внутренние процессы принятия решений остаются непрозрачными для пользователей и регуляторов. Это порождает проблему доверия к результатам автоматизированных проверок и затрудняет оспаривание выводов системы. Проекты, подобные французской инициативе РАСМАМ, направлены на создание методологий эффективного аудита самих алгоритмов, позволяющих оценивать их справедливость и точность даже при ограниченном бюджете запросов к модели. Другим значимым риском остается потенциальная предвзятость алгоритмов, обусловленная качеством обучающих данных, а также угрозы утечки конфиденциальной информации. Ключевым условием успешной реализацией внутреннего контроля является синхронное развитие трех компонентов: технологической базы, компетенций персонала и институциональных механизмов контроля за самими интеллектуальными системами. Как показывает опыт внедрения AI в практику PwC, устойчивое преимущество достигается тогда, когда инвестиции в инструменты уравниваются вложениями в развитие людей и создание защитных механизмов, что в совокупности продвигает не только эффективность, но и доверие к AI-услугам.

Таким образом, переход от выборочных проверок к тотальному мониторингу, обеспеченному технологиями искусственного интеллекта и аналитики данных, представляет собой объективный и необратимый процесс эволюции контрольной деятельности. Он знаменует собой не просто техническое усовершенствование, а фундаментальное изменение философии контроля – от ретроспективной констатации фактов к проактивному управлению рисками в режиме реального времени. Будущее контрольной деятельности видится не в полной замене человека алгоритмами, а в построении эффективной коллаборативной модели, где интеллектуальные системы берут на себя функции тотального наблюдения и первичной фильтрации аномалий, а человек сохраняет за собой роль интерпретатора, стратега и носителя профессиональной этики, способного принимать взвешенные решения в сложных, неоднозначных ситуациях, требующих контекстуального понимания и ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каширская, Л.В. Внутренний контроль : учебник / Л.В. Каширская, Т.Б. Турищева. – Москва : КноРус, 2026. – 229 с. – ISBN 978-5-406-15409-0. – URL: <https://book.ru/book/961213> (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.
2. Шарамко, М.М., Внутренний контроль: методология, система и процессы : монография / М.М. Шарамко. – Москва : Русайнс, 2020. – 228 с. – ISBN 978-5-4365-4713-8. – URL: <https://book.ru/book/936041> (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.

3. Пашков, Р.В., Внутренний контроль как модель и система : монография / Р.В. Пашков, Ю.Н. Юденков. – Москва : Русайнс, 2020. – 311 с. – ISBN 978-5-4365-3916-4. – URL: <https://book.ru/book/935113> (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.

4. Колесов, Е.С. Внутренний контроль эффективности деятельности коммерческой организации: системный подход : монография / Е.С. Колесов. – Москва : Русайнс, 2018. – 175 с. – ISBN 978-5-4365-1268-6. – URL: <https://book.ru/book/926582> (дата обращения: 23.02.2026). – Текст : электронный.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Мурсьякаева Яна Михайловна, студентка 4 курса специальности «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Бушева Антонина Юрьевна** к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Финансовый менеджмент представляет собой основу функционирования любого коммерческого предприятия, главной целью которого является получение прибыли. Основная задача финансового менеджмента заключается в повышении эффективности деятельности хозяйствующего субъекта на основе использования оптимальных подходов и инструментов к управлению финансами: финансовому планированию, управлению инвестиционной деятельностью, финансовыми рисками и финансовой устойчивостью, управленческому учету, финансовому контролю, прогнозированию и т.д. [1].

Финансовый менеджмент охватывает широкий спектр направлений – от управления финансовыми ресурсами до повышения конкурентоспособности хозяйствующего субъекта [2]. Как отмечает В.И. Данилин, финансовый менеджмент призван управлять финансами организации для принятия оптимальных инвестиционных и финансовых решений [3]. И.Я. Лукасевич [4], Ю.А. Долгих [5] и другие исследователи считают, что главная цель финансового менеджмента заключается в обеспечении достижения стратегических и тактических целей предприятия.

В современных нестабильных экономических условиях, связанных с геополитической напряженностью, санкционным давлением недружественных стран, высокой волатильностью курса валют, система финансового менеджмента требует новых подходов, инструментов и решений, способных обеспечить финансовую стабильность предприятий. При этом активно протекающая цифровизация экономики усиливает роль и значение цифрового и информационного обеспечения механизмов принятия финансовых решений, управления активами и пассивами организации [6].

В научной литературе представлено большое количество работ, посвященных исследованию использования цифровых технологий в отдельных сферах финансового менеджмента: риск-менеджменте, финансовом планировании и бюджетировании и др. При этом отмечается недостаток работ, в которых авторы изучали бы влияние цифровизации на финансовый менеджмент целостно, рассматривая его как систему, а не отдельные направления управления финансами.

Обратимся к анализу основных тенденций цифровизации экономики Российской Федерации за последние годы. Как отмечают ученые, в настоящее время мы находимся на этапе четвертой промышленной революции «Индустрия 4.0», которая характеризуется бурным развитием и распространением высокоскоростного мобильного интернета, цифровых и сквозных технологий, искусственного интеллекта и т.д.

В 2021–2024 гг. наблюдалась положительная динамика увеличения валовых внутренних затрат на развитие цифровой экономики, а также внутренних затрат организаций на создание, распространение и использование цифровых технологий. Наиболее активно в создании, распространении и использовании цифровых технологий участвуют предприятия в сфере информации и связи, финансовом секторе, обрабатывающей промышленности, профессиональной, научной и технической деятельности.

Несмотря на активные темпы цифровизации, первоочередной задачей системы финансового менеджмента является оптимальное использование финансовых и других ресурсов в стоимостном выражении. Решение этой задачи предоставляет ERP-система (от англ. Enterprise Resource Planning – планирование ресурсов предприятия). Это автоматизированная система планирования, учета, контроля и анализа основных бизнес-процессов организации. В современные ERP-системы активно интегрируются передовые методы искусственного интеллекта (машинное обучение, большие данные, компьютерное зрение, обработка естественного языка). Их использование базируется на сборе, обработке и анализе огромных объемов данных, которые невозможно осуществить ни вручную, ни с использованием других автоматизированных систем.

ERP-системы предназначены для всестороннего управления организацией – от бухгалтерского учета до продаж. Значительным преимуществом данного решения является принцип формирования единого хранилища данных, а также предоставление доступа к информации в зависимости от полномочий сотрудников. Единое хранилище данных позволяет синхронизировать потоки информации, поступающие из разных отделов предприятия, и взаимоувязывать действия всех подразделений с целью повышения прибыльности организации.

На отечественном рынке основными игроками в области ERP-систем в условиях импортозамещения являются «1С: Предприятие», «Галактика», «Эдит Про», «Турбо ERP» и «Компас ERP». В 2022–2024 гг. стали активно появляться поставщики узкоспециализированных систем.

Следующая технология – BI-системы (Business Intelligence) – набор инструментов и программ, которые собирают информацию о предприятии из разных источников (ERP и CRM-систем, файловых хранилищ), обрабатывают ее и представляют в виде таблиц, схем и графиков. Данная технология особенно полезна для компаний, работающих сразу на нескольких рынках. BI-системы позволяют повысить эффективность финансового менеджмента за счет прогнозирования спроса на рынке, выявления путей снижения издержек, оптимизации использования ресурсов, повышения прозрачности бизнес-процессов предприятия. На отечественном рынке представлены такие BI-платформы, как Analytic Workspace, Glarus BI, Yandex DataLens, Visiology, PIX BI и др.

Третья технология – Process Mining (процессная аналитика). Она подразумевает анализ бизнес-процессов организации, что позволяет выявлять не соответствующие внутренним процедурам действия и факты мошенничества (обеспечивает совершенствование управления финансовыми рисками); повышать конверсию продаж и сокращать расходы на продажу; оптимизировать расходы; повышать уровень качества обслуживания клиентов; оптимизировать урегулирование убытков по ДМС, анализировать процесс закупок и т.д.

Системы Process Mining внедрены во многие крупные компании: ПАО «Газпром», ПАО КБ «УБРИР», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Банк ВТБ» и др. На российском рынке представлены следующие отечественные решения: Loginom Process Mining (LPM), Proceset, VK Process Mining, Sber Process Mining и др.

Четвертая цифровая технология – RPA (Robotic process automation) – технология автоматизации бизнес-процессов, использующая программных роботов для выполнения рутинных и повторяющихся задач. Она может применяться компаниями, в которых происходит большое количество рутинных процессов, не требующих интуитивных решений. Основными направлениями применения роботов в финансовом менеджменте являются:

- перенос данных между различными информационными системами;
- автоматизация процесса обработки актов сверки;
- осуществление сверки данных по РСБУ и МСФО;
- формирование отчетов и рассылка их в проверяющие органы;
- управление дебиторской и кредиторской задолженностью за счет отслеживания ее возникновения и рассылки уведомлений контрагентам.

Внедрение RPA-систем позволяет на 21% уменьшить количество ошибок за счет непрерывной, надежной и качественной реализации задач; на 19% снизить временные затраты бизнес-процессов за счет высокой скорости работы роботов; на 7% повысить оптимизацию бизнес-процесса за счет высокой функциональности системы. Это подтверждает успешная практика применения роботов в ГК «Норильский никель», ПАО «Группа Черкизово», холдинге S7, ПАО «Газпром нефть» и др.

Возможности и преимущества использования цифровых технологий и решений в финансовом менеджменте представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Возможности и преимущества использования цифровых технологий
и решений в финансовом менеджменте**

Цифровая технология или решение	Возможности и преимущества использования в финансовом менеджменте
ERP-системы	управление денежными средствами и финансовой устойчивостью; управление расходами; расчет себестоимости; формирование отчетности; управление тендерами и инвестиционными проектами; анализ затрат; анализ прибыльности рынков

Цифровая технология или решение	Возможности и преимущества использования в финансовом менеджменте
BI-системы	снижение издержек; оптимизация использования ресурсов; выявление нерентабельных производств; повышение скорости и точности принятия решений; минимизация простоя оборудования; повышение прозрачности финансовых процессов; прогнозирование
Process Mining	обнаружение потенциала для применения RPA; выявление отклонений от регламентных процессов и моделирование рисков (управление финансовыми рисками); оптимизация расходов; анализ процесса закупок; поиск и высвобождение ресурсов для развития; определение факторов, влияющих на прибыль, продажи
RPA-решения	сокращение затрат за счет ускорения работы, повышения производительности труда сотрудников, автоматизации повторяющихся процессов; снижение количества ошибок, вызванных человеческим фактором; оптимизация ресурсов; управление дебиторской и кредиторской задолженностью; выявление мошенничества

Несмотря на наличие многочисленных преимуществ внедрения цифровых технологий в систему финансового менеджмента хозяйствующих субъектов, необходимо отметить барьеры и причины, по которым многие предприятия до сих пор отказываются от приобретения передовых цифровых решений:

- передовые цифровые технологии требуют значительных инвестиций и вложений на их проектирование, внедрение и эксплуатацию;

- ИТ-инфраструктура российских компаний на 75% состоит из зарубежных решений, что осложняет их использование из-за антироссийских санкций. Отечественные ИТ-компании активно занимаются импортозамещением в области цифровых технологий, в том числе применяемых в финансовом менеджменте, однако эксперты отмечают, что зачастую эти решения требуют серьезных доработок, а также то, что отечественные производители не предоставляют аналогов сложных отраслевых решений;

- дефицит ИТ-специалистов, которые могут оказать высококвалифицированную помощь руководителям предприятий в выборе, внедрении и использовании подходящей информационной системы, удовлетворяющей потребности в области финансового менеджмента;

- использование импортных ERP-систем связано с такими рисками, как невозможность покупки новой лицензии, трудности с техподдержкой, кибератаки и утечки данных из-за отсутствия обновлений, полная блокировка от поставщика [6]. В то же время отечественные решения не могут на 100% заменить импортные системы, а перенос накопленных за много лет функционирования предприятий данных и особенностей автоматизации текущих бизнес-процессов на новые платформы представляет собой одну из самых больших проблем, связанную с риском потери всех данных и приложений;

– риск утечки информации – автоматизация и цифровизация бизнес-процессов, хранение данных в облачных хранилищах неизбежно связаны с риском несанкционированного доступа и утечки персональных и бизнес-данных.

Реализация цифрового инструментария в системе финансового менеджмента обеспечивает эффективность, конкурентоспособность и прибыльность предприятий в современных условиях цифровой экономики. Это сложный, затратный, но в то же время необходимый процесс, который поможет хозяйствующим субъектам адаптироваться к требованиям цифровой среды и достичь своих финансовых целей. Преодоление выявленных барьеров – высокой стоимости внедрения, зависимости от импортного программного обеспечения, дефицита квалифицированных кадров и рисков информационной безопасности – требует комплексного подхода, включающего государственную поддержку процессов цифровизации, развитие отечественных ИТ-решений и подготовку специалистов соответствующего профиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калустов, А.А. Оценка эффективности финансового менеджмента субъектов бизнеса: дис. ... канд. эконом. наук / А.А. Капустов. – ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», 2025.
2. Пионткевич, Н.С. Финансовый менеджмент организации: трактовка научных подходов / Н.С. Пионткевич // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 6 (53). – С. 361–366.
3. Данилин, В.И. Финансовый менеджмент: задачи, тесты, ситуации : учеб. пособие / В.И. Данилин. – Москва : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 360 с.
4. Лукасевич, И.Я. Финансовый менеджмент : учебник / И.Я. Лукасевич. – Москва : Эксмо, 2010. – 768 с.
5. Долгих, Ю.А. Финансовый менеджмент: учебное пособие / Ю.А. Долгих, Т.В. Бакунова, Е.А. Трофимова, Е.С. Панфилова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 118 с.
6. Таранова, И.В. Концепции управления финансовой устойчивостью организаций в условиях цифровой трансформации региона / И.В. Таранова, Ю.О. Шаврина // Московский экономический журнал. – 2021. – № 9. – С. 237–247.

РОЛЬ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Мурсьякаева Яна Михайловна, студентка 4 курса специальности «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт(филиал) РУК

В условиях динамичной рыночной конъюнктуры, высокой конкуренции и постоянного изменения потребительского спроса организации сталкиваются с множеством угроз, способных подорвать их финансовую устойчивость. Хищения товарно-материальных ценностей, ошибки в учете, недобросовестные действия персонала, сбои в цепочках поставок и несоблюдение требований законодательства – лишь часть рисков, требующих постоянного мониторинга и управления. В этой связи система внутреннего контроля (СВК) выступает не просто инструментом бухгалтерского учета, а фундаментальным механизмом обеспече-

ния экономической безопасности предприятия. Цель данной статьи – проанализировать структуру, функции и проблемы реализации внутреннего контроля в организациях, а также предложить пути повышения его эффективности.

Внутренний контроль представляет собой совокупность политик, процедур и практических мер, направленных на достижение организацией поставленных целей, защиту активов, обеспечение точности бухгалтерской отчетности и соблюдение нормативных требований [1, с. 45]. В организациях, характеризующихся высокой оборачиваемостью средств и большим объемом хозяйственных операций, значение СВК многократно возрастает.

Ключевые принципы построения эффективной системы внутреннего контроля включают [4, с. 132]:

Непрерывность – контроль должен осуществляться на всех уровнях управления и во всех подразделениях компании на постоянной основе.

Компетентность – участие сотрудников, обладающих необходимыми полномочиями и квалификацией.

Экономическая целесообразность – затраты на осуществление контроля не должны превышать эффект от его внедрения.

Субъектами контрольной деятельности могут выступать различные категории лиц: от генерального директора и главного бухгалтера до специализированных подразделений (внутренний аудит, ревизионная комиссия) и уполномоченных сотрудников.

В соответствии с общепризнанной концепцией COSO (Committee of Sponsoring Organizations), система внутреннего контроля включает пять взаимосвязанных компонентов [1, с. 57]:

Контрольная среда – фундамент всех остальных элементов, определяющий общее отношение организации к контролю. Включает корпоративную культуру, этические ценности, стиль управления, организационную структуру и кадровую политику.

Оценка рисков – непрерывный процесс идентификации и анализа потенциальных угроз, способных воспрепятствовать достижению целей компании.

Процедуры контроля – конкретные политики и действия (утверждения, авторизации, проверки, сверки, разделение обязанностей), обеспечивающие выполнение указаний руководства.

Информация и коммуникация – выявление, регистрация и распространение актуальной и своевременной информации, необходимой сотрудникам для выполнения контрольных функций.

Мониторинг – регулярная оценка эффективности функционирования СВК посредством текущих наблюдений и периодических проверок (внутренний аудит, ревизии).

Экономическая безопасность торговой организации – это состояние защищенности ее жизненно важных интересов от внутренних и внешних угроз. Внутренний контроль способствует достижению этого состояния по следующим направлениям:

Защита активов. Разделение обязанностей, авторизация операций и регулярные инвентаризации снижают риски хищений и злоупотреблений материально ответственными лицами.

Достоверность учета и отчетности. Точный учет предотвращает финансовые искажения, способные ввести в заблуждение собственников, инвесторов и контролирующие органы.

Соблюдение законодательства. Систематический мониторинг соответствия деятельности требованиям законов (например, Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете») защищает организацию от штрафов и репутационных потерь [6].

Операционная эффективность. Четко регламентированные процедуры обеспечивают бесперебойность бизнес-процессов и оперативное реагирование на сбои.

Управление рисками. СВК позволяет не только фиксировать уже свершившиеся нарушения, но и прогнозировать потенциальные угрозы, разрабатывая превентивные меры.

Проблемы реализации внутреннего контроля в российских торговых компаниях

Несмотря на очевидную значимость, на практике многие российские предприятия сталкиваются с трудностями при построении эффективной СВК. Основной проблемой остается формальный подход: оценка внутреннего контроля зачастую воспринимается руководством лишь как обязанность перед налоговыми и иными регуляторами, а не как инструмент повышения эффективности бизнеса. В отличие от международной практики, где СВК служит драйвером улучшений, в России она нередко превращается в бюрократическую процедуру, создающую лишь видимость безопасности.

Следствием формального подхода становятся: финансовые просчеты, ведущие к убыткам; неисполнение договорных обязательств из-за отсутствия контроля за сроками и условиями поставок; невыявленные финансовые злоупотребления; наличие неэффективных процедур, не защищающих от реальных угроз.

Для повышения роли внутреннего контроля в обеспечении экономической безопасности торговых организаций рекомендуется:

Цифровизация контрольных процедур. Внедрение автоматизированных систем управления запасами, мониторинга электронных транзакций и инструментов анализа данных (big data) позволяет повысить скорость и качество контроля.

Развитие кадрового потенциала. Проведение регулярного обучения сотрудников процедурам внутреннего контроля и повышение их осведомленности о рисках.

Независимый аудит. Регулярное привлечение внешних аудиторов для объективной оценки эффективности СВК.

Формирование культуры ответственности. Руководство должно демонстрировать приверженность принципам прозрачности и подотчетности, создавая этическую основу для контроля на всех уровнях.

Внутренний контроль играет решающую роль в обеспечении экономической безопасности торговых организаций, выступая структурированной основой для управления рисками. Эффективная СВК позволяет не только защитить активы и обеспечить достоверность отчетности, но и повысить операционную эффективность, соблюсти требования законодательства и своевременно реагировать на изменения внешней среды. Преодоление формального подхода к контролю, внедрение современных цифровых инструментов и формирование культуры ответственности являются ключевыми условиями для превращения внутреннего контроля из обременительной обязанности в стратегическое конкурентное преимущество.

ЛИТЕРАТУРА

1. COSO. Внутренний контроль: Интегрированная концепция. – пер. с англ. – Москва : Маркетинговые коммуникации, 2020. – 180 с.
2. Бочаров В.В. Экономическая безопасность предприятия : учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2021. – 384 с.
3. Ковалев В.В., Волкова О.Н. Анализ финансовой отчетности : учебник. – Москва : Проспект, 2020. – 320 с.
4. Крутик А.Б. Внутренний контроль и аудит в организации : учебное пособие. – Москва : Юрайт, 2023. – 246 с.
5. Савицкая Г.В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учебник. – 8-е изд., перераб. и доп. – Минск : Новое знание, 2023. – 688 с.
6. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «О бухгалтерском учете» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 50. – Ст. 7344.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ БЛОКЧЕЙН: ВОЗМОЖНОСТИ, РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РФ

Мурсякаева Яна Михайловна, студентка 4 курса специальности «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Катайкина Наталья**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Сфера государственных закупок традиционно является зоной повышенных финансовых рисков и коррупционных проявлений. Непрозрачность процедур, сложность отслеживания цепочек поставок и высокий «человеческий фактор» при принятии решений создают условия для неэффективного расходования бюджетных средств. В этих условиях технология блокчейн, обеспечивающая децентрализованное хранение данных и автоматизацию исполнения обязательств, рассматривается как инструмент кардинального повышения эффективности госзаказа. Цель данной статьи – проанализировать возможности и ограничения применения блокчейна в госзакупках, а также оценить перспективы адаптации данной технологии в Российской Федерации с учетом развития платформы Masterchain и внедрения цифрового рубля.

1. Прозрачность и неизменность данных как основа борьбы с коррупцией

Главным преимуществом блокчейна в контексте госзакупок является создание неизменяемого аудиторского следа. Как отмечается в исследовании, фикс-

сация всех этапов закупочной процедуры – от публикации извещения до подписания контракта – исключает возможность постфактум корректировки протоколов или подмены заявок [19]. Это нивелирует такие правонарушения, как «дорисовка» документов задним числом или искусственное затягивание сроков.

Пример Грузии, внедрившей блокчейн для регистрации прав собственности, демонстрирует, что даже в смежных областях технология резко сокращает пространство для взяток и бюрократических проволочек. В госзакупках это транслируется в невозможность скрыть факт отклонения легитимной заявки или подменить критерии оценки уже после завершения торгов.

2. Смарт-контракты и управление контрактными обязательствами

Внедрение смарт-контрактов позволяет автоматизировать исполнение обязательств. Автоматизация происходит по принципу «если – то»: средства резервируются на счете заказчика, и при наступлении оговоренных условий (подписание акта приемки, данные с IoT-датчиков) происходит мгновенное перечисление оплаты подрядчику.

Такой подход решает проблему задержек платежей и исключает необходимость в сложном документообороте. Кроме того, смарт-контракты минимизируют кредитные риски государства: подрядчик уверен в оплате при условии качественного выполнения работ, а заказчик защищен от непоставки товара, так как средства возвращаются в бюджет при срыве сроков.

3. Прослеживаемость цепочек поставок

Государство закупает сложную продукцию: медицинское оборудование, стройматериалы, технику. Блокчейн позволяет выстроить прозрачную историю перемещения товара от производителя до конечного получателя. Фиксация каждой отгрузки субподрядчиками создает условия, при которых подлог происхождения товара или подмена качества становятся невозможными без нарушения целостности реестра. Это особенно актуально для борьбы с контрафактом в сфере гособоронзаказа и фармацевтики.

4. Анализ зарубежного и российского опыта

Зарубежная практика демонстрирует широкий спектр применения блокчейна в госфинансах (табл. 1). В Мексике система контроля бюджетных расходов на блокчейне позволила снизить уровень коррупции, в Нидерландах проект Summittо борется с НДС-мошенничеством. Китай использует технологию для защиты электронных инвойсов от подделки.

Таблица 1

Международные кейсы применения блокчейна в государственном секторе

Страна	Проект / Система	Цель внедрения	Экономический эффект
Мексика	Блокчейн-отслеживание госфинансов	Контроль бюджетных расходов	Снижение коррупции
Канада	Ethereum для госгрантов	Прозрачность тендеров	Более открытая отчетность

Страна	Проект / Система	Цель внедрения	Экономический эффект
Китай	Электронные инвойсы	Борьба с подделкой счетов	Сокращение фальсификаций
Нидерланды	Summitto – НДС-контроль	Пресечение мошенничества с НДС	Предотвращение махинаций

В Российской Федерации ключевым драйвером внедрения может стать интеграция блокчейна с платформой Masterchain и использование цифрового рубля. Цифровой рубль, будучи формой национальной валюты, позволит сделать платежи по контрактам полностью отслеживаемыми и программируемыми (окрашивание средств), а Masterchain обеспечит необходимую инфраструктуру для размещения данных о контрактах с учетом требований к защите информации.

5. Вызовы и ограничения внедрения

Несмотря на очевидные преимущества, авторы выделяют ряд системных проблем:

Нормативная база: отсутствие четкого правового статуса смарт-контрактов и порядка взаимодействия блокчейн-платформ с existing Единой информационной системой (ЕИС) в сфере закупок.

Производительность: необходимость обеспечения высокой скорости обработки транзакций при масштабировании системы на всю страну.

Человеческий фактор: риск сговора вне цифровой среды (например, прием некачественных работ на этапе физической приемки). Технология фиксирует данные, но не оценивает их достоверность без внешних оракулов.

Подготовка кадров: дефицит специалистов, владеющих одновременно компетенциями в области госуправления и распределенных реестров.

Блокчейн-технологии обладают значительным потенциалом для реформирования системы государственных закупок в России. Создание прозрачной и неизменной среды для проведения торгов и исполнения контрактов способно снизить коррупционные риски, оптимизировать бюджетные расходы и повысить доверие бизнеса к государственным институтам. Однако успешная имплементация возможна только при комплексном подходе: доработке законодательства, развитии национальной блокчейн-инфраструктуры (Masterchain) и внедрении цифрового рубля как programmable money. Технология должна стать не самоцелью, а частью системной стратегии цифровой трансформации публичных финансов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блокчейн и цифровая экономика : монография / Под ред. А.В. Белых. – Москва : КНОРУС, 2021. – 316 с.
2. Зайцева Е.В. Блокчейн и финансы: новые подходы к обеспечению прозрачности. – Москва : Финансовый университет, 2022. – 280 с.
3. Коваленко А.П. Прозрачность государственных финансов и современные технологии. – Санкт-Петербург : Питер, 2023. – 338 с.

4. Лаврушин О.И. Финансовые технологии в государственном управлении. – Москва : Экономика, 2021. – 355 с.
5. Сидоров В.Е. Развитие блокчейн-технологий в государственном секторе. – Новосибирск : НГУ, 2021. – 295 с.
6. Тихонов В.Л. Блокчейн в управлении государственными финансами: перспективы внедрения. – Екатеринбург : УрФУ, 2022. – 265 с.

ФИНАНСОВЫЙ МОНИТОРИНГ В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Мурсьякаева Яна Михайловна, студентка 4 курса специальности «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Елисеева Ольга Владимировна** к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Финансовый мониторинг представляет собой важнейший элемент государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Актуальность исследования данной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, масштабы теневых финансовых потоков в России остаются значительными: по оценкам экспертов, в 2023 году объем отмытых средств составил 2,09 трлн рублей, что превышает 1% ВВП страны [1, с. 76]. Во-вторых, стремительное развитие цифровых технологий – криптовалют, искусственного интеллекта, блокчейна – создает новые возможности для совершения экономических преступлений, опережая развитие инструментов государственного контроля. В-третьих, геополитическая изоляция и ограничение международного сотрудничества с развитыми финансовыми центрами требуют выработки новых подходов к организации финансового мониторинга.

Теоретической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных авторов в области финансового мониторинга и противодействия отмыванию доходов: А.А. Долбни [2], В.Н. Едроновой [3], В.А. Зубкова [4], Е.Н. Алифановой с соавторами [5], а также работы, посвященные влиянию финансовых инноваций на экономическую безопасность [6; 7]. Нормативную основу составили Федеральный закон № 115-ФЗ [12], указы Президента РФ [13] и документы международных организаций (FATF) [14].

Развитие института финансового мониторинга в России прошло несколько качественных этапов, тесно связанных с международным контекстом и внутренними политико-экономическими трансформациями.

Первый этап (конец 1980-х – 1990-е годы) характеризовался формированием международно-правовой основы ПОД/ФТ. В 1989 году была создана Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). Для СССР, а затем и для России в условиях переходной экономики вопросы противодействия отмыванию доходов не являлись приоритетными. Тем не менее, ратификация Венской конвенции ООН 1988 года [11] и принятие в 1997 году Уго-

ловного кодекса РФ, включившего статью 174 об ответственности за легализацию преступных доходов, заложили нормативную основу для последующего развития.

Второй этап (2000–2004 годы) – институциональное оформление системы ПОД/ФТ под влиянием внешних факторов. В 2000 году Россия была включена в «черный список» FATF стран с недостаточной системой противодействия отмыванию денег, что создало угрозу применения экономических санкций. Принятие в 2001 году Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [12] и создание Комитета по финансовому мониторингу (с 2004 года – Федеральная служба по финансовому мониторингу, Росфинмониторинг) [13] стали поворотными моментами. Ратификация Страсбургской конвенции Совета Европы в мае 2001 года [2] завершила формирование правовой базы.

Третий этап (2004–2022 годы) – развитие правоприменительной практики и международное признание. В этот период были сформированы механизмы взаимодействия с банковским сектором, создана Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ), расширены полномочия Росфинмониторинга. В 2013 году доклад России перед FATF привел к переходу к мягкому режиму мониторинга, а в 2019 году российская система была признана соответствующей международным стандартам и одной из наиболее эффективных в мире [14].

Четвертый этап (с 2022 года по настоящее время) связан с необходимостью адаптации системы ПОД/ФТ к новым геополитическим реалиям и технологическим вызовам. Ограничение международного сотрудничества с европейскими странами актуализирует задачу выстраивания самостоятельной эффективной системы финансового мониторинга.

В мировой практике выделяют четыре основные модели организации финансового мониторинга: административную (Австралия, Бельгия, Испания), правоохранительную (Германия, Латвия, Финляндия), судебную (Кипр, Люксембург) и смешанную (Нидерланды, Дания). Российская модель относится к административному типу, при котором функции ПОД/ФТ сосредоточены в специализированном органе исполнительной власти – Росфинмониторинге.

Уникальной особенностью российской модели, по мнению А.А. Долбни [2], является высокая степень самостоятельности территориальных органов Росфинмониторинга в рамках единой информационной сети. Они обладают достаточными ресурсами и полномочиями для проведения независимых расследований, что для административной модели с традиционно жесткой централизацией является редким исключением.

В структуре финансового мониторинга как государственной функции выделяются три ключевых компонента:

Государственный надзор в сфере ПОД/ФТ;

Финансово-аналитическая разведка;

Координация деятельности надзорных и правоохранительных органов.

Механизм мониторинга ПОД/ФТ включает надзор за организациями, осуществляющими операции с денежными средствами, разработку нормативно-правовой базы и координацию деятельности государственных органов.

Несмотря на высокую международную оценку, система финансового мониторинга России сталкивается с серьезными вызовами.

Технологические вызовы. Развитие криптовалют, технологии блокчейн и искусственного интеллекта создает новые каналы для отмывания доходов. Как отмечают О.Н. Волкова [7] и Т.Т. Луонг с соавторами [6], финансовые инновации опережают развитие инструментов контроля. Анонимность транзакций в криптовалютах, сложность отслеживания бенефициарных владельцев, использование децентрализованных финансовых платформ требуют принципиально новых подходов к мониторингу.

Геополитические вызовы. Изоляция России от европейских стран, традиционно лидирующих в области финансового контроля, ограничивает обмен опытом и передовыми методиками. Это требует активизации сотрудничества в рамках ЕАГ и БРИКС, а также разработки собственных технологических решений.

Масштабы теневой экономики. Объемы отмывания преступных доходов остаются значительными, что свидетельствует о сохраняющихся пробелах в системе контроля. Особую тревогу вызывает использование современных технологий для финансирования терроризма, в том числе в условиях специальной военной операции.

Во-первых, система финансового мониторинга в России прошла впечатляющий путь становления за относительно короткий исторический период. От полного отсутствия институтов ПОД/ФТ в 1990-е годы страна пришла к созданию системы, признанной международными экспертами одной из наиболее эффективных в мире.

Во-вторых, российская модель финансового мониторинга относится к административному типу, но обладает уникальной особенностью – высокой степенью самостоятельности территориальных органов, что повышает оперативность и эффективность расследований.

В-третьих, современные вызовы, связанные с цифровой трансформацией экономики и геополитической изоляцией, требуют дальнейшего совершенствования системы ПОД/ФТ. Необходима разработка комплексной стратегии развития финансового мониторинга, включающей:

- внедрение методов мониторинга криптовалютных транзакций;
- использование технологий искусственного интеллекта для выявления подозрительных операций;
- развитие международного сотрудничества в рамках дружественных стран;
- совершенствование нормативной базы с учетом новых технологических реалий.

Перспективным направлением будущих исследований является выработка долгосрочной стратегии развития финансового мониторинга в Российской Федерации, ориентированной на противодействие новым формам экономических преступлений в условиях цифровой экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Танющева Н.Ю., Куницына Н.Н. Методические подходы к оценке количественных параметров объема отмывания денег // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17. – № 10. – С. 1903–1928.
2. Долбня А.А. Развитие системы финансового мониторинга Российской Федерации // Вестник НГУЭУ. – 2019. – № 1. – С. 205–222.
3. Едренова В.Н. Развитие системы финансового мониторинга в Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 5 (338). – С. 4–17.
4. Зубков В.А. Формирование и развитие системы финансового мониторинга в Российской Федерации : монография. – Москва : Университетская книга, 2008.
5. Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С., Ильин А.В., Крамарева Е.А. Индикаторы оценки масштабов теневых потоков и рисков отмывания денег в мировой экономике // Финансовые исследования. – 2018. – № 3. – С. 44–54.
6. Луонг Т.Т., Лаосути Т., Лерскуллават А. Влияние финансовых инноваций на экономический рост: теоретическая модель // Финансы: теория и практика. – 2025. – № 29(5). – С. 34–46.
7. Волкова О.Н. Биткойн, альткойны, цифровой рубль: об экономической природе криптовалют // Финансы: теория и практика. – 2025. – № 29(5). – С. 21–33.
8. Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В. Этико-психологическое портретирование российского коррупционера // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 4. – С. 31–47.
9. Зверькова Т.Н. Цифровая трансформация региональных банков: роль AI и Open API // Финансы: теория и практика. – 2025. – № 29(5). – С. 151–163.
10. Бодяко А.В., Зайцева Т.Л., Краюшкина М.В., Пономарева С.В. Роль внутрикорпоративного контроля в обеспечении технологического суверенитета российской экономики // Успехи науки, технологий и инноваций. – 2024. – С. 141–146.
11. История Росфинмониторинга. – URL: <https://www.fedsfm.ru/about/history>
12. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС Гарант.
13. Указ Президента РФ от 1 ноября 2001 г. № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС Гарант.
14. Отчет FATF. – URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/mer/Mutual-Evaluation-Russian-Federation-2019.pdf>
15. Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу (вместе с Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу) // СПС Консультант-Плюс.
16. Финансовый мониторинг : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры: Т. I / под ред. Ю.А. Чиханчина, А.Г. Братко. – Москва : Юстицинформ, 2018. – 131 с.

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ТЕОРИЯ ЧИСЕЛ

Новосельцев Сергей Денисович, студент 1 курса направления «Информационные системы и программирование»

Научный руководитель: **Тимошкина Алина Сергеевна**, преподаватель кафедры экономики и информационных технологий

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Стремительное развитие информационных технологий сопровождается обострением проблемы безопасности данных. Криптографические методы защиты информации играют ключевую роль в обеспечении конфиденциальности,

целостности и аутентичности информации при её передаче и хранении. Фундаментальную основу современных криптосистем составляет теория чисел – раздел математики, изучающий свойства целых чисел. Особое значение для криптографии имеют вопросы делимости и сравнимости целых чисел, а также конечные алгебраические структуры: группы, кольца и поля.

Криптографические системы с открытым ключом базируются на понятии односторонних функций – функций, которые легко вычислить в прямом направлении, но практически невозможно обратить за приемлемое время при современном уровне развития вычислительной техники. Под односторонностью понимается не математически доказанная необратимость, а практическая невозможность вычисления обратного значения с использованием существующих вычислительных средств. В основе наиболее распространенных криптоалгоритмов лежат две классические задачи теории чисел: факторизация больших полупростых чисел на простые множители и дискретное логарифмирование в конечных полях.

Простые числа – целые натуральные числа больше единицы, которые имеют ровно два натуральных делителя: единицу и самих себя. Причина широкого использования простых чисел в криптографии заключается именно в трудности их обнаружения и отсутствии простой генерирующей функции, которая позволяла бы описывать все простые числа. Для современных криптографических стандартов используются простые числа размером 1024 бита и более. Распределение простых чисел в натуральном ряду неравномерно: например, среди 32-битных чисел количество простых составляет примерно 93 миллиона, то есть одно простое число приходится в среднем на тридцать чисел [2].

Криптосистема RSA была разработана в 1977 году Рональдом Ривестом, Ади Шамиром и Леонардом Адлеманом в Массачусетском технологическом институте. Название алгоритма образовано первыми буквами фамилий авторов. Интересно, что аналогичная система была описана английским математиком Клиффордом Коксом из британской разведывательной службы GCHQ еще в 1973 году, однако из-за сверхсекретности эта информация стала известна только в 1997 году.

Криптосистема RSA основана на двух фундаментальных фактах теории чисел: задача проверки числа на простоту является сравнительно легкой, а задача разложения числа вида $n = p \cdot q$ на множители является чрезвычайно трудной, где p и q – большие простые числа. Процесс генерации ключей включает следующие этапы. Выбираются два различных больших простых числа p и q . Вычисляется их произведение $n = p \cdot q$. Определяется значение функции Эйлера $\varphi(n) = (p-1) \cdot (q-1)$. Выбирается целое число d , взаимно простое с $\varphi(n)$, причем единица меньше d и d меньше $\varphi(n)$. Находится число e , удовлетворяющее условию $e \cdot d \equiv 1 \pmod{\varphi(n)}$. Числа n и d составляют открытый ключ, а число e – закрытый ключ. Безопасность алгоритма гарантируется тем, что для нахождения e необходимо знать $\varphi(n)$, то есть исходные простые числа p и q .

Показательный случай, демонстрирующий сложность факторизации, произошел с числом RSA-129, имеющим 129 десятичных знаков и 425 бит. Это число было опубликовано в колонке Мартина Гарднера в Scientific American в 1977 году.

Однако в 1993–1994 годах более 600 добровольцев из 20 стран, объединив вычислительные мощности 1600 компьютеров в проекте распределенных вычислений, сумели найти множители за полгода. Этот случай наглядно продемонстрировал, что оценки стойкости криптосистем должны учитывать прогресс вычислительной техники и возможность параллельных вычислений.

Современным направлением развития асимметричной криптографии является использование эллиптических кривых над конечными полями. Математическую основу этого подхода составляет теория эллиптических кривых и алгебраическая геометрия. Основное преимущество эллиптической криптографии заключается в том, что при существенно меньшей длине ключа она обеспечивает уровень безопасности, сопоставимый с RSA. Это достигается за счет того, что задача дискретного логарифмирования на эллиптической кривой оказывается значительно сложнее задачи факторизации или дискретного логарифмирования в конечном поле. Группа точек эллиптической кривой обладает богатой алгебраической структурой, что позволяет реализовывать на ней различные криптографические протоколы, включая шифрование, электронную подпись и обмен ключами [1].

Практическая реализация криптосистем требует эффективных методов генерации больших простых чисел. Процесс включает две основные задачи: выбор числа в заданном интервале случайным образом и проверку выбранного числа на простоту. Для случайного выбора чисел используются стандартные функции генерации случайных величин, имеющиеся в большинстве языков программирования. Проверка чисел на простоту осуществляется с помощью вероятностных тестов. Одним из наиболее распространенных является тест Рабина-Миллера, основанный на малой теореме Ферма. Малая теорема Ферма утверждает: если p – простое число, то для всех a , не кратных p , выполняется сравнение $a^{(p-1)} \equiv 1 \pmod{p}$.

Развитие квантовых вычислений ставит под угрозу существующие криптосистемы. Алгоритм Шора, предложенный в 1994 году, позволяет эффективно решать задачи факторизации и дискретного логарифмирования на квантовом компьютере. Это означает, что с появлением достаточно мощных квантовых вычислителей RSA и эллиптическая криптография перестанут быть безопасными. Оценки показывают, что для взлома RSA-2048 классическому суперкомпьютеру потребовалось бы около 300 триллионов лет, в то время как квантовый компьютер с достаточным количеством кубитов справится с этой задачей за несколько минут.

В ответ на квантовую угрозу развивается новое направление – постквантовая криптография. Исследуются математические задачи, которые останутся трудными даже для квантовых компьютеров. Среди них криптография на решетках, основанная на задачах нахождения кратчайшего вектора или ближайшего вектора в многомерных решетках. Также разрабатывается многомерная криптография, использующая системы квадратичных уравнений над конечными полями, криптография на основе хеш-функций и криптография на основе кодов, исправляющих ошибки. Национальный институт стандартов и технологий США с 2016 года проводит конкурс по отбору постквантовых криптографических

стандартов, и в 2022 году были выбраны первые алгоритмы-победители, включая Kyber для шифрования и Dilithium для цифровых подписей.

Теория чисел представляет собой фундаментальный математический аппарат современной криптографии. Свойства простых чисел, модульная арифметика, конечные поля и эллиптические кривые составляют основу алгоритмов, обеспечивающих безопасность цифровых коммуникаций. Глубокое понимание математических методов необходимо для создания эффективных систем киберзащиты. В условиях стремительного развития вычислительных технологий и появления квантовых компьютеров математическое сообщество активно разрабатывает новые теоретико-числовые конструкции, способные противостоять вызовам будущего. Дальнейшее развитие теории чисел останется ключевым фактором обеспечения кибербезопасности в обозримой перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кретов, И.А. Анализ современных угроз кибербезопасности: кибератаки и их последствия / И.А. Кретов // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. – 2025. – Т. 2. – С. 845–848.

2. Нефедова, А.А. Области математики, лежащие в основе решений по кибербезопасности / А.А. Нефедова // Образование и наука: современный вектор развития : материалы IV Национальной научно-практической конференции. – Керчь : Керченский государственный морской технологический университет, 2025. – С. 103–109.

ЭФФЕКТ ФИНАНСОВОГО РЫЧАГА В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Рябова Анжела Анатольевна, студентка 4 курса направления «Финансы и кредит»

Научный руководитель: **Бушева Антонина Юрьевна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Финансовый рычаг является одним из ключевых инструментов финансового менеджмента, позволяющим повысить доходность собственного капитала за счёт привлечения заемных средств. В современных условиях развития экономики компании активно используют финансовый рычаг для оптимизации структуры капитала, повышения инвестиционной привлекательности и обеспечения устойчивого роста. Эффективное применение рычага требует внимательного анализа рисков и потенциальной доходности, поскольку чрезмерное использование заемных средств может привести к финансовой нестабильности и росту вероятности банкротства.

Применение финансового рычага тесно связано с общей стратегией финансового менеджмента, включающей управление капиталом, инвестиционные решения и оценку финансовых рисков. В современных условиях глобализации и интеграции финансовых рынков грамотное использование рычага становится критическим фактором конкурентоспособности компаний.

Эффект финансового рычага (финансового леввереджа) представляет собой воздействие структуры капитала на доходность собственного капитала органи-

зации. Основная идея заключается в том, что привлечение заемных средств позволяет увеличить прибыль на единицу собственного капитала, если доходность активов превышает стоимость заемного капитала.

Сущность эффекта финансового рычага заключается в соотношении риска и доходности. При умеренном уровне заемного капитала компании могут существенно повысить рентабельность собственного капитала, однако чрезмерное заимствование повышает финансовые риски, создавая угрозу неплатежеспособности. Эффект финансового рычага оценивается с помощью коэффициентов, отражающих соотношение заемных и собственных средств, а также влияние на рентабельность капитала.

Финансовый рычаг может проявляться в разных формах и видах, в зависимости от структуры капитала и источников финансирования. Основными являются операционный, финансовый и комбинированный рычаг.

Операционный рычаг отражает влияние постоянных операционных расходов на прибыль компании. Чем выше доля постоянных затрат, тем сильнее изменение операционной прибыли при изменении объема продаж.

Финансовый рычаг отражает влияние заемного капитала на прибыль на собственный капитал. Привлечение кредитов, облигаций и других заемных инструментов позволяет повысить доходность собственного капитала при условии, что доходность активов превышает стоимость заемных средств.

Комбинированный рычаг объединяет операционный и финансовый рычаг, показывая общий эффект на прибыль на собственный капитал при изменении объема продаж и структуре капитала.

Для наглядности основных форм финансового рычага представлен пример в таблице 1.

Таблица 1

Основные формы финансового менеджмента

Вид рычага	Сущность и применение	Влияние на доходность
Операционный	Влияние постоянных операционных расходов на прибыль	Увеличивает чувствительность прибыли к объему продаж
Финансовый	Влияние заемного капитала на доходность собственного капитала	Повышает доходность при превышении доходности активов над стоимостью заемных средств
Комбинированный	Совмещение операционного и финансового рычага	Максимальный эффект на доходность собственного капитала при оптимальной структуре капитала

Эффект финансового рычага является важным инструментом финансового менеджмента для принятия стратегических решений. Он позволяет компании оптимизировать структуру капитала, повысить инвестиционную привлекательность и увеличить доходность для акционеров. Финансовый менеджмент использует рычаг для анализа чувствительности прибыли к изменениям операционных и финансовых условий, а также для оценки риска неплатежеспособности.

Использование финансового рычага тесно связано с планированием капитала, бюджетированием и управлением рисками. Финансовые менеджеры

должны оценивать как потенциальные выгоды от привлечения заемных средств, так и возможные негативные последствия чрезмерного заимствования. В современных компаниях принятие решений о применении финансового рычага опирается на количественные модели, прогнозирование денежных потоков и анализ рентабельности активов.

Несмотря на преимущества, применение финансового рычага связано с определенными проблемами и ограничениями. Основной риск – это риск неплатежеспособности, который возникает при превышении обязательств над возможностями компании их погасить. Высокий уровень заемного капитала делает организацию более уязвимой к экономическим кризисам, колебаниям процентных ставок и изменению рыночной конъюнктуры.

Дополнительными ограничениями являются законодательные и налоговые аспекты, требования кредиторов, а также ограниченность внутреннего управленческого контроля. Эффективное применение финансового рычага требует соблюдения баланса между собственными и заемными средствами и регулярного анализа финансовой устойчивости компании.

Эффект финансового рычага является важнейшим инструментом финансового менеджмента, позволяющим повысить доходность собственного капитала и оптимизировать структуру капитала организации. Комплексное использование операционного, финансового и комбинированного рычага позволяет прогнозировать влияние изменений объема продаж и структуры капитала на прибыль. Системное применение финансового рычага, представленного в таблице 1, демонстрирует его роль в повышении доходности и управлении финансовыми рисками. Однако необходимо учитывать связанные с ним риски и ограничения, чтобы обеспечить устойчивое развитие компании и финансовую стабильность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виниченко, В. А. Финансовый менеджмент : учебник / В.А. Виниченко. – Новосибирск : СГУВТ, 2020. – 209 с.
2. Котегова, Л.А. Финансовый менеджмент : учебное пособие / Л.А. Котегова. – Москва : Дело РАНХиГС, 2025. – 88 с.
3. Орлов, А.А. Финансовый менеджмент : учебное пособие / А.А. Орлов. – Москва : РУТ (МИИТ), 2020. – 163 с.

АУДИТ КАК ВИД ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Рябова Анжела Анатольевна, студентка 4 курса направления «Финансы и кредит»

Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Аудит является важным инструментом финансового контроля, обеспечивающим достоверность и прозрачность финансовой информации. В современных условиях экономического развития, характеризующихся высокой конкуренцией, глобализацией и цифровизацией финансовых процессов, аудит становится неотъемлемой частью управления рисками. Он позволяет как государственным, так и частным организациям подтверждать точность отчетности, выявлять нарушения и повышать доверие инвесторов, кредиторов и партнеров.

История аудита восходит к появлению первых форм бухгалтерского контроля в торговых городах Европы в XIV–XV веках. Современный аудит, как систематическая и независимая проверка финансовой отчетности, получил развитие в XIX–XX веках с формированием международных стандартов и профессиональных организаций аудиторов. В условиях глобальной экономики роль аудита значительно возросла, поскольку инвесторы и государственные органы требуют высокой прозрачности финансовых операций и достоверности отчетности организаций.

Аудит представляет собой систематическую проверку финансовой деятельности организации, направленную на оценку достоверности финансовой отчетности и соответствия установленным стандартам. Основная цель аудита – обеспечить объективную и независимую информацию для принятия управленческих и инвестиционных решений, повышения эффективности использования ресурсов и снижения финансовых рисков.

Суть аудита заключается не только в выявлении ошибок или нарушений, но и в оценке внутренних процессов организации, их эффективности и соответствия нормативным требованиям. Аудит позволяет повысить финансовую дисциплину, снизить вероятность злоупотреблений и создать условия для долгосрочного устойчивого развития организации.

Аудит подразделяется на внутренний, внешний и государственный, каждый из которых выполняет определенные функции и решает специфические задачи финансового контроля.

Внутренний аудит проводится внутри организации и направлен на оценку эффективности управления, соблюдение внутренних процедур и выявление потенциальных рисков. Он является инструментом управления, позволяющим руководству своевременно принимать корректирующие меры, оптимизировать процессы и предотвращать финансовые потери.

Внешний аудит осуществляется независимыми профессиональными аудиторами. Его основная цель – подтвердить достоверность финансовой отчетности для внешних пользователей, таких как инвесторы, кредиторы и регулирующие органы. Внешний аудит повышает доверие к организации, снижает финансовые риски и способствует привлечению инвестиций.

Государственный аудит контролирует соблюдение законодательства, целевое использование бюджетных средств и эффективность государственных программ. Он обеспечивает прозрачность государственных расходов, позволяет выявлять нарушения в бюджетной сфере и предотвращает злоупотребления государственными ресурсами.

Для наглядного сравнения основных видов аудита можно обратиться к таблице 1, где представлены их ключевые характеристики и области применения. Как видно из таблицы, каждый вид аудита выполняет уникальные функции, которые дополняют друг друга в системе финансового контроля.

Основные виды аудита

Вид аудита	Основные задачи	Объекты проверки
Внутренний	Оценка эффективности управления, выявление рисков	Процессы компании, внутренние процедуры
Внешний	Подтверждение достоверности отчетности	Финансовая отчетность, бухгалтерия
Государственный	Контроль соблюдения законодательства, целевого использования средств	Бюджетные средства, государственные программы

Аудит является ключевым инструментом финансового контроля, обеспечивая системность и объективность оценки финансовой деятельности. Он способствует выявлению ошибок, злоупотреблений и мошеннических действий, повышает прозрачность операций и укрепляет доверие к организации со стороны внешних и внутренних участников экономических отношений.

Современный аудит активно использует цифровые технологии, включая автоматизированные системы анализа финансовых данных, инструменты контроля транзакций в реальном времени и платформы для хранения и обработки больших данных. Такие технологии позволяют аудиторам значительно ускорять процесс проверки, повышать точность результатов и снижать влияние человеческого фактора.

Кроме того, аудит играет важную роль в управлении корпоративными рисками, включая финансовые, операционные и репутационные. Своевременное выявление нарушений и неэффективных процессов позволяет организациям принимать меры по оптимизации расходов, повышению прибыльности и укреплению позиций на рынке.

Современный аудит сталкивается с рядом проблем. Одной из них является высокая скорость изменений в экономике, что требует постоянного обновления методов проверки и адаптации к новым финансовым инструментам. Также усложнение финансовых операций и появление новых видов цифровых активов создают дополнительные вызовы для аудиторов.

Перспективные направления развития аудита включают цифровизацию процессов, использование искусственного интеллекта для анализа больших данных, внедрение автоматизированных систем мониторинга транзакций и повышение квалификации аудиторов. Важной тенденцией является интеграция аудита с управлением рисками и стратегическим планированием, что позволяет не только выявлять ошибки, но и прогнозировать возможные угрозы финансовой безопасности.

Аудит является важнейшим видом финансового контроля, обеспечивающим достоверность, прозрачность и эффективность финансовой деятельности организаций. Комплексное использование внутреннего, внешнего и государственного аудита позволяет минимизировать финансовые риски, повысить управляемость организацией и укрепить доверие инвесторов и партнеров. Системное применение мер, представленных в таблице 1, демонстрирует, что каждый вид аудита выполняет уникальные функции, дополняя друг друга в единой

системе финансового контроля. В современных условиях цифровизации, глобализации и усложнения финансовых потоков аудит продолжает развиваться, внедряя инновационные методы анализа и контроля, что делает его неотъемлемой частью эффективного управления финансами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логунова, Н.А. Аудит : учебное пособие / Н.А. Логунова. – Керчь : КГМТУ, 2021. – 139 с.
2. Осташенко, Е.Г. Финансовый контроль : учебное пособие / Е.Г. Осташенко, Л.В. Завьялова. – Омск : ОмГУ, 2024. – 120 с.
3. Ситник, А.А. Финансовый контроль и надзор в сфере денежного обращения в Российской Федерации : монография / А.А. Ситник. – Москва : Проспект, 2020. – 238 с.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРОГРАММИРОВАНИИ: ВЗГЛЯД ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Сайков Максим Николаевич, студент 3 курса направления «Информационные системы и программирование»

Научный руководитель: **Кирюшкина Оксана Сергеевна**, преподаватель кафедры экономики и информационных технологий

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

За последние десятилетия развитие информационных технологий привело к появлению принципиально новых инструментов создания программного обеспечения. Одним из наиболее значимых явлений XXI века стало внедрение искусственного интеллекта в процесс программирования. Искусственный интеллект постепенно трансформирует саму природу разработки программ.

Искусственный интеллект в программировании используется прежде всего как инструмент автоматизации интеллектуальных задач. Современные системы способны анализировать большие объёмы кода, предлагать исправления, оптимизировать алгоритмы и даже генерировать целые фрагменты программ.

Особенно активно ИИ применяется в следующих направлениях:

– Автоматическое написание кода – системы предлагают готовые фрагменты программ на основе контекста.

– Поиск ошибок и уязвимостей – анализ кода позволяет обнаруживать потенциальные проблемы ещё до запуска программы.

– Оптимизация производительности – алгоритмы машинного обучения помогают выбирать наиболее эффективные структуры данных и методы вычислений.

– Автоматическое тестирование – генерация тестовых сценариев для проверки программ. Статистические данные

Согласно исследованиям аналитических компаний и научных центров, роль искусственного интеллекта в разработке программного обеспечения стремительно растёт.

По данным исследований рынка IT, около 65–70% программистов в мире уже используют инструменты ИИ при написании кода.

– В крупных технологических компаниях до 40% новых строк кода создаётся с помощью систем автоматической генерации.

– Использование ИИ-инструментов сокращает время разработки программного обеспечения в среднем на 30–45%.

– Анализ проектов показывает, что количество ошибок в коде может снижаться на 20–25% благодаря автоматическому анализу.

Также отмечается рост инвестиций в технологии искусственного интеллекта: мировой рынок ИИ в разработке программного обеспечения ежегодно увеличивается примерно на 20–25%.

С научной точки зрения искусственный интеллект в программировании представляет собой интересную область исследований на стыке нескольких дисциплин:

- информатики,
- теории алгоритмов,
- машинного обучения,
- математической логики.

Одним из перспективных направлений является создание систем, способных самостоятельно проектировать архитектуру программ. Подобные технологии могут значительно изменить подход к разработке сложных информационных систем.

Кроме того, активно исследуются методы автоматической генерации программ по текстовому описанию задачи. Это означает, что в будущем программист будет формулировать требования на естественном языке, а система искусственного интеллекта будет преобразовывать их в полноценный программный код.

Несмотря на значительные достижения, искусственный интеллект пока не способен полностью заменить разработчика. Существуют серьёзные ограничения:

- необходимость контроля со стороны человека;
- возможность генерации неэффективного или небезопасного кода;
- сложность понимания контекста крупных программных систем.

Поэтому на современном этапе наиболее эффективной моделью является совместная работа программиста и интеллектуальной системы, где человек выполняет роль архитектора и аналитика, а ИИ выступает в качестве интеллектуального помощника.

Подводя итог, можно отметить, что искусственный интеллект уже стал важным инструментом в программировании. Он повышает продуктивность разработчиков, помогает решать сложные задачи анализа кода и ускоряет создание программных систем. В ближайшие десятилетия влияние ИИ на программирование будет только усиливаться. Вероятно, профессия программиста изменится: основной акцент сместится с написания отдельных строк кода на проектирование, управление сложными системами и взаимодействие с интеллектуальными инструментами разработки.

Таким образом, искусственный интеллект не заменяет программиста, а расширяет его возможности, открывая новые горизонты для науки и технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Городецкий, В.И. Искусственный интеллект и принятие решений в цифровых экосистемах : учебник для вузов / В.И. Городецкий – Санкт-Петербург : Лань, 2022. – 456 с.
2. Комарцова, Л.Г. Нейрокомпьютеры, нейроинтеллект и нейросетевые технологии: учебное пособие / Л.Г. Комарцова – Москва : Телеком, 2021. – 344 с.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Солкина Екатерина Александровна, студентка 4 курса направления Экономика, направленность (профиль) Экономическая безопасность

Научный руководитель: **Катайкина Наталья Николаевна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Коррупция в сфере государственных закупок сохраняет статус одной из наиболее серьезных угроз экономической безопасности Российской Федерации. Противоправные действия в данной области подрывают принципы эффективного расходования бюджетных средств, добросовестной конкуренции и общественного доверия к институтам государственного управления. Масштаб проблемы определяется не только объемом вовлекаемых финансовых ресурсов, но и устойчивостью коррупционных практик, которые продолжают воспроизводиться, несмотря на принимаемые меры.

По данным Генеральной прокуратуры, в 2025 году зарегистрировано более 28 тыс. коррупционных преступлений, при этом общая сумма ущерба превысила 45 млрд рублей. Основной объем финансовых нарушений традиционно приходится на сферу госзакупок, особенно в рамках реализации национальных проектов, направленных на развитие инфраструктуры, дорожное строительство и модернизацию объектов жилищно-коммунального хозяйства.

Статистические показатели 2025 года свидетельствуют о сохранении негативных тенденций в сфере государственных закупок. Совокупное число зарегистрированных коррупционных преступлений превысило 43 тысячи, что на 12,3% превышает показатель 2024 года. В структуре преступности наиболее распространенными остаются дача взятки (почти 8,8 тыс. преступлений), получение взятки (8,5 тыс.) и мелкое взяточничество (около 5,9 тыс. случаев).

Результаты контрольной деятельности Федерального казначейства за первое полугодие 2025 года показывают, что закупочные процедуры сохраняют высокую уязвимость для злоупотреблений. У федеральных заказчиков в 8% проверенных объектов при расчете начальной максимальной цены контракта (НМЦК) применялась информация о ценах с несопоставимыми коммерческими условиями. В 8% случаев были приняты и оплачены товары, работы или услуги, которые не соответствовали условиям контрактов либо фактически не были поставлены.

Наиболее массовый характер носят нарушения, связанные с неприменением заказчиками мер ответственности к недобросовестным поставщикам. В 26% проверенных федеральных заказчиков требования об уплате штрафов и пеней за нарушение условий контрактов не направлялись вовсе. На региональном

уровне ситуация аналогична: в 21% заказчиков штрафные санкции к поставщикам не применялись, в 18% выявлены нарушения сроков и порядка оплаты по контрактам.

Прокурорами в 2025 году активно применялись судебные механизмы защиты интересов государства. В суды направлено свыше 4 тыс. исков на общую сумму 42 млрд рублей. Государству возвращено 13,2 млрд рублей, из которых 4,2 млрд составляют незаконно освоенные бюджетные средства при сопровождении национальных проектов.

Систематизация правоприменительной практики позволяет выделить следующие наиболее распространенные коррупционные схемы в сфере госзакупок:

1) Искусственное дробление контрактов. Данная схема направлена на уход от конкурентных процедур путем разделения единой закупки на несколько мелких контрактов, не требующих проведения торгов. В Краснодарском крае признаны недействительными 35 договоров на проведение капитального ремонта школ, фактически образующих единую закупку. В Рязанской области администрация раздробила контракт на содержание дорог на три договора продолжительностью по две недели каждый.

2) Приемка и оплата невыполненных работ. Злоупотребления на этапе исполнения контракта выражаются в подписании актов приемки при фактическом невыполнении или неполном выполнении работ. В Ростове-на-Дону признано недействительным соглашение об увеличении авансирования благоустройства парка с 10% до 50% при готовности объекта лишь на 28%. Государству возвращено 222,6 млн рублей.

3) Привлечение некомпетентных поставщиков. Участие в закупках организаций, не обладающих необходимыми ресурсами и компетенциями, зачастую обеспечивается предоставлением подложных документов. В Свердловской области контракт на реконструкцию водозаборного узла в рамках национального проекта «Экология» был заключен с компанией, предоставившей подложные документы. По иску прокурора взыскано 201 млн рублей.

4) Сговоры при распределении контрактов. Значительная доля уголовных дел связана с распределением контрактов на строительство дорог и объектов жилищно-коммунального хозяйства. В Ханты-Мансийском автономном округе в связи со срывом строительства больницы с недобросовестного подрядчика взыскано 4,5 млрд рублей.

На основе проведенного анализа представляется возможным предложить комплекс мер, направленных на повышение эффективности противодействия коррупции в сфере государственных закупок:

1) Совершенствование законодательства. Требуется конкретизация составов коррупционных правонарушений и закрепление в законе четких критериев отнесения нарушений к коррупционным. Обоснованным представляется предложение о внесении данных о таких нарушениях в специализированные информационные системы (например, ГИС «Посейдон») для анализа связей должностных лиц и выявления системных коррупционных схем. Также целесообразно усиление административной ответственности за наиболее опасные нарушения, включая умышленное завышение НМЦК и приемку невыполненных работ.

2) Развитие институтов общественного контроля. Деятельность только Федеральной антимонопольной службы и иных контролирующих органов не может обеспечить тотальный контроль над всей совокупностью закупочных процедур. Граждане и институты гражданского общества должны иметь возможность проводить независимый мониторинг, выявлять сомнительные ситуации, что должно служить основанием для оперативного реагирования правоохранительной системы. Необходимо законодательно закрепить механизмы общественного контроля, включая упрощенный порядок доступа к информации о закупках и защиту общественных контролеров от давления.

3) Внедрение новых цифровых и процедурных механизмов. Перспективным направлением является использование для закупок простой стандартизированной продукции торгов по фиксированной цене. Данный механизм позволяет исключить субъективное влияние заказчика на выбор победителя, снизить коррупционные риски и оптимизировать транзакционные издержки участников. Также требуется совершенствование автоматизированных средств контроля за обоснованием НМЦК, включая интеграцию с системами мониторинга рыночных цен.

4) Повышение эффективности контрольной деятельности. Необходимо усиление координации между органами финансового контроля, прокуратурой и правоохранительными органами при выявлении и расследовании коррупционных нарушений в сфере закупок. Целесообразно внедрение риск-ориентированного подхода при планировании проверочных мероприятий, позволяющего сосредоточить ресурсы на наиболее уязвимых направлениях.

5) Кадровое обеспечение и профилактика. Важным направлением является повышение квалификации государственных и муниципальных служащих, участвующих в осуществлении закупок, включая обязательное обучение антикоррупционным стандартам. Требуется развитие механизмов ротации кадров и усиление контроля за соблюдением запретов и ограничений, связанных с прохождением службы.

Противодействие коррупции в сфере государственных закупок требует реализации комплексного, системного подхода, сочетающего правовые, организационные, технические и воспитательные меры. Проведенный анализ показывает, что, несмотря на созданную в Российской Федерации нормативную базу, сохраняются серьезные проблемы, включая высокий уровень неконкурентных закупок, сложность и нестабильность законодательства, недостаточную эффективность выявления конфликта интересов и системной коррупции.

Дальнейшее совершенствование антикоррупционного механизма должно быть направлено на внедрение сбалансированного подхода, включающего цифровизацию процедур, активизацию общественного контроля, конкретизацию правовых норм, повышение эффективности контрольной деятельности и профессиональное развитие кадров. Реализация указанных мер в совокупности позволит минимизировать коррупционные риски и повысить эффективность расходования бюджетных средств при осуществлении государственных и муниципальных закупок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акименко, Е.С. Коррупционные правонарушения в сфере государственных закупок / Е.С. Акименко // Межведомственная научно-практическая конференция. – Санкт-Петербург, 2025. – С. 19–21.
2. Ваниева, А.Р. Механизм противодействия коррупции в госзакупках / А.Р. Ваниева // Учетно-аналитическое обеспечение стратегии устойчивого развития предприятия. – 2023. – С. 66–71.
3. Тихомиров, П.А. Торги по фиксированной цене как перспективный антикоррупционный механизм / П.А. Тихомиров, Н.В. Макогонова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – С. 47–67.
4. Пицولا, М.И. Анализ и выявление признаков коррупции при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд / М.И. Пицولا // Экономика и управление. – 2022. – С. 66–71.
5. Восканян, Р.О. Противодействие коррупции в сфере госзакупок: европейский опыт и российская практика / Р.О. Восканян, В.Ю. Дроздов // Вестник Сургутского государственного университета. – 2019. – С. 28–33.
6. Обзор практики прокурорского надзора за исполнением законодательства о контрактной системе в сфере закупок // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – 2026. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2026).
7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные о состоянии преступности за 2025 год. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2026).

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРЕФЕРЕНЦИЙ И ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПРЕФЕРЕНЦИЙ

Терехина Татьяна Владимировна, студентка 3 курса специальности таможенное дело
Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета
Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Национальная система преференций (НСП) в России и единая система преференций (ЕСП) Евразийского экономического союза (ЕАЭС) имеют разные особенности, связанные с предоставлением тарифных преференций – преимуществ в уплате ввозных таможенных пошлин в зависимости от страны происхождения товара.

Особенности национальной системы преференций (НСП):

- Автономная система. Урегулирована статьёй 36 Закона РФ «О таможенном тарифе».
- Учитывает определённые группы стран. Преференции предоставляются:
 - товарам, происходящим из развивающихся стран, – по ставкам 75% действующих ставок таможенного тарифа;
 - товарам, происходящим из наименее развитых стран, – в виде беспошлинного ввоза;
 - товарам, происходящим из государств, образующих с РФ зону свободной торговли или таможенный союз либо подписавших соглашения о создании такой зоны или союза.

Включает три основных элемента:

- перечень развивающихся стран – пользователей схемой преференций РФ;

- перечень наименее развитых стран – пользователей схемой преференций РФ;
- список товаров, на которые преференциальный режим не распространяется.

- Пересматривается Правительством РФ периодически, но не реже одного раза в пять лет.

Особенности единой системы преференций (ЕСП):

- Предоставляет преференции в отношении товаров, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран. Перечень стран-пользователей утверждается Евразийской экономической комиссией.

Преференции применяются при наличии условий:

- страна происхождения товара включена в перечень развивающихся или наименее развитых стран;

- товар включён в перечень товаров, происходящих из развивающихся или наименее развитых стран, в отношении которых предоставляются преференции; обеспечено выполнение требований, предусмотренных действующими в рамках Союза правилами определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран.

Если каждое условие выполнено, таможенные органы применяют сниженные ставки пошлин: 75% от ставки для развивающихся стран или 0% для наименее развитых стран.

Чтобы применить преференцию, товар должен быть включён в утверждённый перечень товаров, а также иметь сертификат подтверждения происхождения в форме «А».

Товар нужно купить у производителя или уполномоченного продавца, зарегистрированного в стране происхождения, и доставить напрямую в ЕАЭС без транзита через третьи страны (за исключением случаев, когда это обусловлено объективными причинами, например, географическими или техническими).

Право на применение тарифной преференции декларант указывает в декларации на ввоз товара или в течение одного года после выпуска товара.

Таким образом, НСП ориентирована на предоставление преференций для товаров из определённых стран, а ЕСП – на унификацию условий для товаров из развивающихся и наименее развитых стран в рамках Евразийского экономического союза.

Национальная схема преференций включает в себя три основных элемента:

1. перечень развивающихся стран – пользователей схемой преференций РФ;
2. перечень наименее развитых стран – пользователей схемой преференций РФ;
3. список товаров, на которые преференциальный режим не распространяется.

Единая система тарифных преференций (ЕСТП) Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – это система, которая предоставляет льготы по уплате ввозных таможенных пошлин для товаров, происходящих из определённых стран.

Цель – содействовать экономическому развитию развивающихся и наименее развитых стран, предоставлять выгодные условия для входа на рынок ЕАЭС.

ЕСТП действует на всей территории ЕАЭС.

Некоторые особенности предоставления тарифных преференций в рамках ЕСТП ЕАЭС:

- Страна происхождения товара должна входить в перечень развивающихся или наименее развитых стран, утверждённый Евразийской экономической комиссией.

- Товар включён в список товаров, на которые распространяются тарифные преференции.

- Иметь сертификат происхождения формы «А» – документ подтверждает, что товар произведён в стране, претендующей на преференцию. Сертификат оформляет отправитель товара.

- Обеспечить прямую покупку и поставку товара – товар нужно купить у производителя или уполномоченного продавца, зарегистрированного в стране происхождения, и доставить напрямую в ЕАЭС без транзита через третьи страны (за исключением случаев, когда это обусловлено объективными причинами, например, географическими или техническими).

- Заявить право на применение тарифной преференции при таможенном декларировании – декларант указывает преференцию в декларации на ввоз товара или в течение одного года после выпуска товара.

Если каждое условие выполнено, таможенные органы применяют сниженные ставки пошлин: 75% от ставки для развивающихся стран или 0% для наименее развитых стран.

Перечень развивающихся стран – пользователей ЕСТП ЕАЭС утверждён Решением Комиссии Таможенного союза от 27.11.2009 №130. По состоянию на 14 ноября 2025 года действует редакция перечня от 14 мая 2025 года.

В перечень наименее развитых стран включаются страны, включенные в список наименее развитых стран ООН, а также страны, классифицируемые Всемирным банком в течение 3 лет подряд как страны с низким уровнем дохода.

Некоторые особенности процедуры оформления документов для получения тарифных преференций:

- Право на применение преференции должно быть заявлено декларантом при таможенном декларировании ввозимых товаров или в течение одного года с момента регистрации декларации на эти товары.

- Таможенным органом при предоставлении тарифной преференции могут быть запрошены дополнительные документы, например, транспортные документы, документы, подтверждающие нахождение товаров под таможенным контролем в стране транзита.

- Если тарифная преференция не предоставлена на этапе таможенного декларирования, у участников внешнеэкономической деятельности есть право на восстановление тарифной преференции после выпуска товаров.

Единая система тарифных преференций ЕАЭС регулируется, например:

- Статьей 36 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. В ней указана возможность предоставления тарифных преференций в

отношении товаров, происходящих из развивающихся и наименее развитых стран. Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 6 апреля 2016 года №47 «Об утверждении Положения об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций Евразийского экономического союза».

Разница между национальной системой преференций (НСП) и единой системой преференций (ЕСП) заключается в том, что НСП – это система, разработанная отдельной страной, а ЕСП – система, действующая в рамках группы стран.

Сходство национальной системы преференций (например, в Российской Федерации) и единой системы преференций (например, в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)) заключается в том, что преференции предоставляются в зависимости от страны происхождения товара. Это выражается в снижении или освобождении от уплаты ввозных таможенных пошлин для товаров из определённых стран.

Однако у систем есть и особенности, связанные с целями, условиями предоставления преференций и перечнем стран и товаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глобальная система преференций: принципы и практика. – Москва : Экономика, 2021.
2. Кузнецов, А.В. Внешнеэкономическая деятельность и преференциальная торговля. – Санкт-Петербург : Питер, 2020.
3. Тихомиров, И.А. Преференциальные торговые соглашения: теория и практика. – Москва : Юрайт, 2019.
4. Всемирная торговая организация. Доклад о состоянии мировой торговли. – Женева, 2022.
5. Национальная система преференций: опыт и перспективы. – Москва : Российская академия наук, 2023.
6. Орешкин, М.С., Сидорова, Е.В. Преференции в международной торговле: сравнительный анализ. – Москва : Научный мир, 2022.
7. Баранов, П.И. Единая система преференций в рамках ЕАЭС: правовые аспекты. – Минск: Издательство «Белорусская наука», 2021.
8. Лукина, Н.В. Проблемы и перспективы развития системы преференций в России. – Москва : Финансовый университет, 2020.
9. Петров, В.А., Смирнова, Т.Р. Преференциальная торговля в условиях глобализации. – Екатеринбург : Уральский университет, 2021.
10. Законодательство о внешнеэкономической деятельности Российской Федерации. – Москва : Юридическая литература, 2023.

ТАРИФНЫЕ КВОТЫ, СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ

Шамахин Максим Викторович, студент 3 курса специальности Таможенное дело
Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета
Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Тарифные квоты – это действительно важный инструмент, который находится на стыке экономики и права. В условиях современной международной торговли государства стремятся найти баланс между защитой внутреннего рынка и

интеграцией в мировую экономику. Одним из ключевых инструментов достижения этого баланса являются тарифные квоты. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в рамках функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и обязательств перед Всемирной торговой организацией (ВТО) Российская Федерация активно применяет механизмы тарифного квотирования для регулирования ввоза и вывоза товаров, прежде всего сельскохозяйственной продукции.

Целью данной статьи является комплексный анализ сущности тарифных квот, их правовой природы и значения в системе таможенно-тарифного регулирования. Для достижения цели необходимо решить задачи: раскрыть понятие тарифной квоты, рассмотреть правовые основы ее применения в ЕАЭС, проанализировать механизм распределения квот и определить их роль в защите экономических интересов государства.

Сущность тарифной квоты: понятие и правовая природа. Тарифная квота – это мера регулирования ввоза (или вывоза) товаров на таможенную территорию, предусматривающая применение дифференцированных ставок ввозных (или вывозных) таможенных пошлин в зависимости от объема ввозимого товара.

Ключевая особенность тарифной квоты заключается в ее двойственной природе. С одной стороны, это инструмент таможенно-тарифного регулирования, так как затрагивает размер ставки пошлины. С другой стороны, она имеет черты нетарифного регулирования, поскольку ограничивает количество товара, которое может быть ввезено на льготных условиях. Как отмечается в Договоре о ЕАЭС, тарифная квота – это мера, которая применяется в отношении сельскохозяйственных товаров и позволяет сочетать поддержку отечественного производителя с обеспечением потребностей внутреннего рынка.

Федеральный закон «О таможенном регулировании» конкретизирует, что при ввозе товаров в пределах установленной квоты применяется более низкая (льготная) ставка пошлины (внутри квотная ставка), а при ввозе сверх этого количества – более высокая (сверхквотная) ставка, которая соответствует базовому уровню Единого таможенного тарифа ЕАЭС.

Правовое регулирование и условия применения тарифных квот в ЕАЭС. Правовой фундамент применения тарифных квот на территории России и других стран-членов ЕАЭС заложен в Договоре о Евразийском экономическом союзе (Приложение № 6). Согласно Договору, установление тарифной квоты возможно только при соблюдении ряда жестких условий:

- Целевое назначение: Тарифные квоты вводятся исключительно в отношении сельскохозяйственных товаров или товаров, происходящих из развивающихся стран, при необходимости обеспечить баланс спроса и предложения.

- Экономическое обоснование: Объем квоты не может превышать разницу между объемом внутреннего потребления и объемом производства аналогичного товара на территории Союза. Если производство полностью покрывает потребление, установление квоты не допускается.

- Срочность и транспарентность: Квота устанавливается на определенный срок, а информация о ее объеме, сроках действия и ставках пошлин подлежит обязательному опубликованию.

Таким образом, функции по установлению объемов тарифных квот и их распределению между третьими странами (при необходимости) возложены на Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК).

Механизм распределения и администрирования тарифных квот. Процедура распределения тарифных квот между участниками внешнеторговой деятельности является ключевым этапом, обеспечивающим эффективность всей меры. Анализ актуальных постановлений Правительства РФ (например, № 2061 от 18.12.2025) позволяет выделить следующие принципы и этапы:

1. Метод распределения. Основным методом является исторический принцип (или пропорциональный). Объемы квот распределяются между участниками рынка пропорционально объемам товара, фактически ввезенного ими в предшествующем периоде (например, с 1 ноября 2024 г. по 31 октября 2025 г.). Такой подход поощряет добросовестных импортеров и обеспечивает преемственность поставок.

2. Лицензирование. Ввоз товаров в рамках тарифной квоты осуществляется исключительно на основании лицензий. С недавнего времени эта норма прямо закреплена в Федеральном законе. Выдачу лицензий, как правило, осуществляет Министерство промышленности и торговли РФ. Например, в соответствии с Постановлением № 2061, Минпромторг выдает лицензии на импорт мяса кур, яблок, томатов и другой продукции из Ирана на 2026 год.

3. Сроки действия. Лицензии выдаются на срок действия квоты (как правило, календарный год) и строго индивидуальны.

Практические примеры применения тарифных квот в 2026 году. Актуальная практика регулирования наглядно демонстрирует широкое применение рассматриваемого инструмента. На 2026 год Правительством РФ утверждены правила распределения объемов тарифных квот в отношении широкого перечня товаров, происходящих из различных стран:

В отношении товаров из Исламской Республики Иран: Установлены квоты на ввоз свежих овощей (картофель, томаты, капуста, огурцы), яблок, мяса кур домашних, а также консервированных томатов. Распределение квот производится строго пропорционально объему ввоза за предыдущий период.

В отношении товаров из Республики Сербия:

Действуют квоты на ввоз сыров, спиртовых настоек и сигарет.

В отношении молочной сыворотки: Установлена квота на отдельные виды молочной сыворотки, что позволяет регулировать рынок молочной продукции и поддерживать переработчиков.

Значение тарифных квот в системе таможенных платежей и процедур трудно переоценить. Оно проявляется в нескольких аспектах:

– Протекционистская функция: Тарифные квоты являются гибким инструментом защиты национального производителя. Ограничивая объем льготного ввоза, государство страхует внутренний рынок от избыточного импорта, который мог бы обрушить цены и сделать отечественную продукцию неконкурентоспособной.

– Регулирование внутренних цен: Обеспечивая ввоз определенного объема продукции по пониженной пошлине, государство сдерживает рост цен на социально значимые товары (мясо, овощи, фрукты) внутри страны.

– Выполнение международных обязательств: Квоты позволяют соблюдать баланс интересов в рамках ВТО, предоставляя доступ на рынок для определенного объема товаров из стран-партнеров (как в случаях с Сербией и Ираном).

– Анализ эффективности. Исследователи, в частности в работе Д.Д. Спицына (2025), отмечают, что, несмотря на общую тенденцию к либерализации торговли, квотирование остается востребованным.

Его эффективность напрямую зависит от прозрачности распределения и оперативности администрирования. К недостаткам можно отнести риск коррупции при распределении и возможность спекуляции квотами. Однако исторический метод распределения, применяемый в РФ, и жесткий лицензионный контроль призваны минимизировать эти риски.

Подводя итог, следует отметить, что тарифные квоты представляют собой сложный, но высокоэффективный инструмент современной таможенной политики. Они позволяют государству тонко настраивать внешнеторговый режим, защищая интересы производителей и одновременно насыщая внутренний рынок необходимыми товарами. Правовая база ЕАЭС и национальное законодательство РФ создают четкие и прозрачные условия для применения тарифных квот, включая строгие экономические критерии их введения и конкурентные принципы распределения. Практика 2025–2026 годов подтверждает, что тарифные квоты остаются ключевым элементом в регулировании рынков сельскохозяйственной и продовольственной продукции, позволяя адаптироваться к меняющимся условиям международной торговли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023). – Статья 2. Определения. // СПС Консультант Плюс.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). – Приложение № 6. Протокол о едином таможенно-тарифном регулировании. Раздел III. Условия и механизм применения тарифных квот.
3. Российская Федерация. Законы. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 289-ФЗ (ред. от 25.12.2023). – Статья 36. Тарифные преференции и тарифные квоты.
4. Российская Федерация. Постановления. О распределении объемов тарифных квот в отношении отдельных видов товаров, происходящих из Исламской Республики Иран, на 2026 год: Постановление Правительства РФ от 18.12.2025 № 2061. // Официальный сайт Правительства России.
5. Спицын, Д.Д. Сравнительный международный анализ эффективности применения квотирования во внешнеэкономической деятельности: выпускная квалификационная работа / Д.Д. Спицын; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2025. – 80 с.
6. Тихонова, В.В. Преимущества и недостатки применения тарифных квот: выпускная квалификационная работа / В.В. Тихонова; Тюменский государственный университет. – Тюмень, 2020. – 62 с.
7. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 26.11.2025 № 110 «Об установлении на 2026–2027 годы объемов тарифных квот в отношении отдельных видов товаров, происходящих из Исламской Республики Иран и ввозимых на территории государств – членов Евразийского экономического союза».
8. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 07.10.2025 № 89 «Об установлении объема тарифной квоты в отношении молочной сыворотки, ввозимой на таможенную территорию Евразийского экономического союза».

ОПТИМИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННЫХ ИЗДЕРЖЕК ПРИ ПАРАЛЛЕЛЬНОМ ИМПОРТЕ

Шувтарева Евгения Александровна, студентка 4 курса направления «Таможенное дело»

Научный руководитель: **Гудожникова Елена Владимировна**, к.э.н., доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Когда в 2022 году параллельный импорт только входил в нашу жизнедеятельность, он воспринимался как временная антикризисная мера, призванная смягчить последствия санкционного давления. Однако сегодня, в 2025–2026 годах, мы наблюдаем, как этот институт не просто закрепился в российской экономике, но и претерпел серьезную трансформацию. Статистика ФТС России говорит сама за себя, за первые два года действия механизма объем ввезенных таким образом товаров превысил 70 миллиардов долларов США. Эти цифры наглядно демонстрируют, что параллельный импорт стал неотъемлемой частью внешнеэкономической деятельности страны.

Правда, сейчас правила игры заметно ужесточились. Правительство взяло курс на постепенное сокращение перечня разрешенных к ввозу товаров, делая ставку на развитие отечественного производства и налаживание легальных поставок из дружественных государств. Но для категорий промышленного оборудования запасных частей и электроники параллельный импорт по-прежнему остается единственным работающим каналом. И здесь возникает ожидаемый вопрос, если отказаться от этого механизма пока рано, значит, нужно учиться работать в нем максимально эффективно. Потому что фискальная нагрузка только растет и для этого достаточно вспомнить индексацию таможенных сборов (предусмотренную Постановлением Правительства РФ № 1637) и усиление контроля за прозрачностью внешнеторговых операций. В таких условиях участники ВЭД сталкиваются с необходимостью не просто ввозить товары, а делать это с минимальными потерями, оптимизируя пошлины, НДС, сборы и неизбежные логистические простои.

Прежде всего сама возможность параллельного импорта в современной России строится на серьезном изменении правового поля. Если до этого действовал национальный принцип исчерпания исключительного права (согласно ст. 1487 ГК РФ) и любой ввоз без согласия правообладателя автоматически становился нарушением, то теперь ситуация иная. Постановление Правительства РФ № 506 ввело международный принцип исчерпания прав для товаров из специального перечня, утверждаемого Минпромторгом. Это значит, что легально ввезти продукцию известного бренда через третьи страны сегодня можно. Однако сама по себе легальность ввоза не освобождает от обязанности платить пошлины и налоги.

Мало того ошибки на этом пути обходятся дорого. Например, неправильная классификация товара по ТНВЭД или проблемы с подтверждением страны происхождения могут обернуться доначислениями и штрафами, которые сведут к нулю всю потенциальную выгоду от параллельного импорта. В результате чего и выходит, что ключевой задачей становится не просто ввоз, а ввоз грамотный, с минимизацией фискальных рисков.

Обращаясь к конкретным инструментам, которые появились или стали особенно актуальны именно в последнее время. Пожалуй, самым значимым событием 2025 года стало принятие Постановления Правительства РФ № 1341, которое наделило торгово-промышленную палату новыми важными полномочиями. Суть нововведения в том, что, если товар произведен в «недружественной» стране, скажем, в Германии, но ввозится через посредника в Казахстане, таможня все равно применяла к нему повышенные ставки пошлин. А теперь механизм изменился, теперь импортер может подтвердить реальное происхождение товара через ТПП, получив соответствующий сертификат. Причем важно отметить, что требование предоставлять одновременно два разных сертификата отменили поэтому достаточно одного документа. На практике это означает вполне реальную экономию. Ставка пошлины может быть существенно снижена, а главное сокращается время простоя груза на таможне, поскольку отпадает необходимость в длительных проверках происхождения. Точнее говоря грамотное использование административного ресурса, напрямую конвертируется в деньги и время.

Другой интересный подход к снижению издержек приходит из зарубежной научной мысли и касается стратегии поведения самого импортера на рынке.

Выбор между этими стратегиями зависит от специфики товара. Для скоропортящихся продуктов или срочных запчастей, где каждый день простоя критичен, логичнее выбрать первую модель. Если же покупатель готов подождать и сэкономить, импортер может рискнуть и выбрать вторую. Хотя для государства такая практика оборачивается рисками недополучения доходов, что приведет к появлению санкций за уклонение.

Нельзя забывать и о классических, но очень хорошо работающих методах. При параллельном импорте товар часто проходит через цепочку посредников и поэтому цена в инвойсе может оказаться завышенной из-за перепродаж. Так-что лучше не указывать завышенную цену так как таможенная стоимость автоматически вырастет, а вместе с ней НДС и адвалорная пошлина. А избежать этого

возможно после того, как предоставят документ, который подтвердит цену первой продажи, по которой товар был приобретен у производителя первым покупателем в стране-транзитере. Кроме того, важно отдельно подтверждать транспортные расходы, а также отслеживать временные тарифные льготы. Как, например, было с беспошлинным ввозом некоторых овощей для переработки в начале 2025 года. Мониторинг таких предпочтений может дать неожиданные возможности для экономии в самых разных секторах.

Однако нельзя проигнорировать риски, как оборотную сторону медали. В 2025–2026 годах контроль за оборотом товаров параллельного импорта со стороны ФТС и ФНС стал особенно пристальным. Самая неприятная вещь в этом, когда товар признают контрафактным.

Для избежания этого нужно выполнить три обязательных условия:

1. Товар должен присутствовать в актуальном перечне Минпромторга.
2. У импортера должен быть полный комплект разрешительной документации (сертификаты соответствия, декларации).
3. Необходимо подтверждения, что товар приобретен легально на рынке страны вывоза (не является краденым или поддельным).

Если хотя бы одно из этих условий нарушено, груз может быть изъят, а компания оштрафована по статье 14.10 КоАП РФ.

Таким образом, тема параллельного импорта оказалась гораздо глубже и сложнее, чем могло показаться на первый взгляд. Это не просто возможность ввезти запрещенку, а целый пласт экономических и правовых отношений, требующий от специалиста настоящего профессионализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакаева О.Ю. Таможенное право: учебник для вузов. – Москва : Юрайт, 2023. – 368 ст.
2. Материалы Евразийская экономическая комиссия. – URL: <https://eec.eaeunion.org>
3. Параллельный импорт в условиях трансформации мировой торговли под ред. С.В. Глазьева. – Москва : Экономика, 2023.
4. Кравченко А.В. Параллельный импорт как инструмент обеспечения товарных рынков // Вестник Российской таможенной академии. – 2023. – № 2. – ст. 45–52.
5. Параллельный импорт в России в 2025 году: как он работает вместе с таможней и какие риски есть // Inc. Russia. – март 2025.
6. Постановление Правительства РФ от 30 августа 2025 г. № 1341 «О выдаче сертификатов о происхождении товаров» // Тульская ТПП. – 2025.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМА ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Борисов Евгений Вячеславович, студент 1 курса направления подготовки «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Никишова Наталья Валерьевна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовных-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Принятие судебного решения представляет собой один из наиболее сложных и дискуссионных предметов современной философии права. Казалось бы, суд следует букве закона – и вопрос исчерпан. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что между нормой и решением всегда существует промежуток, который не заполняется никакой логической дедукцией. Именно этот промежуток – пространство судейского усмотрения, интерпретации, ценностного выбора – становится предметом острых теоретических споров, продолжающихся уже более столетия.

В классической позитивистской традиции, восходящей к Джону Остину и Джереми Бентаму, право понималось как система команд суверена, а суд – как механизм их исполнения. Судья в этой модели выступал своеобразным «автоматом» права: получая на входе фактические обстоятельства дела, он применял готовую норму и получал на выходе законное решение. Эта логистическая структура долгое время определяла границы юридической науки.

Решающий удар по этой схеме был нанесён Гербертом Хартом в его программном труде «Понятие права» (1961), где он ввёл термин «открытой текстуры» (open texture) правовых норм. Харт показал, что любой языковой знак имеет «ядро» определённости и «полутень» сомнения: есть случаи, когда норма применяется автоматически, но есть и «пограничные случаи» (hard cases), разрешение которых требует судейского усмотрения. Тем самым Харт признал за судьёй частичную правотворческую функцию – хотя и ограниченную, восполняющую пробелы, неизбежно остающиеся в тексте закона [1, с. 102].

Полемика с Хартом, развёрнутая Рональдом Дворкиным, стала, пожалуй, важнейшим событием англо-американской философии права второй половины XX века. Дворкин в книгах «Серьёзное отношение к правам» (1977) и «Империя права» (1986) утверждал, что у каждого дела есть единственно правильный ответ: суд не изобретает право, а раскрывает его через принципы, конституционные ценности и моральные убеждения [2, с. 292]. Идеальный судья Дворкина – мифический Геркулес, способный построить наилучшую теорию, оправдывающую всю систему норм и решений. Однако тезис о единственно правильном ответе встретил серьёзную критику: юридические позитивисты (Дж. Раз) настаивали, что право определяется социальными фактами его создания, а не моральными суждениями; представители критических правовых исследований (Д. Кеннеди, Р. Унгер) заявили, что право принципиально неопределённо и воспроизводит господствующие социальные иерархии.

Параллельно с этими дискуссиями в европейской, прежде всего в германо-язычной традиции, разворачивалась собственная линия осмысления судебного решения. Ханс-Георг Гадамер в «Истине и методе» (1960) рассмотрел правовую герменевтику как парадигматический случай понимания вообще. Применение закона к конкретному случаю – это не механическая подстановка, а акт слияния горизонтов: горизонта текста нормы, рождённого в иных исторических условиях, и горизонта ситуации, в которой судье предстоит решить, что является справедливым здесь и сейчас. Судья, по Гадамеру, не отстранён от права: он всегда уже принадлежит традиции, которую одновременно продолжает и преобразует. Это понимание делает судебное решение не субъективным произволом и не объективным «открытием», а интерсубъективным событием в рамках живой правовой практики [3].

Принципиально иную точку зрения предлагает системная теория Никласа Лумана. В концепции права как аутопойетической системы, изложенной в работе «Право общества» (1993), судебное решение рассматривается как операция по воспроизводству правовой системы: суд оперирует терминами «право/неправо», и именно через эту бинарную кодировку правовая система сохраняет свою замкнутость относительно других общественных подсистем – политики, экономики, морали. Парадокс судебного решения у Лумана состоит в следующем: система должна решать даже там, где решение не predetermined. «Запрет отказа в правосудии» обязывает суд выносить решение по любому делу, тем самым генерируя норму там, где её ещё не было. Это не слабость права, а механизм его постоянного самообновления [4].

С позиций постструктурализма проблему судебного решения осмыслил Жак Деррида в знаменитом эссе «Сила закона: мистическое основание авторитета» (1990). Деррида проводит принципиальное различие между правом (*droit*) и справедливостью (*justice*): право – это исчислимое, применимое, критикуемое; справедливость же – это опыт невозможного, апория, которая никогда не может быть полностью реализована в любом конкретном решении. Каждый судебный акт – это «мистическое основание»: в момент, когда норма применяется к уникальному случаю, происходит своеобразный «прыжок», выходящий за пределы юридической логики [5].

Теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса открывает ещё одну перспективу. В работах «Фактичность и значимость» (1992) Хабермас разрабатывает дискурсивную теорию права и демократии, в рамках которой легитимность судебного решения определяется его способностью выдержать испытание публичным разумом. Судебное обоснование – это не аргументация *ad hoc*, но участие в универсальном дискурсе, открытом для любого разумного возражения. Суд, по Хабермасу, является центральным институтом перевода между стихийным жизненным миром и формальными системами: именно в нём право обретает легитимацию через процедуру [6].

Особого внимания заслуживает аргументативная теория права, развитая Робертом Алекси. В «Теории юридической аргументации» (1978) и «Теории основных прав» (1985) Алекси разрабатывает концепцию практического дискурса

как основы рационального судебного решения. Ключевую роль в этой концепции играет «принцип пропорциональности» – инструмент взвешивания конкурирующих принципов, позволяющий суду обосновать решение не через подведение под норму, но через балансирование ценностей. Алекс различает правила и принципы: правила действуют по схеме «всё или ничего», принципы – это оптимизационные требования, реализуемые в максимально возможной мере с учётом фактических и правовых возможностей. Принятие судебного решения в трудных делах есть, таким образом, взвешивание принципов через структуру закона [7]

Немаловажное место в современных дискуссиях занимает так называемый правовой реализм – направление, возникшее в США в первой трети XX века и переживающее ренессанс в наши дни под именем «неореализма». Классики правового реализма (О. У. Холмс, К. Ллевеллин, Д. Фрэнк) настаивали на том, что реальное содержание права определяется не нормами в книгах, но тем, как суды фактически решают дела. Современные неореалисты, работающие в русле эмпирически ориентированных правовых исследований, дополняют это утверждение данными когнитивной науки и поведенческой экономики: судьи – живые люди, подверженные когнитивным предубеждениям, якорным эффектам, влиянию усталости.

Особого рассмотрения заслуживает проблема судебного решения применительно к конституционному контролю. Когда Конституционный суд признаёт закон неконституционным, он фактически осуществляет правотворчество, оспаривая волю демократического большинства. «Контрмажоритарная трудность», сформулированная Александром Байклом, по сей день остаётся проблемой в демократической теории. Джон Харт Эли пытался разрешить её через «процедурализм»: суд правомерен вмешиваться тогда, когда политический процесс сам по себе не обеспечивает справедливого представительства. Роберт Дворкин отвечал, что Конституция – это манифест моральных принципов, и судебное толкование этих принципов есть легитимная форма политической морали. Сторонники «оригинализма» – от Роберта Борка до Антонина Скалии – настаивали на том, что суд должен следовать изначальному тексту и намерениям авторов Конституции, избегая «живого конституционализма».

В российском правовом пространстве проблема принятия судебного решения имеет свою специфику. Традиция континентального права, унаследованная от романо-германской системы, в принципе предполагает строгое следование закону и сдержанное отношение к прецеденту. Однако на практике судьи неизбежно сталкиваются с теми же апориями, что описаны Хартом и Дворкиным: пробелами в праве, коллизиями норм, оценочными понятиями. Постановления Пленумов Верховного и Конституционного судов фактически выполняют квазипрецедентную функцию, задавая образцы толкования. Отечественная философия права, представленная работами В.С. Нерсисянца, В.В. Лапаевой, О.В. Мартышина, активно осмысляет соотношение позитивного права и правового идеала, закономерности и справедливости, формальности и человечности судебного акта.

Цифровизация правосудия ставит перед философией права принципиально новые вопросы. Алгоритмические системы поддержки судебных решений – такие как COMPAS, использовавшаяся в американских судах для оценки риска рецидивизма, – казалось бы, воплощают мечту позитивизма об объективном, беспристрастном решении. Однако уже в 2016 году расследование ProPublica показало, что система регулярно дискриминировала темнокожих ответчиков. Алгоритм не устраняет предубеждение: он воспроизводит его в цифровой форме, делая невидимым и потому неоспоримым. Перспектива «автоматизированного правосудия» – это не технологический нейтралитет, но усиление и натурализация существующих иерархий. Философия права обязана поставить вопрос об ответственности, прозрачности и праве на объяснение в эпоху, когда алгоритмы всё активнее проникают в пространство судебного усмотрения.

Анализ рассмотренных подходов позволяет предложить следующий вывод. Позитивизм прав в том, что формальная определённость права необходима для предсказуемости и равенства; интерпретационные теории – в том, что норма не самоприменима и всегда требует судейского суждения; дискурсивный подход – в том, что легитимность решения нуждается в публичном обосновании. Синтез этих трёх требований – формальности, интерпретации и дискурса – и должен составлять основу теории рационального судебного решения.

Применительно к проблеме алгоритмизации этот синтез означает следующее: алгоритм может и должен использоваться как инструмент поддержки решения, но не его замены. Судья обязан сохранять право на содержательное обоснование, открытое для оспаривания, – только тогда «запрет отказа в правосудии» остаётся не техническим, но подлинно человеческим обязательством.

Таким образом, проблема принятия судебного решения – это не технический вопрос о процедуре, но фундаментальная философская апория о природе права, справедливости и человеческого действия. Судья стоит на пересечении нормы и факта, закона и морали, системы и живого человека. Право живёт в этом напряжении, а задача философии права – удерживать это напряжение, не позволяя ни одной из сторон раствориться в другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харт, Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 302 с.
2. Дворкин, Р. О правах всерьёз / пер. с англ. М.Д. Лахути. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 392 с.
3. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / пер. с нем. под ред. Б.Н. Бессонова. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Луман, Н. Право общества / пер. с нем. А. Антоновского. – Москва : ВШЭ, 2011. – 416 с.
5. Деррида, Ж. Сила закона: «мистическое основание авторитета» / пер. с фр. Б. М. Скуратова – Москва : Праксис, 2002. – 160 с.
6. Хабермас, Ю. Фактичность и значимость / пер. с нем. – Москва : Праксис, 2007. – 588 с.
7. Алекси, Р. Теория юридической аргументации / пер. с нем. – Москва : Инфотропик Медиа, 2015. – 456 с.

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И BIG DATA НА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Бояркина Дарья Валерьевна, студентка 3 курса направления подготовки «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Абдульмянова Татьяна Владимировна**, к.и.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Современный этап развития экономики характеризуется интенсивной цифровизацией финансовой сферы, в рамках которой банковские расчеты, кредитование, страхование, инвестиционные операции и иные финансовые услуги все активнее переводятся в электронную среду. Подобная трансформация обеспечивает повышение скорости обработки операций, снижение транзакционных издержек и расширение доступности финансовых продуктов, однако одновременно создает новые риски для экономической безопасности. Особую значимость в этом процессе приобретают технологии искусственного интеллекта и Big Data, которые из инструмента оптимизации финансовых процессов постепенно превращаются в фактор усложнения преступности в сфере экономической деятельности. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что современные преступления в финансовой сфере все чаще совершаются не только с использованием цифровой инфраструктуры, но и с применением алгоритмов машинного обучения, анализа больших массивов данных и автоматизированных систем принятия решений.

Использование искусственного интеллекта в финансовой сфере в настоящее время охватывает анализ кредитоспособности, выявление подозрительных транзакций, скоринговые модели, клиентскую аналитику и автоматизацию финансового мониторинга. OECD в специальном обзоре по искусственному интеллекту, машинному обучению и большим данным в финансовом секторе подчеркивает, что внедрение таких технологий существенно расширяет возможности обработки информации и прогнозирования рисков [1]. Вместе с тем указанные инструменты обладают двойственной природой. Те же технические решения, которые применяются банками и иными финансовыми организациями для защиты операций и оценки рисков, используются преступниками для построения более сложных, адаптивных и труднораспознаваемых схем хищения денежных средств, незаконного доступа к данным и легализации преступных доходов.

Цифровизация привела к качественной трансформации финансовой преступности. Если ранее мошеннические действия в значительной степени основывались на личном контакте, поддельных документах и относительно локальном характере преступных схем, то в современных условиях они приобретают дистанционный, анонимный и трансграничный характер. Существенное значение в этом контексте имеет статья 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающая ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, а также статьи 272 и 273 УК РФ, предусматривающие ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации и создание, использование и распространение вредоносных программ. Тем самым уголовное

законодательство фиксирует уже сложившуюся тенденцию: финансовая преступность все теснее связывается с использованием цифровых систем, сетевой инфраструктуры и электронных данных.

Наиболее заметно влияние искусственного интеллекта проявляется в автоматизации мошеннической деятельности. Современные генеративные модели позволяют создавать правдоподобные сообщения, имитирующие стиль банковских уведомлений, деловой переписки или обращений от имени конкретных должностных лиц. Дополнительную опасность представляют дипфейки, с помощью которых возможно воспроизводить голос или видеоизображение человека и тем самым вводить потерпевшего в заблуждение относительно подлинности коммуникации. Europol в оценке угроз организованной интернет-преступности указывает на рост онлайн-мошенничества и платежных схем обмана, в которых преступники используют современные цифровые инструменты для повышения доверия со стороны жертвы и масштабирования атак [2]. В результате изменяется не только форма преступного воздействия, но и сама экономическая эффективность преступлений: затраты на подготовку схем снижаются, а число потенциальных потерпевших возрастает многократно.

Не менее значима роль технологий Big Data. Большие массивы данных, полученные в результате утечек, покупок на теневых площадках, фишинговых кампаний или анализа открытых цифровых следов, позволяют формировать детализированные профили потенциальных жертв. На основании таких массивов преступники получают сведения о платежных привычках, кредитной нагрузке, уровне дохода, социальных связях, месте работы и поведенческих особенностях конкретного лица. FATF отмечает, что *advanced analytics*, включая искусственный интеллект и анализ больших данных, позволяют значительно эффективнее выявлять закономерности в финансовых потоках и моделировать рискованные сценарии [3]. Однако эти же возможности могут использоваться в противоправных целях: для выбора наиболее уязвимых групп лиц, персонализации фишинговых сценариев, определения оптимального времени атаки и повышения вероятности успешного хищения денежных средств.

Особую опасность представляет совмещение технологий искусственного интеллекта и Big Data. В данном случае данные используются не только для описания поведения потенциальной жертвы, но и для построения предиктивных моделей, позволяющих прогнозировать ее действия в конкретной финансовой ситуации. Это создает условия для более точного манипулирования поведением потерпевших, а также для обхода систем антифрод-контроля. Банк России в обзоре основных типов компьютерных атак в финансовой сфере за 2023 год отмечает, что компьютерные инциденты приводят не только к утечкам данных, но и к прямому хищению денежных средств, а злоумышленники постоянно совершенствуют тактики и инструменты атак [4]. Следовательно, развитие цифровых технологий усиливает не только техническую оснащенность финансового сектора, но и криминальный потенциал субъектов, использующих уязвимости цифровой среды.

Отдельного внимания заслуживает использование цифровых технологий в целях легализации преступных доходов. Распространение криптовалют, децентрализованных финансовых сервисов, анонимизаторов транзакций и трансграничных платежных инструментов усложняет отслеживание происхождения денежных средств и маршрутов их дальнейшего перемещения. В подобных ситуациях могут возникать признаки состава преступления, предусмотренного статьей 174.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за легализацию денежных средств, приобретенных преступным путем. Одновременно международные организации подчеркивают, что технологическая трансформация финансовой системы требует изменения подходов к противодействию отмыванию доходов. FATF в материалах о цифровой трансформации AML/CFT обращает внимание на то, что новые технологии меняют порядок выявления подозрительной активности и требуют более продвинутых методов анализа финансовой разведки [5].

Несмотря на развитие нормативной базы и внедрение цифровых инструментов контроля, система противодействия преступлениям в финансовой сфере сталкивается с рядом объективных трудностей. Во-первых, законодательство в большинстве случаев носит реактивный характер и не успевает адаптироваться к новым формам цифровых преступных практик. Во-вторых, трансграничность электронных преступлений, использование распределенной инфраструктуры и анонимных сервисов существенно осложняют установление личности виновных лиц и сбор доказательственной базы. В-третьих, правоохранительная практика испытывает потребность в специалистах, обладающих междисциплинарными знаниями в сфере права, финансового мониторинга, анализа данных и информационной безопасности. OECD также указывает на необходимость выработки регуляторных подходов к применению искусственного интеллекта в финансах, поскольку существующие механизмы надзора не всегда учитывают специфику алгоритмических решений и связанных с ними рисков [6].

Таким образом, влияние новых цифровых технологий, в частности искусственного интеллекта и Big Data, на совершение преступлений в финансовой сфере имеет системный и многоуровневый характер. Эти технологии повышают скорость и масштаб преступных действий, обеспечивают более высокую точность выбора жертвы, способствуют автоматизации мошеннических схем и затрудняют выявление противоправной деятельности. В условиях цифровой экономики противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности требует не только совершенствования уголовно-правовых механизмов, но и развития технологий защиты, международного сотрудничества, повышения цифровой грамотности населения и подготовки специалистов, способных эффективно реагировать на новые формы финансовой преступности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.А. Цифровая экономика и трансформация финансовой преступности // Экономическая безопасность. – 2021. – № 3. – С. 45–52.
2. Кудрявцев В.Н. Преступления в сфере компьютерной информации // Журнал российского права. – 2022. – № 7. – С. 88–96.
3. Лапина М.А., Козлова Е.В. Искусственный интеллект в финансовой сфере: риски и угрозы // Финансовое право. – 2023. – № 2. – С. 23–30.

4. Соловьев И.Н. Big Data и киберпреступность // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С. 67–74.
5. Киберпреступность в финансовой сфере: аналитический обзор. – Москва : Банк России, 2023.
6. Гаврилов Д.А. Цифровые технологии и мошенничество в финансовой сфере // Право и экономика. – 2022. – № 5. – С. 41–48.

ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Власова Владислава Николаевна, студентка 3 курса направления «Право и организация социального обеспечения»

Научный руководитель: **Учайкина Наталья Юрьевна**, преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Семейные правоотношения образуют особый вид гражданских правоотношений, включающий правовые связи между родителями и детьми, супругами, иными родственниками и близкими людьми. Возникновение семейных правоотношений обусловлено рядом юридически значимых обстоятельств, таких как заключение брака, рождение ребёнка, установление усыновления или удочерения, признание кровного родства.

В статье 7 СК РФ определён общий принцип правового регулирования семейных отношений, согласно которому оно направлено на реализацию принципов равноправия полов, свободы вступления в брак, добровольности брачного союза, единобрачия, приоритетного признания и соблюдения интересов детей, сохранения здоровья, благополучия и нравственности семьи [1].

Нормативная база регулирования включает Конституцию Российской Федерации, гарантирующую каждому человеку свободу вступать в брак и создавать семью, устанавливающую особую защиту материнства, отцовства и детства, принципы справедливости и гуманизма в отношениях между поколениями [2]. Таким образом, семейный статус гражданина определяется нормами публичного права, формирующими условия существования семейной ячейки в обществе.

Субъектами семейных правоотношений выступают граждане, находящиеся в статусе супруга, родителя, ребёнка, усыновителя, родственника первой линии, внука/бабушки/дедушки, опекуна, попечителя и иного близкого лица. Каждого субъекта характеризует особое правовое положение, основанное на правах и обязанностях, обусловленных состоянием близости и теснотой личной привязанности.

Так, ребёнок обладает особыми правами, такими как получение содержания от родителей, сохранение жилищных условий, обучение и медицинское обслуживание, предоставляемых ему государством. Родительские права выражены в возможности осуществлять воспитательные мероприятия, влиять на развитие ребёнка, решать вопросы образования и здравоохранения. Супруги наделяются обязанностью совместного ведения хозяйства, взаимопомощи, уважения чувств партнёра, поддержания морального облика семьи.

Кроме того, существует ряд федеральных законов, уточняющих субъекты семейных правоотношений и механизм их осуществления. Например, Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации» акцентирует внимание на соблюдении интересов ребёнка, обеспечении его полноценного физического, психического, духовного и социального развития, охране здоровья и достоинства [3].

Объектами семейных правоотношений являются личные неимущественные блага, принадлежащие членам семьи, такие как честь, достоинство, доброе имя, репутация, право жить вместе с семьёй, получать поддержку и уважение. Помимо личных благ объектами служат вещи, предметы материального мира, используемые в целях удовлетворения потребностей семьи (недвижимость, транспортные средства, бытовая техника). Закон определяет общую собственность супругов, долевую собственность и раздельную собственность, предоставляя дополнительные гарантии владения имуществом в условиях кризиса или расторжения брака.

Например, согласно пункту 1 статьи 34 СК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, считается совместной собственностью независимо от титульного владельца вещей. Однако пункт 2 той же статьи допускает исключение из общего правила путём заключения соглашения между супругами о разделе собственности. Это обстоятельство свидетельствует о плюрализме подхода законодателя к решению вопросов имущественного характера.

Также объектом выступает обязательство по уплате алиментов, установленному Федеральным законом № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», предусматривающим принудительное взыскание денежных средств на содержание нуждающихся членов семьи, в первую очередь несовершеннолетних детей [4].

Основанием возникновения семейных правоотношений служит широкий круг юридических фактов, среди которых выделяют заключение брака, регистрацию рождения ребёнка, решение суда об усыновлении или признании отцовства, оформление завещания, приобретение наследства, признание факта смерти одного из родственников.

При заключении брака устанавливается наличие особых качеств, связанных с личным характером партнеров, их готовностью нести ответственность за совместное проживание и ведение быта. Важность брачной церемонии подчёркивается официальным признанием регистрации брака органом ЗАГСа, подтверждающим юридический статус нового члена семьи.

Регистрация рождения ребёнка требует подтверждения наличия гражданства, внесения записи в реестр, уведомления соответствующих государственных учреждений о факте появления на свет новой личности. Данный акт становится отправной точкой начала отношений между ребёнком и его родителями, порождая ряд юридических последствий, в том числе предоставление льгот и пособий [5, с. 46].

Признание судом факта отцовства автоматически порождает юридические последствия в виде обязанности содержать ребёнка и исполнять другие родительские функции. Данное судебное постановление обязано исполняться всеми органами власти, государственными учреждениями и организациями.

Механизм защиты семейных правоотношений базируется на трёх уровнях:

- внесудебные формы защиты (заключение соглашений, договоров, сделок);
- административные процедуры разрешения споров (привлечение органов исполнительной власти, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав);
- судебные методы урегулирования конфликтов (предъявление исков, подача заявлений в суд общей юрисдикции) [6, с. 59].

Каждый уровень характеризуется своими особенностями и спецификой исполнения функций. Так, внесудебные формы предполагают использование мирных способов достижения согласия, добровольно заключаемых контрактов и прочих документов, подписанных сторонами самостоятельно. Административные органы уполномочены разрешать споры по заявлениям заинтересованных лиц, возбуждать дела о лишении родительских прав, привлекать виновных к административной ответственности.

Судебная процедура отличается высоким уровнем обязательности вынесенного решения, наличием строгих процессуальных правил рассмотрения дел, возможностью обжаловать итоговые постановления вышестоящими инстанциями.

Становление современной модели судебных процедур связано с принятием нескольких важных нормативов, в частности Федерального закона № 14-ФЗ «О внесении изменения в статью 11.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», вводящего санкции за нарушение порядка обращения с информацией о детях, неисполнение законных требований органа опеки и попечительства [7].

Заключение выявление результатов анализа предмета исследований, обобщение полученных выводов и рекомендаций относительно дальнейшего изучения темы. Исследование показало высокую значимость законодательства в сфере семейных отношений, сложность и многообразие регуляторов, вовлечённых в этот процесс, необходимость повышения уровня осведомлённости населения о механизмах защиты собственных прав и законных интересов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 08 декабря 1995 г. № 223-ФЗ; в ред. от 30 октября 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года ; в ред. от 14 марта 2020 г. // Официальный интернет – портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ; в ред. от 20 февраля 2026 г. // Российская газета. – №147. – 1998.
4. Об исполнительном производстве : федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ; в ред. от 29 декабря 2025 г. // Российская газета. – №223. – 2007.
5. Иванов, И.И. Правовые аспекты наследования в условиях цифровизации / И.И. Иванов // Юридический вестник. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 45–52.
6. Телегин, Р.Е. Динамика субъектного состава семейных правоотношений / Р.Е. Телегин // Закон и власть. – 2019. – № 3. – С. 59–60.

7. О внесении изменения в статью 11.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 28 февраля 2025 № 14-ФЗ // Российская газета. – № 47. – 2025.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ

Игумнов Артем Евгеньевич, студент 3 курса направления «Право и организация социального обеспечения»

Научный руководитель: **Симонова Елена Витальевна** преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Жилищный фонд Российской Федерации представляет собой фундаментальную социально-экономическую категорию, совокупность всех пригодных для проживания помещений и по своей структурной специфике тяготеющую к коллективным формам организации пространства. Основу жилищного фонда составляют многоквартирные дома.

Определение понятия «многоквартирный дом» нашло свое отражение на законодательном уровне. В соответствии с представленной в пункте 6 статьи 15 Жилищного кодекса РФ дефиницией многоквартирным домом признается здание, состоящее из двух и более квартир, включающее в себя имущество, находящееся в общей собственности. Вместе с тем данная статья констатирует, что современный многоквартирный дом не ограничивается жилым сегментом, зачастую он включает в себя нежилые помещения, машино-места, которые одновременно выступают неотъемлемыми конструктивными элементами единого строения.

Важно отметить, что многоквартирный дом – это дихотомия частного и коллективного. В этой связи особый интерес представляет правовой режим общего имущества в многоквартирном доме.

Согласно трактовке Витрянского В.В., общее имущество представляет собой комплекс инфраструктурных элементов жилого комплекса, предназначенных для коллективного использования всеми собственниками.

Д.Б. Коротков дает следующее определение общему имуществу: «имущество, предназначенное для обслуживания нескольких или всех помещений в многоквартирном доме и не имеющее самостоятельного назначения, ... вне зависимости от того, кто финансировал строительство или приобретение данного имущества».

По мнению Е.В. Шоломовой, «обязательным признаком отнесения ... к общему имуществу многоквартирного дома является предназначение ... для обслуживания более одного помещения (квартиры)».

Суханов Е.А. заключал, что право общей долевой собственности на имущество многоквартирного дома возникает автоматически после приобретения в собственность помещения.

Согласно статьям 36 Жилищного кодекса РФ, статьям 289, 290 Гражданского кодекса РФ собственнику квартиры принадлежит доля в праве собствен-

ности на общее имущество, которая не может быть выделена в натуре или отчуждена отдельного от права на жилое помещение. Анализируя данное положение, можно заключить, что правовая природа доли в общем имуществе не предполагает автономность, что в свою очередь создает препятствия для обособления в отдельные объекты гражданских прав некоторых элементов, таких как, например, лестничная клетка без согласия собственников.

Статья 38 Жилищного кодекса РФ гласит: «при приобретении в собственность помещения в многоквартирном доме к приобретателю переходит доля в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме». Возникает закономерный вопрос: «что относится к объектам общего имущества собственников?». Отвечая на вопрос, необходимо обратиться к положениям статьи 36 Жилищного кодекса РФ. Объекты, представленные в данной статье, можно классифицировать следующим образом:

1. Инженерно-технические объекты – это, прежде всего, помещения, предназначенные для обслуживания более чем одного объекта в доме, например, лестничные марши, лифтовые шахты, технические этажи и подвалы с коммуникациями.

2. Социально-бытовые объекты – пространства, обеспечивающие удовлетворение культурных, спортивных и досуговых потребностей жителей, а также общие машино-места.

3. Конструктивные – ограждающие несущие и ненесущие конструкции, крыши и всё оборудование (механическое, санитарно-техническое, электрическое), обеспечивающее жизнеспособность здания и доступность среды для малоимобильной части населения.

4. Территориальные – земельный участок под домом с элементами благоустройства, границы которого определяются нормами земельного и градостроительного законодательства.

Более подробный перечень общего имущества изложен в Постановлении Правительства РФ от 13.08.2006 № 491 (ред. от 07.03.2025) «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность».

В Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2024 г. № 88-7548/2024 судом отмечено, что «к общему имуществу в многоквартирном доме может быть отнесено только имущество, отвечающее закрепленным в этих законоположениях юридическим признакам: во-первых, это нежилые помещения, которые не являются частями квартир и которые предназначены для обслуживания более одного помещения в данном доме (речь идет, в частности, о таких помещениях, как лестничные площадки, лифты, коридоры, технические этажи и технические подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное оборудование); во-вторых, это крыши и ограждающие конструкции; в-третьих, это находящееся в данном доме оборудование - механическое, электрическое, санитарно-техническое, расположенное как за пределами, так и внутри помещений».

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) суд при разрешении спора собственника и управляющей компании о возмещении ущерба отметил, что факт нахождения элементов внутридомовых инженерных систем (первый запорно-регулирующий кран стояка холодного водоснабжения) внутри жилого помещения не означает, что они используются для обслуживания исключительно данного помещения и не относятся к общему имуществу в многоквартирном доме.

Следовательно, общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме представляет собой сложный правовой институт, комплексность которого определяется его многокомпонентной структурой.

Неизбежно возникает вопрос следующего характера: «каким образом определяется размер доли в праве общей собственности в многоквартирном доме?». Отвечая на поставленный вопрос, необходимо подчеркнуть, что закон устанавливает прямую зависимость доли собственника многоквартирного дома от площади. В соответствии со статьей 37 Жилищного кодекса РФ доля в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме собственника помещения в этом доме пропорциональна размеру общей площади указанного помещения.

Таким образом, чем больше площадь помещения, находящегося в собственности конкретного лица, тем больше доля в праве на общее имущество в многоквартирном доме.

Кроме упомянутого ранее, собственникам помещений в многоквартирном доме также принадлежат права и на денежные средства, находящиеся на специальном счете, предназначенном для перечисления средств на проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирном доме и открытом в кредитной организации (специальный счет), и сформированные за счет взносов на капитальный ремонт, пеней, уплаченных в связи с ненадлежащим исполнением обязанности по уплате таких взносов, и начисленных кредитной организацией процентов за пользование денежными средствами на специальном счете (ст. 36.1 ЖК РФ). При этом доля собственника помещения в многоквартирном доме в праве на такие денежные средства пропорциональна суммарному размеру уплаченных им и предшествующим собственником этого помещения взносов на капитальный ремонт.

При исследовании правового статуса общедомового имущества в многоквартирном доме невозможно не обратиться к институту общего собрания собственников. Это обусловлено тем, что общее собрание выступает в качестве ключевого органа, осуществляющего управление собственностью, находящейся в коллективном владении жильцов многоквартирного дома. Именно институт общего собрания собственников позволяет реализовать принцип коллективного управления. Согласно статье 44 Жилищного кодекса РФ Общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме проводится в целях управления многоквартирным домом путем обсуждения вопросов повестки дня и принятия решений по вопросам, поставленным на голосование. Решения собственников многоквартирного дома оформляются в виде протокола, который фиксирует не

только ход собрания, но узаконивает волю граждан. Жилищный кодекс РФ содержит императивную норму, согласно которой решение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме является обязательным для всех собственников помещений в многоквартирном доме, в том числе для тех собственников, которые не участвовали в голосовании.

Следовательно, любые решения, касающиеся общего имущества, включая его отчуждение в пользу третьих лиц, могут быть приняты исключительно посредством волеизъявления собственников путем голосования. Причем судебная практика исходит из того, что даже незначительное изъятие части пространства, относящегося к общему имуществу, без согласия собственников является неправомерным, что подтверждает особый статус, особую защищенность коллективной собственности.

В контексте правового регулирования общего имущества в многоквартирном доме ключевым аспектом является вопрос его содержания.

Статья 39 Жилищного кодекса РФ закрепляет крайне важное правило относительно бремени содержания общего имущества: «каждый собственник квартиры в многоквартирном доме обязан участвовать в расходах на содержание общего имущества». Довольно часто в юридической практике обсуждается дилемма: должен ли владелец квартиры на первом этаже нести расходы на содержание лифта? Позиция высшестоящих судов однозначна – неиспользование имущества либо отказ от его использования не освобождает от обязанности вносить плату за содержание данного имущества.

Данная позиция представляется весьма резонной и обоснованной. К примеру, проблема протечки кровли выходит далеко за пределы интересов жильцов верхних этажей. Многоквартирный дом – это единый комплекс. Следствием дефектов крыши являются деградации несущих конструкций многоквартирного дома в полном объеме. И поскольку общедомовое имущество принадлежит всем собственникам квартир, от бережного к нему отношения зависит не только комфорт проживания, но и рыночная стоимость каждой конкретной квартиры в целом.

Для подтверждения актуальности рассматриваемой темы и в целях её всестороннего и полного изучения, необходимо обратиться к статистическим данным.

Анализ данных, представленных на интернет-портале, Судебная статистика РФ, позволяет выявить весьма печальные тенденции, особенно в последние несколько лет. Отмечается значительный рост числа судебных исков. В частности, количество обращений к управляющим компаниям увеличилось с 9 100 в 2022 году до 9 523 в 2024 году.

Споры о признании решений собраний недействительными также участились. Ежегодно суды рассматривают около 3,5 (2022) – 3,8 (2024) тысяч таких дел.

В целях демонстрации споров, возникающих относительно вопросов владения общим имуществом в многоквартирном доме, возникает необходимость обратиться к нескольким прецедентам.

В рамках дела № 2-440/2019, рассматриваемого в Ленинском районном суде г. Саранска Республики Мордовия (Решение Ленинского районного суда

г. Саранска Республики Мордовия от 28.05.2019 г.) заявитель обратился в суд с исковым заявлением о признании недействительными решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме. Истец оспаривал решения, зафиксированные в протоколах собрания, касающиеся модернизации системы видеонаблюдения и избрания председателя, поскольку, имея право голоса, не принимал участие в собрании. В силу того, что инициатор собрания не соблюдал требования к порядку организации и проведения собрания, суд признал недействительными решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, оформленные протоколами.

Подобные споры в Республике Мордовия не являются единичными, их количество с каждым годом возрастает.

В рамках дела № 2-2131/2017 (Решение Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 11 сентября 2017 г.) суд обязал собственницу, владеющую несколькими помещениями, погасить задолженность перед управляющей компанией в размере около 28 тысяч рублей за жилищно-коммунальные услуги. Собственница пыталась оспорить законность управления домом, требуя признать недействительными протоколы общих собраний и договоры управления за период с 2013 по 2015 годы. Она утверждала, что собрания не проводились, подписи подделаны, а кворум отсутствовал. Однако суд отклонил ее требования, поскольку собственница не предоставила убедительных доказательств, таких как почерковедческая экспертиза или расчеты, опровергающие ее присутствие на собраниях. Управляющая компания, в свою очередь, опиралась на законность имеющихся документов, которые ранее не оспаривались.

Представленные случаи наглядно демонстрируют широкий спектр разногласий, которые могут возникать в рамках правоотношений, связанных с общей собственностью в многоквартирном жилом доме.

Таким образом, право общей собственности в многоквартирном доме – уникальный институт, который, с одной стороны, закрепляет за каждым собственником помещения право частной собственности, а с другой – неотделимо связывает его с коллективным управлением всеми элементами, расположенными за пределами «частного помещения».

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ ; в ред. от 20 февраля 2026 г.// Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 14.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ ; в ред. от 25 марта 2026 г.// Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гуняев, Е.В. Активный туризм и его развитие на территории Российской Федерации / Е.В. Гуняев // Наука-2020. – 2022. – №2 (56). – С. 131–135.
4. Гирченко, М.А. Общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме как объект управления / М.А. Гирченко // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13, № 1-2-1. – С. 309–321.
5. Решение Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 28.05.2019 г. по делу № 2-440/2019. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ydlDPP8nNMLm/> (дата обращения: 01.02.2026).

6. Решение Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 11.09.2017 г. по делу № 2-2131/2017. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5CV93MehoO6y/> (дата обращения: 01.02.2026).

7. Судебная статистика РФ. – URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/> (дата обращения: 01.02.2026).

8. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25 апреля 2024 г. № 88-7548/2024. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ЭВТАНАЗИЯ КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА

Извекова Диана Андреевна, студентка 1 курса направления подготовки «Юриспруденция»
Научный руководитель: **Никишова Наталья Валерьевна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовных-правовых дисциплин
Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Эвтаназия как самостоятельный раздел танатологии – учения о смерти – является предметом острой дискуссии в мировом научном сообществе. Проблема эвтаназии (в переводе означает «хорошая смерть», «легкая смерть») является спорной и обсуждается со времен античности до наших дней.

Исторически этот феномен обсуждался ещё в Древней Греции. В диалоге «Государство» Платон (через фигуру Сократа) допускает отказ от поддержания жизни неизлечимо больных, утверждая, что «тех, у кого тело по природе нездорово, оставят умирать» [1]. Вместе с тем в «Федоне» подчёркивается недопустимость самовольного прекращения жизни, поскольку человек «не вправе освобождаться от уз», данных богами [2]. В отличие от Платона, Аристотель в «Никомаховой этике» прямо осуждает самоубийство, рассматривая его как несправедливость по отношению к государству [3]. В Средние века церковь категорически отвергала эвтаназию, утверждая, что только Бог распоряжается жизнью. Лишь с эпохи Просвещения начала формироваться идея личной автономии. В XX–XXI вв. многие философы и юристы стали спорить о том, имеет ли человек право сознательно прервать свою жизнь.

Термин «эвтаназия» своим происхождением и введением в научный оборот обязан Фрэнсису Бэкону, который в научном трактате «О достоинстве и приумножении наук» констатировал постулат о том, «что долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома болезни может привести к выздоровлению, но даже и в том случае, когда уже нет совершенно никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтаназия, ... , уже сама по себе является немалым счастьем; ...» [4, С. 324].

Данный термин, введенный в научный оборот в XX веке, в содержательном аспекте глобально эволюционировал. В современный период в медицинской и юридической науке разработана классификация форм эвтаназии: 1) прямая активная эвтаназия (добровольная или недобровольная), 2) непрямая активная эв-

таназия, 3) пассивная эвтаназия. Активная эвтаназия вне зависимости от градации на добровольную (совершенную по просьбе больного) и недобровольную (осуществленную без инициативы и участия больного) в большинстве государств квалифицируются как намеренное убийство, субъективная сторона которого обусловлена целью прекращения страданий человека. Непрямая активная эвтаназия основана на комплексе мер, направленных на облегчение страданий неизлечимо больного (введение лекарственных препаратов для ускорения момента смерти). Пассивная эвтаназия – намеренное прекращение оказания медицинской помощи. Следует добавить трактовку ассистированного самоубийства: в данной ситуации врачом выписывается рецептурный препарат, позволяющий пациенту совершить акт самоубийства [5, С. 15].

Проблема эвтаназии служит полем пересечения философии и права. Философы выделяют ряд ключевых проблем, в частности различие между пассивной или активной формами. Многие считают, что «позволение умереть» (отказ от лечения) и «активное убийство» – разные моральные категории. Первая, по их мнению, близка к естественному исходу болезни, вторая – грубому вмешательству. Этическая система доктрины двойного эффекта допускает пассивное облегчение боли вплоть до смерти, если смерть – лишь непреднамеренный результат агрессивной терапии (например, когда применяются большие дозы морфия). Но прямое введение смертельной дозы считается уже заранее имеющей целью гибель пациента. Таким образом, даже философски оправданные «штрафные меры» (например, тяжёлые препараты) наталкиваются на этическое ограничение.

Свобода или общественный интерес также являются одним из ключевых измерений дискуссии об эвтаназии. Сторонники эвтаназии выдвигают следующие аргументы за официальное введение данной процедуры:

- Автономия пациента. Человек должен иметь право самостоятельно распоряжаться собственной жизнью и телом. Вне зависимости от обстоятельств, многие считают справедливым уважать желание неизлечимо больного прекратить мучения. Понятие «право на достойную смерть» базируется на идее личной автономии: так же как пациент вправе отказаться от несущего боль лечения, он вправе и просить помочь умереть.

- Облегчение страдания. Основная миссия медицины заключается в устранении страданий пациента. Если пациент испытывает невыносимую боль или утратил жизненно важные функции, эвтаназия рассматривается как крайняя форма милосердной помощи. Философы-утилитаристы утверждают, что «благо» жизни заключается в отсутствии страданий: если дальнейшее существование превратилось в агонию, освобождение через эвтаназию будет благом для пациента.

- Экономический и социальный фактор. Поддержка пациентов в терминальном состоянии часто требует огромных ресурсов (реанимация, дорогие лекарства, постоянный уход). Некоторые сторонники эвтаназии приводят аргумент о рациональном использовании средств здравоохранения: отказ от бессмысленного продления страданий позволяет перераспределить ресурсы в пользу тех пациентов, для которых лечение может быть эффективным. Этот аргумент является спорным, но показывает практический аспект дебатов.

- Паллиативная помощь как дополнение. Приверженцы эвтаназии подчёркивают, что она остаётся «последним средством» и доступна только тогда, когда исчерпаны все другие варианты (паллиативная седация, обезболивание, хоспис). Легализация эвтаназии не отменяет, а дополняет систему помощи: подобный подход учитывает желание пациента, если иные меры не дают результата.

Противоположная сторона приводит весомые этические и социальные контраргументы:

- Священность жизни. Многие религиозные и философские учения считают человеческую жизнь неприкосновенной. Любой акт умышленного её прерывания (даже по просьбе пациента) приравнивают к самоубийству или убийству. Согласно «Клятве Гиппократата», врач не должен причинять пациенту вреда: а прямая эвтаназия означает преднамеренное лишение жизни. Поэтому эвтаназию нередко осуждают как морально недопустимую и греховную.

- Опасность «скользкого пути». Практика показывает тенденцию к расширению критериев эвтаназии. В Бельгии и Нидерландах к традиционным показаниям (невыносимая физическая боль) добавились случаи, связанные с психическими страданиями, деменцией и даже «усталостью от жизни». По данным исследований, чаще всего этаназию в этих странах выбирают пожилые, малозащищенные пациенты (женщины старше 80, жители домов престарелых). Оппоненты опасаются, что легализация может привести к давлению на уязвимые группы и злоупотреблениям (например, список «неиспользованных» больных может быть расширен).

- Психологические факторы. Решение о смерти зачастую принимают люди, переживающие депрессию или психологический кризис из-за болезни. Существует риск, что нерешенная депрессия искажает осознание пациентом своей ситуации. К тому же не всегда возможно объективно оценить, насколько решение добровольно: родственники или окружение могут косвенно влиять на человека.

- Необратимость ошибки. Медицина никогда не даёт абсолютно стопроцентных гарантий. Бывают редкие случаи «неожиданного выздоровления». Если врач ошибочно признал состояние окончательно безнадежным и согласился на этаназию, а пациент бы выздоровел, это был бы фатальный и безвозвратный промах. Подобный риск побуждает сохранять осторожность.

- Проблемы с реализацией. Эвтаназия требует чрезвычайно тщательного контроля (компетентные комиссии, независимые врачи). Без строгих процедур соотношение «просьба – решение – действие» может привести к юридическим и медицинским коллизиям. На практике родные больных не всегда могут адекватно оценить их состояние, а согласию лечащего врача могут противоречить духовные принципы или личная неуверенность.

Анализируя этаназию с правовой точки зрения, прежде всего, необходимо рассматривать проблему легализации данного явления.

Законодательства некоторых стран разрешают этаназию, но лишь при жестких условиях. Первой узаконила добровольную активную этаназию Нидерланды. Закон вступил в силу 1 апреля 2002 г. после 30 лет обсуждений. Бельгия

последовала примеру Нидерландов и легализовала активную добровольную эвтаназию 28 мая 2002 г. для взрослых, а с 2014 года и для детей, Люксембург – 17 марта в 2009 г. с установлением жёсткой процедуры одобрения решения. В Соединённом Королевстве активная эвтаназия и ассистированное самоубийство остаются уголовно наказуемыми. Однако допускается прекращение жизнеподдерживающего лечения по воле пациента либо при наличии заранее выраженного решения (пассивная эвтаназия). В настоящее время активная эвтаназия легальна также в Колумбии и ряде иных зарубежных юрисдикций (например, в отдельных штатах Австралии). Канада в 2016 г. легализовала «медицинальную помощь умирающему» (MAiD) – сочетание эвтаназии и ассистированного суицида. В Швейцарии активная эвтаназия запрещена, но разрешено при необходимости ассистированное самоубийство (пациент получает препарат и принимает его самостоятельно).

В США активная эвтаназия запрещена на федеральном уровне, однако в некоторых штатах легализована врачебная помощь при суициде. По данным на 2026 г., помощь в добровольном уходе из жизни разрешена в округе Колумбия и штатах Орегон, Вашингтон, Калифорния, Колорадо, Вермонт, Нью-Мексико, Мэн, Нью-Джерси и Гавайи. При этом в большинстве этих случаев речь идёт не о прямой эвтаназии (инъекции врачом), а о предоставлении препарата самому пациенту [5].

Однако в большинстве государств эвтаназия запрещена. В Российской Федерации действует категорический запрет на осуществление эвтаназии в любой форме. В статье 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено, что «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии...» [6]. Нарушение данного запрета квалифицируется как убийство и влечёт уголовную ответственность. При этом согласие потерпевшего не устраняет общественно-опасного характера данного деяния и не меняет его оценки как убийства. Аналогичная позиция распространена во многих странах СНГ и Восточной Европы.

Таким образом, можно констатировать, что эвтаназия – это как медицинский, так и юридический вызов. На уровне права большинство государств сохраняет её запрет, делая эвтаназию уголовным преступлением. Однако распространение идей личной автономии и «гуманистического милосердия» заставляет часть общества и правоведов искать компромиссы. Философски проблема сводится к противостоянию двух ценностей: гуманности (облегчение страданий) и сакральности жизни (абсолютная ценность бытия). Каждая сторона имеет сильные аргументы: плюсы эвтаназии – в свободе выбора и сострадании к терпящему, минусы – в риске злоупотребления и утрате доверия к медицине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платон. Государство / Платон; вступит. ст.: К. А. Сергеева, Л. С. Камневой. – Санкт-Петербург : Наука, Санкт-Петербург. отд-ние, 2015. – 571 с.
2. Платон. Федон; Разговор Платона / Пер. с объяснит. примеч. Дмитрия Лебедева. – Москва : Посредник, 1896. – 156 с.
3. Никомахова этика / Аристотель; перевод с древнегреческого Н. Брагинской. – Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 443 с.

4. Бэкон, Ф. О достоинстве и приумножении наук / Ф. Бэкон // Сочинения: в 2 т. / Ф. Бэкон; Пер. Н. А. Фёдорова, и др.; Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Л. Субботина. – Москва : Мысль, 1971. – Т. 1. – 567 с.

5. Тайторина, Б. А. Феномен эвтаназии: этические, медицинские и правовые аспекты / Б. А. Тайторина, З. Т. Абдукаримова, Л. Б. Богатырева // Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая. – 2020. – Т. 93, № 1. – С. 12–20.

6. К вопросу о правовом статусе эвтаназии в Российской Федерации / Н. В. Цезарик, Е. А. Карасев, Д. В. Сивкова, Е. А. Бурняшева // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 49–51.

7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон: [принят Гос. Думой 01 ноября 2011 г. № 323-ФЗ; в ред. от 29 декабря 2025 г.] // Собрании законодательства Российской Федерации – 2011. – № 48. – Ст. 6724

ГАРАНТИИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТНИКОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Кичаев Алексей Иванович, студент 3 курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Моисеева Елена Николаевна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Обеспечение достойного уровня жизни и социальной защиты граждан, вставших на защиту национальных интересов страны, является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. С началом специальной военной операции перед законодателем встала задача формирования комплексной системы гарантий для военнослужащих, добровольцев, мобилизованных и членов их семей. Как отмечается в научной литературе, работа над выстраиванием единой системы заботы об участниках специальной военной операции была начата в 2022–2023 гг. и продолжает совершенствоваться в настоящее время.

Правовую основу социального обеспечения рассматриваемой категории лиц составляют несколько ключевых нормативных актов. Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» определил статус мобилизованных как военнослужащих, проходящих военную службу по контракту [1]. Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» закрепляет права, обязанности, условия оплаты труда, компенсации при получении ранения или потере трудоспособности, льготы, пособия и регламентирует другие сферы военной деятельности и социального обеспечения [2]. Кроме того, согласно изменениям в Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах», ветеранами боевых действий признаются военнослужащие, участвовавшие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики [3].

Анализ действующего законодательства позволяет классифицировать гарантии на несколько ключевых блоков: денежные выплаты, жилищное и ипотечное обеспечение, трудовые и пенсионные гарантии, образовательные льготы, а также медицинская реабилитация и протезирование.

Основу материальной поддержки составляют единовременные и регулярные выплаты. В случае получения увечья (ранения, травмы, контузии) в ходе выполнения задач участнику специальной военной операции полагается единовременная выплата, предусмотренная Указом Президента РФ от 05.03.2022 № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» [7]. В случае гибели военнослужащего члены его семьи получают страховые выплаты в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» [2].

Кроме того, участники специальной военной операции приобретают статус ветерана боевых действий, что дает право на широкий перечень льгот. Согласно Федеральному закону «О ветеранах», им предоставляется дополнительный отпуск периодом 15 дней, повышение пенсии за выслугу лет на 32%, бесплатная медицинская помощь после увольнения с военной службы, компенсация расходов на оплату жилья в размере 50% за наем или содержание жилого помещения, право на первоочередное получение жилья при вступлении в жилищные, жилищно-коммунальные кооперативы и на покупку земельных участков [3].

Трудовые и пенсионные гарантии также занимают важное место в системе социального обеспечения. За мобилизованными гражданами сохраняются рабочие места на весь период службы. Постановлением Правительства РФ от 14.11.2022 № 2055 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» установлено, что период участия в СВО засчитывается в страховой стаж в двойном размере, а пенсионные коэффициенты начисляются в размере 3,6 коэффициента в год [4].

Социальная поддержка инвалидов вследствие военной травмы регулируется Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и Указом Президента РФ № 98, которые предусматривают государственную пенсию по инвалидности и ежемесячную денежную компенсацию, размер которой зависит от группы инвалидности [2; 6].

Отдельного внимания заслуживают образовательные льготы. Как указывается в Федеральном законе «О ветеранах», ветеранам боевых действий предоставляется бесплатное обучение по программам бакалавриата и специалитета в пределах не менее 10% квоты [3]. Сами участники специальной военной операции также получили право на бесплатное переобучение или получение дополнительного профессионального образования по наиболее востребованным специальностям.

Медицинская помощь и реабилитация являются неотъемлемой частью социального обеспечения. Приказ Министра обороны РФ от 15.03.2011 № 333 «О порядке санаторно-курортного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации» регламентирует предоставление при наличии медицинских показаний путевки на санаторно-курортное лечение, а также бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте и на междугородном транспорте к месту лечения и обратно [5].

Поддержка членов семей участников специальной военной операции также охвачена системой социальных гарантий. Федеральным законом «О статусе военнослужащих» предусмотрено ежемесячное пособие на ребенка, погибшего военнослужащего, а также пенсия по потере кормильца в размере 50% от денежного довольствия на каждого нетрудоспособного члена семьи [2].

В научной литературе также рассматриваются предложения по совершенствованию действующего законодательства. В частности, предлагается внести изменения в ст. 9 Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», увеличив размер компенсации услуг ЖКХ для участников специальной военной операции [7]. Также высказывается предложение о внесении изменений в ст. 16 Федерального закона «О ветеранах», предусматривающих сокращение периодичности выплат денежных средств на проведение ремонта индивидуального жилого дома [3].

Таким образом, система социальных гарантий участников специальной военной операции представляет собой динамично развивающийся правовой институт, охватывающий широкий спектр потребностей: от прямых денежных выплат до долгосрочных пенсионных преференций, жилищного обеспечения и профессиональной переподготовки. Как справедливо отмечается в научной литературе, социальная политика в сфере обеспечения участников специальной военной операции и их семей направлена на постоянное совершенствование уже существующих мер и на разработку новых программ помощи гражданам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 39. – Ст. 6590.
2. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 22. – Ст. 2331.
3. О ветеранах: Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 2. – Ст. 168.
4. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 14.11.2022 № 2055 // Собрание законодательства РФ. – 2022. № 48. – Ст. 8459.
5. О порядке санаторно-курортного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации: Приказ Министра обороны РФ от 15.03.2011 № 333 // Российская газета. – 2011. – № 135.
6. О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей: Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 98 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1475.
7. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

ПРАВОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ТЕНДЕНЦИИ

Лутошин Алексей Николаевич, студент 1 курса направления подготовки «Юриспруденция»
Научный руководитель: **Никишова Наталья Валерьевна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовных-правовых дисциплин
Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Глобализация представляет собой многоаспектный феномен, претендующий на универсальность. В научной литературе предпринимаются попытки дать ее универсальное определение – либо как процесса формирования единого финансово-экономического пространства, либо как механизма взаимосвязи суверенных национальных социально-экономических систем.

Природа глобализации коренится в интеграции, которая выступает одновременно и путем развития, и вектором движения, и его количественно-качественной характеристикой. Содержание интеграции позволяет определить этап или уровень развития глобализационного процесса в конкретный исторический период.

Мы исходим из того, что глобализация как процесс направлена на унификацию всех сфер общественных отношений через поэтапное формирование гармонизированных стандартов. Исторические этапы сближения создают основу для познания сущности глобализации. Эта сущность двойственна: с одной стороны, она предполагает нивелирование культурных, экономических, политических и пространственных барьеров для международного обмена, с другой – порождает мощное противодействие нарастающей глобальной взаимозависимости, результатом чего становится движение в сторону предельной типизации норм.

Правовая глобализация, на наш взгляд, является объективным следствием общей глобализации. Она ведет к формированию и общемировому признанию гармонизированных и унифицированных правовых принципов, норм и теорий, ускоряя взаимовлияние и взаимопроникновение национальных правовых порядков. Этот процесс может происходить как добровольно, так и в результате опосредованного навязывания правовых стандартов.

Определяющим фактором становления правовой глобализации является универсальность принципов права (справедливость и равенство и др.). Особенностью правовой глобализации является то, что интеграционные процессы возникают как результат общих проблем, таких как изменение климата, решение которых возможно только глобальными нормативно-правовыми механизмами, которые обеспечивают широкое международное сотрудничество в области права и синхронность институциональных нововведений всеми государствами [1, С. 134]

Структура правовой глобализации – это многоуровневая система взаимодействия национального и международного права, где происходит трансформация функций государства, изменение иерархии источников права и формирование глобальных правовых стандартов, проникающих во все сферы общественной жизни.

Ученые выделяют основные механизмы, через которые происходит сближение правовых систем:

1. По формам взаимодействия (инструментальная структура):

- 1.1 Гармонизация права: сближение национальных законодательств, устранение противоречий, выработка общих подходов (модельные законы, типовые кодексы).

1.2 Унификация права: создание единообразных правовых норм, которые заменяют национальные различия (особенно в частном праве: торговое мореплавание, интеллектуальная собственность).

1.3 Рецепция права: заимствование правовых институтов, категорий и конструкций из одной правовой системы другой (например, влияние англосаксонского права на романо-германское).

2. По субъектам (институциональная структура):

2.1 Наднациональный уровень: деятельность ООН, ВТО, Совета Европы, ЕС, чьи нормы и стандарты имплементируются в национальные системы.

2.2 Национальный уровень: деятельность государств по приведению своего законодательства в соответствие с международными обязательствами (конституционная адаптация).

2.3 Транснациональный уровень: роль неправительственных организаций, транснациональных корпораций, которые создают корпоративное право (Lex Mercatoria), влияющее на глобальные правовые отношения.

3. По направлениям (функциональная структура) определяются сферы правового регулирования, наиболее подверженные глобализации:

3.1 Публично-правовое направление: унификация стандартов в области прав человека, экологического права, борьбы с терроризмом и киберпреступностью.

3.2 Частноправовое направление: гармонизация договорного, корпоративного, банковского права для обслуживания единого мирового рынка.

3.3 Судебно-правовое направление: взаимодействие судебных систем, признание и исполнение иностранных судебных решений, обращение в международные судебные инстанции [2].

Кучерков И.А. и Воронина Т.В. акцентируют внимание на двойственности правовой глобализации. Во-первых, выделяются позитивные векторы данного процесса – сближение правовых культур, обмен опытом, усиление защиты прав человека, формирование единого правового пространства. Но существуют и негативные – размывание национального суверенитета, унификация в ущерб самобытности национальных правовых систем, правовая экспансия (навязывание стандартов), возникновение конфликтов юрисдикций [3].

Анализ современных процессов позволяет выделить ряд ключевых тенденций, характеризующих трансформацию права. Во-первых, это унификация и гармонизация права. Одной из ведущих тенденций является сближение национальных законодательств и создание единообразных правовых норм. Это особенно заметно в сферах международной торговли, частного права, защиты прав человека. Государства приводят свое законодательство в соответствие с международными стандартами, что, с одной стороны, способствует правовой стабильности и защите прав граждан, а с другой – требует значительных усилий по имплементации международных норм.

Во-вторых, изменение соотношения международного и национального права. В условиях глобализации на смену примату национального права приходит признание примата (верховенства) международного права. В государствах с

монистической системой международные договоры становятся частью национальной правовой системы и имеют прямое действие. Даже в дуалистических системах, где требуется специальная процедура трансформации, влияние международного права неуклонно возрастает.

В-третьих, трансформация государственного суверенитета. Правовая глобализация ведет к «размыванию» традиционного государственного суверенитета. Государства все чаще делегируют часть своих полномочий наднациональным органам (как в случае с Европейским союзом) или вынуждены считаться с решениями международных институтов. Это вызывает острую дискуссию о пределах национального суверенитета и реализации права народов на самоопределение.

В-четвертых, появление новых правовых массивов. Глобализация стимулирует развитие новых отраслей и подотраслей права, регулирующих сферы международного сотрудничества: международное экологическое право, международное информационное право (информационная безопасность), энергетическое право, космическое право. Перед международным правом появляются задачи, требующие новых способов решения.

И, в-пятых, противодействие унификации и защита правовой идентичности. Наряду с интеграционными процессами наблюдается и обратная тенденция – стремление государств сохранить свою правовую, культурную и национальную идентичность. Глобализация несет угрозы устоявшимся правовым обычаям и традициям, что вызывает необходимость осуществления защитных мероприятий для сохранения суверенитета и самобытности национальных правовых систем. Это проявляется, в частности, в дискуссиях о недопустимости механического заимствования западных правовых моделей [4].

Итак, можно прийти к выводам, что правовая глобализация представляет собой объективный, сложный и противоречивый процесс трансформации правовой картины мира. Она ведет к формированию многоуровневой глобальной правовой системы, в которой тесно переплетаются международное, наднациональное, транснациональное и национальное право. Основными тенденциями этого процесса выступают унификация правовых норм, повышение роли международного права, трансформация государственного суверенитета и появление новых правовых институтов.

В то же время развитие глобализации не является линейным. Растет сопротивление унификации, усиливается стремление государств к сохранению правовой и культурной идентичности. Дальнейшая эволюция права будет определяться способностью мирового сообщества найти баланс между интеграционными процессами, необходимыми для решения глобальных проблем, и правом народов на сохранение своей самобытности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коданева, С.И. Правовая глобализация и национальная безопасность России: Правовые инструменты ее обеспечения / С.И. Коданева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. – 2021. – № 4. – С. 133–143.

2. Алексеева, Е.Е. Правовые системы современности в условиях глобализации / Е.Е. Алексеева // Молодой ученый. – 2025. – № 28 (579). – С. 106–108.
3. Кучерков, И.А. Правовая глобализация: понятие и сущность / И.А. Кучерков, Т.В. Воронина // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 4(107). – С. 90–92.
4. Тюпина, А.В. Современное право и государство в условиях глобализации / А.В. Тюпина // Молодой ученый. – 2024. – № 48 (547). – С. 462–465.

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА КАК ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Медведева Мария Дмитриевна, студентка 2 курса направления Юриспруденция
Научный руководитель: **Асанова Ирина Павловна**, к.ф.н, доцент кафедры гражданских и
уголовных-правовых дисциплин
Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

В последние десятилетия цифровая экономика и финансовые технологии претерпели стремительное развитие, что привело к появлению и широкому распространению новых форм активов, среди которых, имеет место быть цифровая валюта. Криптовалюты, такие как: Bitcoin («Биткойн»), Ethereum («Эфириум») и другие, стали не только инструментом инвестиций, но и средством расчётов, накопления и передачи стоимости. Однако их правовой статус в Российской Федерации долгое время оставался неопределённым, что создавало значительные трудности как для участников рынка, так и для правоохранительных органов.

В статье следует рассмотреть эволюцию правового регулирования цифровых валют в России; проанализировать содержание и значение изменений, внесённых Федеральным законом от 20 февраля 2026 года № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1]; исследовать влияние новых норм на квалификацию преступлений и процессуальные действия; выявить основные проблемы и вызовы, связанные с реализацией законодательства. А также, предложить направления совершенствования правового регулирования.

Правовое регулирование цифровых валют в России прошло несколько этапов. Изначально криптовалюты рассматривались как явление, находящееся вне правового поля, и их оборот не был регламентирован. В 2020 году был принят Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3], который ввёл понятие цифровой валюты и установил ограничения на её использование, включая запрет на принятие криптовалюты в качестве оплаты за товары и услуги. В последующие годы законодательство продолжало развиваться: были введены требования к информированию налоговых органов о фактах обладания цифровой валютой и совершении с ней сделок, что стало важным шагом к интеграции цифровых активов в национальную правовую систему.

С 2025 года началась активная работа по внедрению цифрового рубля, который будет функционировать наряду с наличными и безналичными деньгами [2]. Это свидетельствует о переходе от фрагментарного регулирования к системной интеграции цифровых валют в экономику страны.

Федеральный закон от 20 февраля 2026 года № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» стал ключевым моментом в правовом регулировании цифровых валют [1]. Он внёс изменения в статью 104.1 УК РФ, добавив пункт, согласно которому цифровая валюта теперь признаётся имуществом, подлежащим конфискации. Это изменение устраняет пробелы в законодательстве и позволяет более эффективно бороться с преступлениями, связанными с использованием цифровых активов.

Закон также устанавливает новые процедуры для наложения ареста на цифровую валюту и её изъятия, что обеспечивает защиту прав собственников и упрощает работу правоохранительных органов.

С 3 марта 2026 года в российском уголовном законодательстве произошли существенные изменения: цифровая валюта официально признана имуществом в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Это нововведение стало ответом на вызовы времени, связанные с ростом цифровой экономики и необходимостью правового регулирования новых финансовых инструментов.

До внесения упомянутых изменений неурегулированность правового статуса цифровой валюты создавала сложности при расследовании преступлений, совершённых с её использованием, а также при применении уголовно-правовых мер, таких как арест или конфискация активов. Судебная практика часто признавала криптовалюту «иным имуществом», отсутствие прямого закрепления этого статуса в законодательстве приводило к правовой неопределённости и повышало риски для участников рынка.

Присвоение цифровой валюте статуса имущества в Уголовном кодексе РФ облегчает квалификацию преступлений, связанных с её хищением или легализацией доходов, полученных преступным путём. Это позволяет правоохранительным органам эффективнее применять уголовно-правовые меры, включая конфискацию и арест активов.

Новые нормы также вводят обязательные процедуры для изъятия цифровой валюты с участием специалистов, что повышает уровень защиты прав собственников и обеспечивает более прозрачный процесс расследования.

К ключевым последствиям признания цифровой валюты имуществом, является:

1. Конфискация: Теперь цифровая валюта может быть конфискована в рамках уголовных дел, что упрощает процесс возврата активов потерпевшим.

2. Арест и изъятие: Установлены новые процедуры для наложения ареста на цифровую валюту и её изъятия. Изъятие осуществляется с участием специалиста, что обеспечивает более высокий уровень защиты прав собственников.

3. Упрощение квалификации преступлений: Законодательные изменения позволяют более эффективно квалифицировать преступления, связанные с хищением или легализацией доходов, полученных преступным путем, с использованием цифровых валют.

Несмотря на положительные аспекты, эксперты отмечают ряд проблем, связанных с новыми нормами. Такие как:

1. Технические сложности: Неопределённость в вопросах технической возможности перевода цифровой валюты на специальные адреса и ответственность за возможные ошибки.

2. Изменение стоимости: Вопросы, связанные с изменением стоимости цифровой валюты в период ареста, требуют дальнейшего разъяснения.

3. Международное сотрудничество: Необходимость взаимодействия с иностранными криптобиржами и провайдерами услуг, что может вызвать сложности в правоприменении.

Для успешной реализации направления совершенствования правового регулирования новых норм, необходимо:

1. Разработка подзаконного регулирования: Установить чёткие процедуры для хранения и перевода цифровых активов, а также определить ответственность за ошибки.

2. Анализ правоприменительной практики: Необходимо проводить постоянный мониторинг и анализ применения новых норм для выявления проблем и их решения.

3. Международное сотрудничество: Укрепление взаимодействия с зарубежными юрисдикциями для более эффективного контроля за оборотом цифровых валют.

Таким образом, признание цифровой валюты имуществом в Уголовном кодексе РФ – значимый этап в формализации правового статуса криптовалют в России. Эти нововведения не только облегчают деятельность правоохранительных органов, но и расширяют возможности для защиты прав владельцев цифровых активов. Вместе с тем для эффективной реализации новых норм требуется дальнейшее развитие подзаконного регулирования и тщательный анализ судебной практики. Законодатель должен учитывать возникающие вызовы и своевременно адаптировать правовую базу к динамично меняющимся условиям цифровой экономики.

Это решение носит не только технический, но и концептуальный характер, что требует всестороннего осмысления. Необходимо оценить, как новые положения отразятся на квалификации преступлений, защите права собственности, процессуальных гарантиях и взаимодействии с международными финансовыми институтами. Особое значение приобретают вопросы технической реализации: порядок изъятия, хранения и перевода цифровых активов, а также распределение ответственности за возможные ошибки.

Исследование посвящено одной из ключевых и наиболее обсуждаемых тем современного уголовного права, имеющей стратегическое значение для развития цифровой экономики и укрепления правопорядка в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Статья от Банка России, о предложении новых дат массового внедрения цифрового рубля : от 25 июня 2025 г. // Доступ из официального электронного сервиса «Банк России».

3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ И СЕМЕЙ ОДИНОКИХ РОДИТЕЛЕЙ

Моисеева Дарья Евгеньевна, студентка 3 курса специальности «Право и организация социального обеспечения»

Научный руководитель: **Логутенков Александр Владимирович**, преподаватель кафедры гражданских и уголовных-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РГУК

Семья – сложный и многоаспектный институт в своей основе должен иметь социально-экономическое благополучие. Семья и детство представляют собой взаимосвязанную и взаимообусловленную систему социальных факторов. Своеобразным мерилom развития и прогресса государства можно назвать благополучие семьи. Для современного общества является общепризнанным тот факт, что естественной и основной ячейкой общества, которая обладает правом на защиту со стороны общества и государства, является семья.

Государственная политика в сфере социальной поддержки семей, воспитывающих детей, является важным элементом социальной защиты населения. Особое внимание уделяется многодетным семьям и семьям с единственным родителем, поскольку эти категории граждан находятся в зоне повышенного социального риска. Государственная политика в данной сфере направлена на создание условий, обеспечивающих достойный уровень жизни, доступ к социальным благам, а также стимулирующих рождаемость и укрепление института семьи.

Семейным кодексом России установлено, что семейные права охраняются законом, за исключением случаев, если они осуществляются в противоречии с назначением этих прав [1].

Естественное движение населения в России (рождаемость и смертность) за последние годы свидетельствует о необходимости государственной координации национальных социальных процессов, в первую очередь демографических.

Решение современных демографических проблем неразрывно связано с вопросами государственной поддержки института семьи. Данный вопрос неоднократно подтверждался доктринально. В России на конституционном уровне одним из важнейших направлений в государственной политике признана социальная защита и поддержка семьи, материнства и детства. Ключевая цель в национальном развитии является создание для семьи и детей благоприятных условий с целью обеспечения их жизнедеятельности. Об этом свидетельствует прогрессивное и динамичное развитие современного института государственной заинтересованности в развитии семьи [2, с. 48].

Социальная защита семьи в Российской Федерации основывается на нормативно-правовой базе, которая включает в себя как международные обязательства, так и национальное законодательство.

Конституция Российской Федерации (ст. 7 и 38) закрепляет принцип социального государства, обязывая его обеспечивать поддержку семьи, материнства и детства. Эти положения конкретизируются в ряде федеральных законов и подзаконных актов. Например, Семейный кодекс РФ регулирует правовые основы семейных отношений, устанавливая права и обязанности родителей и детей.

Федеральный закон «О государственной социальной помощи» определяет порядок предоставления социальной поддержки малоимущим семьям, а закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» регулирует выплату пособий на детей, включая единовременные и ежемесячные выплаты [3].

Особое значение в системе социальной защиты семьи имеет программа материнского капитала, которая была введена федеральным законом с 2007 года [4]. Данная программа направлена на стимулирование рождаемости и улучшение жилищных условий семей с детьми. Аналогичную цель преследует и Указ Президента «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», который предусматривает дополнительные меры поддержки, включая льготы для многодетных семей и программы улучшения жилищных условий.

Правовые аспекты социальной поддержки многодетных семей и семей с единственным родителем также регулируются региональными законодательными актами, которые могут расширять перечень льгот и пособий (например, закон Республики Мордовия [5]).

Государственная политика в области социальной защиты семьи реализуется через несколько ключевых направлений. Во-первых, это финансовая поддержка, которая включает в себя выплату пособий на детей, таких как ежемесячные выплаты на первого и второго ребенка, единовременные выплаты при рождении ребенка, а также материнский капитал. Эти меры направлены на снижение финансовой нагрузки на семьи и стимулирование рождаемости.

Расходы на материнский капитал в 2025 году составили 536,71 млрд рублей, исходя из ожидаемого количества обращений – 1 357,65 тыс. человек.

Во-вторых, важным направлением является предоставление социальных услуг. Государство обеспечивает бесплатное медицинское обслуживание для беременных женщин и детей, а также реализует программы поддержки молодых семей, такие как обеспечение жильем через ипотечные программы с государственной поддержкой. Кроме того, семьи с детьми могут получать льготы на образование, летний загородный отдых, транспорт и коммунальные услуги.

Третьим направлением является обеспечение трудовых гарантий для родителей. Законодательство РФ предусматривает оплачиваемый отпуск по беременности и родам, а также защиту от увольнения для беременных женщин и родителей с детьми. Эти меры призваны обеспечить баланс между трудовой деятельностью и семейными обязанностями.

Особое внимание уделяется поддержке многодетных семей. Для них предусмотрены дополнительные льготы, такие как снижение налоговой нагрузки, бесплатное школьное питание, льготы на проезд в общественном транспорте и предоставление земельных участков. Региональные власти также разрабатывают собственные программы поддержки многодетных семей, что позволяет учитывать специфику каждого региона.

Многодетность в современном обществе рассматривается не только как демографический феномен, но и как важный фактор обеспечения национальной безопасности. В условиях демографического кризиса, старения населения и снижения рождаемости многодетные семьи становятся ключевым элементом устойчивого развития государства. Национальная безопасность РФ, согласно Стратегии национальной безопасности РФ, включает в себя не только военную и экономическую составляющие, но и демографическую устойчивость [6].

В Российской Федерации многодетные семьи признаются одной из приоритетных категорий населения, требующих особой поддержки со стороны государства. Национальная безопасность, в свою очередь, определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Демографическая составляющая национальной безопасности включает в себя обеспечение устойчивого воспроизводства населения, что напрямую связано с уровнем рождаемости и поддержкой многодетных семей.

Число многодетных семей в России за год выросло на 250 тыс. до 2,65 млн. Министерство труда и социальной защиты России зафиксировало увеличение количества многодетных семей с 2,4 млн до 2,65 млн за период с января 2024 года по январь 2025 года.

Концепция многодетности как основы национальной безопасности базируется на следующих принципах:

- демографическая устойчивость: многодетные семьи способствуют увеличению численности населения и снижению демографического дисбаланса;
- социальная стабильность: крепкие семьи с несколькими детьми формируют устойчивые социальные связи и снижают уровень социальной напряженности;
- экономическая безопасность: многодетные семьи способствуют формированию трудовых ресурсов, что важно для устойчивого развития экономики.

Семьи одиноких родителей представляют собой особую категорию домохозяйств, которые сталкиваются с рядом социальных, экономических и правовых трудностей. В России такие семьи составляют значительную долю от общего числа семей с детьми, и их поддержка является важным направлением государственной социальной политики. Одинокий родитель – это лицо, которое самостоятельно воспитывает одного или нескольких детей в связи с отсутствием второго родителя по различным причинам (развод, смерть, уклонение от обязанностей).

К одиноким родителям относятся:

- матери-одиночки, если отец ребенка не установлен или не признает отцовства;
- отцы-одиночки, если мать ребенка отсутствует по указанным причинам.
- опекуны или попечители, воспитывающие детей без участия второго родителя.

В научной литературе высказываются предложения о необходимости разработки в ближайшей перспективе комплексного федерального закона «Об охране семьи», что позволит укрепить правовые гарантии государственной политики по охране семьи.

Государственная политика в области социальной поддержки многодетных семей и семей с единственным родителем является важной частью социальной защиты населения. Она основывается на нормативно-правовых актах, включает в себя меры материальной поддержки, налоговые льготы, социальные услуги. Однако эффективность данной политики зависит от достаточного финансирования, доступности программ и их адаптации к региональным условиям. Для дальнейшего развития системы социальной поддержки требуется совершенствование законодательной базы, сокращение бюрократических процедур и усиление социальной информированности граждан.

В современном обществе семья продолжает играть важную роль, несмотря на изменения в социальной структуре и культурных нормах. Семья остается основным источником социализации детей, обеспечивая передачу традиционных ценностей и норм поведения. Кроме того, семья играет ключевую роль в обеспечении экономической стабильности своих членов, особенно в условиях нестабильной экономической ситуации.

15 марта 2025 года Правительство РФ утвердило Стратегию действий по реализации семейной и демографической политики и поддержке многодетных семей, которая рассчитана до 2036 года и нацелена на сохранение населения страны за счет повышения рождаемости, укрепления здоровья семей и создания условий для развития малышей [7].

Ключевым механизмом реализации утвержденной стратегии станет новый национальный проект «Семья». Важным направлением станет совершенствование помощи родителям, а также будущим мамам и папам, в том числе расширение возможности совмещать работу и учебу с рождением и воспитанием детей, улучшение их жилищных условий.

В стратегии предлагается расширение практики использования гибкого графика, дистанционного и другого индивидуального формата работы для беременных женщин и сотрудников, имеющих несовершеннолетних детей, синхронизация режимов работы детских садов с графиками работы родителей с помощью создания дежурных групп, поощрение успешных практик работодателей по поддержке сотрудников с семейными обязанностями.

Запланировано развитие комплексной программы по охране материнства и детства, сбережению здоровья детей и подростков, в том числе:

- укрепление репродуктивного здоровья за счет расширения сети женских консультаций, модернизации перинатальных центров, детских поликлиник и больниц;
- совершенствование скрининговых программ для беременных женщин, новорожденных детей и детей других возрастов;
- повышение доступности медпомощи женщинам по месту жительства, включая сельские территории и малые города;
- развитие программ реабилитации и психологической поддержки женщин после рождения ребенка;
- совершенствование методов лечения бесплодия, повышение их доступности и эффективности.

Меры социальной поддержки многодетных семей и семей одиноких родителей играют важную роль в повышении качества жизни граждан и укреплении семейных ценностей. Однако их реализация сталкивается с рядом проблем, требующих комплексного подхода со стороны государства. Совершенствование механизмов социальной помощи позволит обеспечить более эффективную поддержку нуждающихся семей и создать условия для устойчивого демографического развития России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ; в ред. от 23 ноября 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Ережипалиев, Д.И. Совершенствование мер социальной поддержки семей, имеющих детей / Д.И. Ережипалиев // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 5. – С. 43–51.
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : федер. закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ; в ред. от 29 октября 2024 г. // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1929.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ; в ред. от 28 февраля 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 1 (1 ч.). – Ст. 19.
5. О предоставлении в Республике Мордовия земельных участков гражданам, имеющим трех и более детей : закон РМ от 7 сентября 2011 г. № 50-3; в ред. от 25 июня 2024 // Известия Мордовии. – 2011. – 08 сентября.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
7. Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года : распоряж. Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. – 2025. – 27 марта.

ИНСТИТУТ СЕМЬИ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РФ

Нестерова Дарья Владимировна, студентка 2 курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Колоколова Елена Олеговна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовных-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

В современной России вопросы семьи, материнства, отцовства и детства занимают особое место в государственной политике. Президент не раз говорил, что поддержка семьи – это обращение к будущему, к тем поколениям, которым предстоит определять судьбу нашей страны. Важно отметить, что внимание к семье проявляется не только в законах, но и в символических шагах государства. В 2008 году в России впервые был объявлен год семьи, и эта традиция продолжилась: 2024 год снова стал годом семьи [1, с. 31].

В 2020 году в Конституцию внесли важные поправки, среди которых – защита семьи, материнства, отцовства и детства, а также защита института брака как союза мужчины и женщины.

Понятие «семья» никогда не было застывшим – оно менялось вместе с обществом [2, с. 68]. В буржуазном обществе семья была стабильной и самостоятельной. Революция 1917 года всё изменила. В советский период семья стала восприниматься как основанная на браке или родстве малая группа, члены которой связаны общим бытом и взаимной ответственностью. Освободившись от старых устоев, семья потеряла способность справляться с трудностями самостоятельно. Государству пришлось вмешаться – сначала чтобы защищать отдельных членов семьи, а потом и саму семью [2, с. 69].

Поправки к Конституции 2020 года затронули и семейную сферу. Статья 72 получила новый пункт «ж.1», который закрепил защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а также защиту брака как союза мужчины и женщины [1, с. 33]. В науке к этим поправкам отнеслись по-разному, однако главная цель поправки – поднять защиту традиционных семейных ценностей на конституционный уровень. Государство взяло на себя обязательство выстроить систему защиты семьи, подключив к этому все уровни власти [1, с. 35].

В истории наших конституций защита семьи появилась далеко не сразу. В Конституции СССР 1936 года говорилось только о равенстве мужчин и женщин и охране интересов матери и ребенка. И лишь в 1977 году впервые появилась фраза, что семья находится под защитой государства. Терминам «семья» и «семейные ценности» нет легального определения в семейном законодательстве современной России. Закон называет лишь конкретных людей – членов семьи, но саму семью не определяет [2, с. 70].

Раньше это не казалось проблемой, но времена изменились. Для многих современных людей перестало быть важным заключать брак, официально оформлять отношения с детьми, хранить верность.

Сложность в определении единого понятия семьи обусловлена тем, что в разных отраслях права семья понимается по-разному. В Семейном кодексе нет определения семьи, но зато четко прописано, кто считается «членами семьи»: супруги, родители, дети, усыновители [3, с. 48].

Единственное официальное определение семьи можно найти в законе «О прожиточном минимуме». Там семья – это лица, связанные родством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство. В связи с этим возникает вопрос: нужно ли вообще стремиться к единому определению? Семья – это живое явление, и попытка загнать его в жесткую формулу может только навредить [3, с. 50].

Вопрос защиты традиционных семейных ценностей приобретает особую актуальность в свете новых вызовов, особенно идей трансгуманизма [4, с. 31]. Россия не одинока в стремлении защитить традиционную семью. В Швейцарии Конституция запрещает клонирование и суррогатное материнство, а в Венгрии человеческая жизнь защищается с момента зачатия [4, с. 33]. Важно отметить, что после выхода России из Совета Европы решения Европейского суда по правам человека в нашей стране не исполняются [5, с. 106].

Семью можно рассматривать и как экономическую единицу. Само слово «экономика» происходит от греческого «ойкономия» – искусство ведения до-

машнего хозяйства. Выделяют три главные функции семьи: рождение детей, совместное хозяйство и передача культурного опыта [3, с. 52]. Особенность семейного хозяйства в том, что оно основано не на деньгах, а на любви и заботе. Однако современная жизнь разрушает эту модель: сегодня и муж, и жена вынуждены работать вне дома, а бабушки и дедушки часто живут отдельно [3, с. 53].

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что институт семьи прошел огромный путь – от самостоятельной ячейки до объекта особой государственной защиты. Конституционная реформа 2020 года закрепила эту защиту на самом высоком уровне [1, с. 38]. Однако главная проблема остается нерешенной: в законе нет четкого определения семьи и семейных ценностей [2, с. 71]. В стабильные времена это не важно, но, когда само понятие семьи размывается, отсутствие ясности становится опасным. Наиболее разумный путь – сохранять традиционное понимание семьи как союза мужчины и женщины, рождающих и воспитывающих детей, но при этом быть чуткими к реальным проблемам, с которыми сталкиваются люди [3, с. 55]. То, что в России уже дважды (в 2008 и 2024 годах) проводились Годы семьи, говорит о системном подходе государства к семейной политике. Поддержка многодетных семей, закреплённая теперь на федеральном уровне, показывает, что государство готово помогать тем, кто берет на себя ответственность за воспитание детей.

Однако, все же необходимо категорию «семья» вывести на уровень легального закрепления. Это обусловлено тем, что в многих отраслях права, не только рамках семейных правоотношений, но также жилищных, трудовых, правоотношений в сфере социального обеспечения категория семья выступает не только как дефиниция, определяющая круг лиц, права которых реализуются благодаря установленным законом связям, возникающих из специфических юридических фактов, но и как субъект права, а это требует уже четкой регламентации с целью единообразного правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гошуляк В.В. Защита семьи как предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 4. – С. 31–40.
2. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 3. – С. 67–74.
3. Косова О.Ю. Институт семьи в системе социальных и правовых координат // Lex Russica. – 2024. – № 12. – С. 45–56.
4. Казачанская Е.А., Верченко В.А. Законодательная защита традиционных семейных ценностей и институт семьи в условиях угроз и вызовов трансгуманизма // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2024. – № 1. – С. 30–38.
5. Ермолаева Т.А. Защита институтов брака и семьи в условиях международно-правовой изоляции РФ // Публичное право сегодня. – 2023. – № 1. – С. 103–110.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Никифорова Алёна Александровна, студентка 1 курса направления подготовки «Экономика»

Научный руководитель: **Никишова Наталья Валерьевна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовных-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Цифровая эпоха, наступившая на рубеже XX–XXI веков, ознаменовала собой фундаментальный сдвиг в способах человеческого существования. Если предшествующие технологические революции меняли преимущественно сферу производства или энергетики, то интернет стал феноменом, проникшим в самую ткань повседневности и глубочайшие структуры самосознания. Как справедливо отмечает Т.Г. Лешкевич, сегодня мы наблюдаем «технологическое «расщепление» повседневности», когда напряженное сосуществование традиционных практик и их трансформированных цифровых моделей становится проблемой первостепенной актуальности [1, с. 447]. Воздействие интернета на идентичность и структуры повседневности представляет собой одну из ключевых проблем современной социальной философии, требующую осмысления в категориях онтологии, антропологии и теории коммуникации.

В рамках нашего исследования мы попытаемся проанализировать трансформацию идентичности и базовых структур повседневного бытия человека под влиянием интернет-технологий.

Прежде всего, необходимо определить онтологический статус интернета. Философы Торонтской школы, особенно М. Маклюэн, задолго до появления Всемирной паутины предсказали возникновение «глобальной деревни» и утверждали, что «средство коммуникации есть сообщение» [2, с. 173]. Интернет в этом контексте выступает не просто как совокупность каналов передачи данных, а как особая медиасреда, формирующая антропологический тип человека.

Как подчеркивает А. Теплов в своей лекции, прочитанной в Институте философии РАН, «цифровая среда становится именно реальностью, поскольку вносит глобальные изменения во все аспекты нашего существования: реализация нашей жизнедеятельности, досуга, коммуникации, всех повседневных практик, не говоря уже об изменении каких-то фундаментальных процессов, происходящих вокруг нас» [3]. При этом исследователь обращает внимание на то, что человек часто не осознает эту среду, так как «её фактическая реализация происходит на уровне микромира».

Л. Сакалаускас, профессор Вильнюсского технического университета, в своем выступлении, посвященной цифровой философии, отмечает, что наше время требует нового подхода к анализу философских категорий, таких как сознание, идентичность и мораль, «в условиях технологической среды, где искусственный интеллект, виртуальная реальность и большие данные становятся частью повседневной жизни» [4].

Одним из наиболее значимых следствий интернетизации повседневности является трансформация идентичности. В классической философии (от Р. Декарта до Э. Гуссерля) идентичность мыслилась как нечто внутренне устойчивое, как «Я», обладающее самоидентичностью. Интернет радикально меняет эту ситуацию, порождая феномен сетевой идентичности.

В зарубежных исследованиях отмечается, что «поскольку человечество продолжает свое путешествие через цифровой век, наша жизнь все в большей степени становится композицией нашей офлайн- и онлайн-активности» [5]. При этом философское понимание идентичности колеблется между двумя крайними

позициями: натуралистическим мировоззрением, согласно которому «идентичность целостна и различима», и конструктивистским взглядом, согласно которому «идентичность фрагментирована и разделена»

Конструктивистская позиция особенно ярко проявляется в цифровой среде. Социальные сети, такие как LinkedIn и Facebook, исходят из того, что «ты – это те, с кем ты связан. Твоя социальная сеть и природа индивидуальных отношений с другими определяют твою уникальность» [5]. Это позволяет понять, как Instagram и YouTube-«звезды» способны использовать свою идентичность для достижения славы и финансовой выгоды.

Виртуальное пространство предоставляет индивиду возможность конструирования множественных «Я». Пользователь социальной сети не просто отражает свою реальную личность, но создает перформативный образ, который Ж. Бодрийяр назвал бы «симулякром» – копией без оригинала. Лайки, репосты и комментарии становятся инструментами внешней валидации, формируя зависимость идентичности от «взгляда Другого», который в цифровую эпоху часто оказывается взглядом безличного алгоритма.

Китайский исследователь Ли Чжиминь, анализируя проблему цифровой идентичности, отмечает, что «интернет-эпоха создала 2 цифровое alter ego», параллельное физическому телу. Более 4 миллиардов интернет-пользователей по всему миру конструируют образы в виртуальном пространстве, и переплетение цифровой и реальной идентичностей перекраивает самопознание человека» [6]. С философской точки зрения, эта «идентичностная фрагментация – это не только технологический феномен, но и глубокая экзистенциальная проблема».

Человек оказывается в ситуации, описанной Ш. Теркл, как «одиночество в Сети»: будучи постоянно на связи, он утрачивает глубину подлинного контакта с самим собой [7]. Идентичность становится клиповой и фрагментарной: мы играем разные роли в зависимости от платформы (профессионал в LinkedIn, гедонист в Instagram, анонимный комментатор в Telegram-канале), что ставит под вопрос существование единого ядра личности. Как отмечает Ли Чжиминь, «когда пользователь использует разные ники на разных платформах, и у каждого идентификатора своя уникальная социальная траектория, какой из них – реальное «Я»?».

Не менее глубокие изменения претерпевают структуры повседневности. Повседневность, как показал в своих работах А. Шюц, – это сфера «ближайшего мира», мир привычных действий и рутинных практик, характеризующийся «самопонятностью» и направленностью на сохранение «самодовлеющей связи стабильности» [8]. Интернет вторгается в эту сферу, перекодируя ее базовые координаты: пространство и время.

Т.Г. Лешкевич в своем исследовании «Цифровое «расщепление» повседневности» выделяет несколько ключевых аспектов этой трансформации. Во-первых, исследовательница фиксирует «сращенность» когнитивного потенциала человека с интеллектуальными устройствами и формирование особой «виртуальной рациональности», основанной на «замещении собственных усилий индивида алгоритмизированными решениями». Во-вторых, она вводит понятие

«прокси-культуры» – культуры «действий по доверенности», когда индивидуальные полномочия делегируются интеллектуальным системам.

Пространство повседневности утрачивает свою физическую определенность. Благодаря смартфону человек одновременно находится «здесь» (в комнате, на улице) и «там» (в чате, в ленте новостей). Происходит феномен «коллапса контекстов», когда приватное и публичное, рабочее и домашнее смешиваются в едином потоке. Физическое место перестает быть контекстом действия, уступая место топологии цифровых потоков.

Время повседневности также претерпевает мутацию. Цифровая среда диктует режим «вечного настоящего». Лента новостей, обновляющаяся ежесекундно, разрушает линейность времени, разрывая связь прошлого и будущего. Человек живет в режиме постоянного отклика на стимулы (уведомления, сообщения), что ведет к атрофии способности к длительной рефлексии и созерцанию.

Кроме того, интернет трансформирует практики тела и труда. Тело в цифровой повседневности становится «интерфейсом» – объектом для оцифровки (селфи, чек-ины, показатели шагов в фитнес-приложениях). Граница между трудом и досугом стирается: работа проникает в дом через мессенджеры, а досуг (ведение блога, стриминг) превращается в форму неоплачиваемого труда по производству контента.

Философы Франкфуртской школы, особенно Т. Адорно и М. Хоркхаймер, предупреждали об угрозе «индустрии культуры», стандартизирующей сознание [9]. В эпоху интернета эта угроза приобретает новые черты. Как отмечается в современных исследованиях, посвященных «диалектике цифрового просвещения», «цифровая трансформация также стала свидетелем роста авторитаризма, милитаризма, экономических потрясений, экологических кризисов и обнищания коллективных оснований массовой культуры через консьюмеризм, где идеалы полезности, удовольствия и удовлетворения царят в атомизированной жизни индивидов» [10].

Т.Г. Лешкевич приходит к выводу, что «возросшее чувство беспомощности перед усложняющимися задачами компьютерных интеракций на фоне доверия машинным алгоритмам ведет к цифровому отчуждению». Сужение ареала «непосредственной достоверности опыта» и реальных межличностных контактов оттесняет способ восприятия действительности «в зону безрефлексивности».

К. Дрис, руководитель исследовательского центра Гюнтера Андерса во Фрайбургском университете, обращает внимание на актуальность идей этого философа для понимания современных медиа. Андерс еще в 1950-е годы в эссе «Мир как призрак и как матрица» анализировал феномен телевидения, показывая, что мы живем в «постлитературную эпоху, которая заполнена изображениями». Мир постоянно доставляется нам – например, через прямую трансляцию футбольного матча. «Каким-то образом мы там – но каким-то образом и не там». При этом изображения, по Андерсу, не отражают реальность буквально, но всегда являются «суждениями в образной форме, скрывающими форму своего суждения». Это наблюдение, как отмечает Дрис, напрямую применимо к Instagram и другим визуальным социальным сетям: «изображение кажется непосредственным и якобы нейтральным, но на самом деле оно тщательно сконструировано и суггестивно» [11].

Алгоритмы поисковых систем и социальных сетей формируют «пузыри фильтров», ограничивая кругозор человека и предопределяя его выбор. Повседневность оказывается запрограммированной, а идентичность – навязанной трендами. Джон Швенклер, директор Форума человеческого процветания в цифровую эпоху Иллинойского университета, отмечает, что наряду с экономическими эффектами цифровые технологии оказывают глубокое влияние на то, «как мы думаем, чувствуем и относимся друг к другу, поскольку значительная часть нашей повседневной жизни опосредована цифровыми устройствами, такими как смартфоны». Он выражает обеспокоенность тем, что «этот опыт уменьшает значимость наших отношений друг с другом, обедняет наш опыт физического мира, подрывает некоторые необходимые основы здоровой политической жизни и просто заставляет нас тратить много времени, которое было бы гораздо лучше потратить на более значимые занятия» [12].

Таким образом, влияние интернета на идентичность и структуры повседневности носит амбивалентный характер. С одной стороны, он открывает невиданные возможности для коммуникации и самовыражения. С другой стороны, он порождает риски фрагментации личности, дезориентации в пространстве и времени, а также скрытого алгоритмического контроля.

Как отмечает Ли Чжиминь, «борьба между цифровой и реальной идентичностью по сути является самореконструкцией человечества в технологической революции. Эта трансформация приносит как обогащение способов существования, так и глубокий когнитивный кризис». Ключевой задачей становится не выбор между реальным и виртуальным, а «построение новой симбиотической системы идентичности».

Осмысление этих процессов – насущная задача социальной философии, призванной помочь человеку сохранить подлинность бытия в условиях тотальной цифровизации. Как подчеркивает А. Теплов, «возникает необходимость информационной экологии, информационной культуры, чтобы создать защитный барьер, не являющийся цензурой, но помогающий выстроить стратегию выживания в цифровой среде».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лешкевич, Т.Г. Цифровое «расщепление» повседневности / Т.Г. Лешкевич // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2025. – Т. 29, № 2. – С. 446–459.
2. Кузнецова, Е.И., Дорожкин, А.М. Медиа и медиальное: социально-философский анализ / Е.И. Кузнецова, А.М. Дорожкин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 3(11). – С. 171–186.
3. Теплов, А. Цифровая среда как новая вселенная человека: лекция в Институте философии РАН (Фестиваль Наука 0+) / А. Теплов // ГАУГН. – 27 октября 2025. – URL: <https://gaugn.ru/obrazovanie/faculties/sociology/news/aleksandr-teplov-predstavil-lektsiyu-v-ramkakh-festivala-nauka-0-v-institute-filosofii-ran/>
4. Сакалаускас, Л. Digital Philosophy, Digital Culturology, Digital Politology: лекция в Институте философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК. / Л. 4. Сакалаускас – 4 марта 2025. – URL: <https://iph.kz/ru/news/lektsiya-professora-leonidasa-sakalauskasa-na-temu-digital-philosophy-digital-culturology-digital-po/>
5. Wagner J., Boehme-Neßler V. Digital Identity: Philosophical and Legal Perspectives //

Frontiers in Blockchain. – 2020. – Vol. 3. – Article 26. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fbloc.2020.00026/full>

6. Ли Чжиминь Интернет-эпоха: связь и конфликт между цифровой идентичностью и реальной идентичностью // Китайская образовательная информатизация. – 15 ноября 2025. – URL: https://www.ictdedu.cn/2025/zmhhs_1115/88505.html

7. Turkle, S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. – New York : Basic Books, 2011. – 360 p.

8. Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

9. Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. – Москва: Медиум, 1997. – 310 с.

10. Dialectic of digital enlightenment: reclaiming radical philosophy for our times // CORE. – 2025. – URL: <https://core.ac.uk/outputs/630042615/>

11. Dries C. «Digitalisation pervades every area of life, from shopping to climate change»: interview / Universität Freiburg. – 17 July 2025. – URL: <https://uni-freiburg.de/en/digitalisation-pervades-every-area-of-life-from-shopping-to-climate-change/>

12. Schwenkler, J. How Can Digital Technology Contribute to Human Flourishing?: interview / University of Illinois Urbana-Champaign. – 28 March 2025. – URL: <https://philosophy.illinois.edu/news/2025-03-28t153555/how-can-digital-technology-contribute-human-flourishing-interview-professor>

ОЦЕНКА ВИДЕОЗАПИСИ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Паршкова Жанна Андреевна, студентка 3 курса направления «Право и организация социального обеспечения»

Научный руководитель: **Симонова Елена Витальевна**, преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Цифровая трансформация экономики и повсеместное распространение технических средств фиксации привели к тому, что видеозаписи перестали быть экзотическим доказательством и превратились в обычный, а зачастую и ключевой инструмент доказывания в арбитражных спорах. От записи переговоров и фиксации поставки товара до контроля за выполнением работ на объекте – видеоносители содержат уникальную информацию в динамичной, наглядной форме.

Однако мощный доказательственный потенциал видеозаписи уравнивается сложностью её процессуального положения, проблемами установления достоверности и рисками нарушения прав при её получении. Цель данного доклада – провести комплексный анализ видеозаписи как доказательства в арбитражном процессе: от определения её правовой природы и условий допустимости до практических аспектов представления, исследования и оценки судом.

В арбитражном процессе видеозапись является иным документом в соответствии с частью 2 статьи 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ), который допускает в качестве доказательств «иные документы и материалы», содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа.

Двойственная природа видеозаписи:

1) Как письменное доказательство (в широком смысле): когда она представляется на материальном носителе (флэш-накопитель, диск) с сопроводительным письмом-описанием, выступая в роли документа, удостоверяющего факты.

– Как вещественное доказательство (носитель информации): Сам физический объект (носитель) может исследоваться на предмет наличия следов монтажа, подлинности данных и т.д.

Ключевая особенность – информационная ёмкость и объективность. В отличие от протокола, который является субъективным изложением событий, видеозапись одновременно фиксирует:

- Визуальную обстановку и действия.
- Аудиоряд (переговоры, комментарии).
- Временную шкалу и последовательность событий.

Допустимость – это соответствие доказательства требованиям закона относительно источника, способа получения и процессуальной формы.

Критерии допустимости видеозаписи в качестве доказательства:

1). Законность способа получения. Это наиболее спорный критерий. Арбитражная практика (с опорой на разъяснения высших судов) выработала следующие подходы:

1. Записи, сделанные одной из сторон правоотношений (например, участником переговоров) без предупреждения, как правило, признаются допустимыми, если:

– Не нарушают конституционный запрет на сбор, хранение и распространение информации о частной жизни (ст. 24 Конституции РФ).

– Не затрагивают охраняемую законом тайну (государственную, коммерческую, личную).

– Направлены на защиту прав и законных интересов лица, осуществляющего запись (например, для фиксации условий договорённости).

2. Записи, полученные скрытно третьими лицами или с нарушением закона (шантаж, взлом, использование специальных технических средств), безусловно, недопустимы.

3. Записи с систем видеонаблюдения допустимы, если их установка легальна (соответствует закону о персональных данных, есть информирование о съёмке в публичных местах).

2) Относимость. Запись должна содержать сведения о фактах, входящих в предмет доказывания по конкретному делу (ст. 67 АПК РФ). Представляющая сторона обязана указать, какие именно обстоятельства (дата, место, участники, суть действий) подтверждаются видеозаписью.

3) Надлежащее оформление. Простая передача файла в суд недостаточна. Необходимо:

- Подать мотивированное ходатайство о приобщении видеозаписи.
- Предоставить транскрипт (расшифровку) аудиодорожки, особенно если речь неразборчива или ведётся на специфическом языке.
- Указать технические параметры (модель устройства, дата и время создания, данные о возможной обработке).

Процессуальный порядок представления и исследования:

1. Заявление и приобщение: Сторона заявляет ходатайство, суд заслушивает мнение других лиц и выносит определение о приобщении записи к материалам дела.

2. Исследование в судебном заседании:

– Оглашение: Запись воспроизводится в зале суда. Её содержание кратко описывается в протоколе.

– Осмотр: Участники процесса вправе непосредственно наблюдать запись, обращать внимание суда на те или иные детали.

– Объяснения сторон: Лицо, представившее запись, должно пояснить, когда, кем, при каких обстоятельствах и с какой целью она была сделана.

3. Назначение экспертизы – ключевой механизм проверки достоверности.

При наличии обоснованных сомнений (противоречия в записи, заявления о монтаже) суд по ходатайству стороны или по своей инициативе назначает судебную экспертизу. Виды экспертиз:

– Видео техническая: Установление факта и способа монтажа, идентификации исходных записей, улучшение качества изображения/звука.

– Компьютерно-техническая: Анализ метаданных файла (дата создания, изменения, данные об устройстве, признаки использования редакторов).

– Фоноскопическая: Идентификация говорящих лиц, исследование аудиодорожки.

– Комплексная: Сочетание нескольких видов.

Суд оценивает видеозапись, по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном исследовании всех доказательств в их совокупности (ст. 71 АПК РФ).

Критерии оценки достоверности:

1. Непрерывность и целостность: Отсутствие необъяснимых пауз, «скачков» времени, нарушений логики событий.

2. Качество и идентифицируемость: Возможность чётко распознать лица, предметы, документы, понять речь.

3. Непротиворечивость: Соответствие содержания записи другим доказательствам (документам, показаниям свидетелей, данным экспертиз).

4. Результаты экспертизы: Заключение эксперта является одним из наиболее весомых доказательств, но не имеет для суда заранее установленной силы и также подлежит оценке.

5. Доказательства легитимности происхождения: Показания свидетеля-очевидца съёмки, квитанция о покупке камеры, служебные документы, обосновывающие проведение съёмки.

Доказательственная сила видеозаписи, признанной достоверной, очень высока, так как она непосредственно отражает события.

Особые случаи и проблемные аспекты:

– Нотариальное удостоверение видеозаписи (ст. 102 Основ законодательства о нотариате): Нотариус может засвидетельствовать обстоятельства, фиксируемые на видео (например, состояние объекта, содержимое склада). Такая за-

пись обладает повышенной степенью достоверности, поскольку нотариус гарантирует время, место и условия её создания.

– Электронный документооборот и видео: Запись, подписанная квалифицированной электронной подписью и созданная в рамках соглашения об ЭДО, может обладать свойствами электронного документа.

– Запись судебного заседания на личное устройство: АПК РФ не запрещает сторонам вести аудиозапись, а с разрешения суда – и видеозапись. Такая запись может использоваться для подготовки апелляционной жалобы, но как самостоятельное доказательство по другому делу её статус спорен.

– Проблема «вырванного контекста»: Краткий фрагмент, не отражающий полной картины события. Суд должен требовать предоставления максимально полной записи.

Рекомендации для практикующих юристов при представлении видеозаписи:

1. Заранее готовьте ходатайство с детальным описанием значимости записи.
2. Сохраняйте оригинальный носитель в неизменном виде. Представляйте в суд копию, но будьте готовы предоставить оригинал для экспертизы.
3. Сделайте расшифровку аудио и выберите ключевые скриншоты.
4. Рассмотрите возможность нотариального удостоверения процесса фиксации, если факт имеет критическое значение.
5. Будьте готовы дать подробные пояснения и, возможно, вызвать в суд оператора.

При оспаривании видеозаписи:

1. Требуйте предоставления оригинального носителя и полной, необрезанной версии.
2. Внимательно анализируйте запись на предмет нестыковок, монтажных склеек, изменения освещения или фона.
3. Немедленно заявляйте ходатайство о назначении экспертизы, формулируя чёткие вопросы перед экспертом.
4. Представляйте контрдоказательства (свидетелей, документы), опровергающие содержание записи.
5. Настаивайте на нарушении законности получения, если запись сделана скрытно в частном помещении или фиксирует конфиденциальные переговоры без предупреждения.

Видеозапись – это современное, сложное и эффективное доказательство в арбитражном процессе. Её роль будет только возрастать с развитием технологий. Успешное использование видеозаписи зависит от строгого соблюдения баланса между правом на доказывание и недопустимостью нарушения охраняемых законом прав, а также от глубокого понимания процедурных механизмов её исследования.

Ключ к признанию видеозаписи легитимным и достоверным доказательством кроется в процессуальной дисциплине, технической грамотности и готовности к всесторонней проверке. Суды, в свою очередь, всё активнее применяют

специальные знания (экспертизы) для оценки цифровых доказательств, что способствует объективному установлению истины по делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025 г.) // Собрание законодательства РФ.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 2023 г.) // Собрание законодательства РФ.
3. Рекомендации по представлению и исследованию электронных доказательств в Международном коммерческом арбитражном суде при ТПП РФ (утв. Президиумом МКАС при ТПП РФ 21.12.2021).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2023 № 46 «О применении судами законодательства о государственной тайне».
6. Боннер А.Т., Ефимов А.А. Электронные доказательства в арбитражном судопроизводстве: современные проблемы и пути их решения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 1. – С. 23–28.
7. Джан-Ша А.М. Критерии оценки допустимости цифровых доказательств (на примере аудио- и видеозаписей) // Закон. – 2021. – № 5. – С. 114–125.
8. Ярков В.В. (ред.). Арбитражный процесс: учебник для вузов. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2023.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Полежаева Виктория Николаевна, студентка 3 курса специальности «Право и организация социального обеспечения»

Научный руководитель: **Логутенков Александр Владимирович**, преподаватель кафедры гражданского и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Необходимые предпосылки для решения задач социального развития, включая улучшение положения семьи и детей, создает развитие экономики. В связи с этим основное внимание при определении мер социально-экономического развития уделяется поддержанию макроэкономической стабильности, привлечению инвестиций в экономику, созданию других условий устойчивой экономической динамики. Сбалансированное развитие субъектов России, сокращение уровня межрегиональной социально-экономической дифференциации является основной задачей государственного регулирования процессов в регионах страны.

Социально-экономическое развитие конкретных регионов должно быть связано с двумя взаимообусловленными процессами: одновременное развитие экономики и социальной сферы, цель которых увеличение реальных доходов и как следствие – снижение уровня нищеты, улучшение качества оказываемых государственных и муниципальных услуг, равенство возможностей, обогащение культурной жизни, надлежащая социальная поддержка населения.

Это связано с тем, что социально-экономическое развитие регионов в настоящее время является необходимым вектором направления государственной политики, так как слабая региональная политика влечет за собой не только низкие показатели качества жизни по всей территории страны, но и угрозу национальной безопасности, как отдельных субъектов, так и страны в целом.

В свете экономических кризисов и политической нестабильности основополагающей целью является повышение качества жизни населения всей страны в рамках существующих общечеловеческих ценностей гражданского общества.

Экономические процессы последнего десятилетия характеризуются диаметрально противоположными движениями. Причинами выступали локдаун, обусловленный COVID-19, специальная военная операция и т.д.

Основополагающим индикатором развития региона выступает показатель валового внутреннего продукта, в связи с тем, что ВВП представляет собой обобщающий показатель экономической деятельности, характеризующий процесс производства товаров, услуг для конечного использования, и как следствие – уровень национальной безопасности. Номинальный объем ВВП в 2024 году составил 200039,5 млрд руб. Индекс его физического объема относительно 2023 года – 104,1%, индекс-дефлятор –108,9% [1].

Проведение специальной военной операции с целью защиты национального суверенитета и целостности границ Российской Федерации внесла определенные коррективы в расходные обязательства бюджетов всех уровней. При этом необходимо отметить, что согласно данным ЕГИССО обязательства бюджета по финансированию мер социальной защиты (поддержки) населения увеличивается в геометрической прогрессии за последние годы (табл. 1) [2]. Что является бесспорным свидетельством социальной ориентированности бюджетов.

Таблица 1

Объем обязательств бюджета по финансированию мер социальной защиты (поддержки) населения за 2021–2025 гг.

Годы	Финансирование за счет средств муниципальных бюджетов, тыс.руб.	Финансирование за счет средств региональных бюджетов, тыс.руб.	Финансирование за счет средств федерального бюджета, тыс.руб.	Финансирование за счет средств государственных внебюджетных фондов, тыс.руб.
2021	647 673	31 599 845	77 879 896	127 948 535
2022	1 152 565	48 627 950	142 839 052	161 422 160
2023	3 891 218	122 755 281	257 688 996	761 368 307
2024	5 631 631	165 117 235	355 857 153	837 797 836
2025	6 951 483	227 275 390	328 886 384	924 036 623

Механизм социальной защиты неотделим от общественно экономической формации государства. Современные модели социальной поддержки населения имеют исключительно экономическую основу. Социально-экономическое положение семьи зависит от ее состава, количества и возраста детей, жилищной обеспеченности, трудовой деятельности и уровня дохода, состояния здоровья членов семьи и многих других факторов, влияющих на жизнедеятельность. На стабильность семьи, репродуктивное поведение и здоровье членов семьи оказывает влияние уровень и качество их жизни.

По данным Росстата, уровень бедности среди семей с детьми остается высоким – около 17% таких семей имеют доход ниже прожиточного минимума. Особенно уязвимыми категориями являются:

- многодетные семьи;
- семьи с одним родителем;
- семьи, проживающие в сельской местности.

Для борьбы с бедностью государство внедряет программы социальной поддержки, включая ежемесячные выплаты на детей, налоговые льготы и субсидии на оплату коммунальных услуг.

По предварительным данным Росстата в Мордовии доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по итогам 2024 года составила 13,7% от общей численности населения республики.

Анализируя представленные показатели, необходимо отметить, что Республика Мордовия – субъект со слабо развитой экономикой.

Согласно Демографическому рейтингу регионов – 2025, составленному экспертами РИА Рейтинга Мордовия занимает 81 место из 85 регионов страны [3]. Тем самым, необходимо отметить демографическую угрозу безопасности региона, в связи с положительной тенденцией уменьшения общей численности граждан региона на протяжении последних десяти лет.

В соответствии со статистическими данными МордовияСтат население региона за период с 1970 года по 2024 год уменьшилось на 25% (табл. 2). Одновременно следует отметить, что данные за 2024 год также необходимо рассматривать сквозь призму трудовой миграции, когда жители республики имеют регистрацию по месту прописки в Мордовии, а проживают и работают за ее пределами.

Таблица 2

**Динамика численности постоянного населения Республики Мордовия
(на начало года) [4]**

Годы	Все население, человек	в том числе		Доля (%) в населении	
		городское	сельское	городского	сельского
Перепись 1970	1 032 909	371 957	660 952	36,0	64,0
1990	963 778	547 216	416 562	56,8	43,2
2000	918 443	545 096	373 347	59,4	40,6
2010	839 184	503 976	335 208	60,1	39,9
2020	798 993	505 167	293 826	63,2	36,8
2021	788 724	498 653	290 071	63,2	36,8
2022	781 440	495 722	285 718	63,4	36,6
2023	771 373	490 388	280 985	63,6	36,4
2024	765 891	488 006	277 885	63,7	36,3

Являясь сельскохозяйственным регионом, в Мордовии уменьшается количество населения, проживающего в сельской местности. За рассматриваемый период показатель уменьшился на 50%, что свидетельствует об урбанизации граждан и снижении показателей по данному направлению экономики.

Республика Мордовия вошла в число пилотных регионов по реализации мероприятий, направленных на повышение реальных доходов граждан, снижению уровня бедности в два раза до 2024 года. В соответствии с мероприятиями, определенными приказом Минтруда России, в 2019 году проведена оценка реального уровня и структуры бедности в Республике Мордовия. Подготовлен реестр бедного населения [5]. На особом контроле руководства региона находятся малоимущие семьи, имеющие детей и малоимущие одиноко проживающие граждане.

Важную роль в снижении бедности играют расширение спектра мер социальной поддержки малообеспеченного населения, ускоренное социально-экономическое развитие сельских территорий и моногородов, улучшение качества жизни сельского населения, поддержка фермеров и развитие сельской кооперации, содействие росту правовой, цифровой и финансовой грамотности населения, внедрение высокопроизводительных технологий, содействие развитию малого и среднего бизнеса, в том числе в рамках реализации президентских инициатив и Национальных проектов [6].

Сегодня затруднено реальное решение проблем социальной защиты семей с детьми. Существует значительный разрыв между теорией и практикой работы в изучаемой сфере. При этом объединение науки и практики, гражданских позиций и взглядов ученых к решению обозначенных вопросов должно явиться одним из основных способов устранения этой проблемы.

На наш взгляд, для эффективного организационного построения политики российского государства в области социального обеспечения семей, имеющих детей, нужно точное определение понятий, целей и задач, методов и способов их выполнения.

Для политики российского государства в области социального обеспечения семей, имеющих детей, важно развивать организационную структуру и назначение Центров социальной помощи семье и детям. Именно они обуславливают специализированные функции, формы, направленность и диапазон их деятельности. Необходимо определить их статус и запросы, углубить представления специалистов об объекте социальной защиты, клиентах учреждения. Это подтверждается социологическими исследованиями, которые позволяют выявить социальные характеристики многодетных и неблагополучных семей.

На наш взгляд, основными путями оптимизации организационного построения социально-реабилитационной работы с семьями с детьми являются:

- 1) стимулирование самоорганизации и самообеспечения семей, которые получили социальную защиту и поддержку в трудных жизненных обстоятельствах;
- 2) укрепление «горизонтальных» связей с хозяйственными субъектами, общественными организациями группами поддержки на территории;
- 3) усиление координационных взаимосвязей, соответствующих организации с органами государственной власти в регионе, органами местного самоуправления;
- 4) создание внутриорганизационных условий для социального контроля и развития инициатив.

Таким образом, перед государством на современном этапе должны быть поставлены следующие задачи: выполнение обязательств по социальной поддержке семей с детьми; обеспечение потребностей семей и детей в социальном обслуживании; создание благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, функционирования института семьи, рождения детей на всей территории государства независимо от места проживания семьи с детьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. – 2026. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/254129#:~:text=%D0> (дата обращения: 28.03.2026). – Текст : электронный.
2. Единая государственная информационная система социального обеспечения (ЕГИССО): официальный сайт. – 2026. – URL: <http://egisso.ru/#/statistics/recipients> (дата обращения: 26.03.2026). – Текст : электронный.
3. РИА Рейтинг. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2023 г. – URL: <https://riarating.ru/infografika/20240212/630257500.html> (дата обращения: 28.03.2026). – Текст : электронный
4. МордовияСтат: официальный сайт. – 2026. URL: <https://13.rosstat.gov.ru/folder/27964> (дата обращения: 28.03.2026). – Текст : электронный.
5. О реализации в субъектах Российской Федерации пилотных проектов, направленных на достижение до 2024 года национальных целей социально-экономического развития по повышению реальных доходов граждан, снижению уровня бедности в два раза : приказ Минтруда России от 29 ноября 2018 г. № 748; в ред. от 18 сентября 2019 г. // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. – 2019. – № 1. – С. 23.
6. Министерство социальной защиты, труда и занятости населения Республики Мордовия : официальный сайт. – 2026. – URL: <https://e-mordovia.ru/gosudarstvennaya-vlast-rm/ministerstva-i-vedomstva/minsoc/obshchestvennyy-sovet-mintrud-rm/> (дата обращения: 20.03.2026). – Текст: электронный.

ПРОБЛЕМЫ ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ КАК ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СПОСОБА ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Саранцева Дарья Евгеньевна, студентка 2 курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Минеева Ирина Николаевна**, к.и.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Институт приобретательной давности, известный еще римскому праву, в современном гражданском законодательстве Российской Федерации занимает особое место среди первоначальных способов приобретения права собственности. Закрепленный в ст. 234 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1], данный институт призван урегулировать фактические отношения владения, придать им правовую определенность и защитить добросовестного владельца, длительное время относящегося к чужому имуществу как к своему собственному. Однако, несмотря на более чем двадцатипятилетнюю историю применения, практика реализации норм о приобретательной давности сталкивается с рядом серьезных проблем, вызванных как несовершенством законодательных формулировок, так и противоречивостью судебных толкований. Цель данной статьи – на основе анализа доктринальных источников и судебной практики выявить

ключевые проблемы применения приобретательной давности как первоначального способа приобретения права собственности.

Для понимания сущности приобретательной давности необходимо обратиться к условиям, закрепленным в п. 1 ст. 234 ГК РФ. Лицо (гражданин или юридическое лицо), не являющееся собственником имущества, но добросовестно, открыто и непрерывно владеющее им как своим собственным в течение пятнадцати лет (для недвижимости) либо пяти лет (для движимого имущества), приобретает право собственности на это имущество [3, с. 220]. Как отмечает А.А. Маркина, каждый из этих признаков имеет глубокое содержание и является предметом многочисленных судебных споров. Так, добросовестность владения предполагает, что лицо не знало и не должно было знать об отсутствии у него основания для возникновения права собственности. Открытость означает, что владелец не скрывает факта своего владения от третьих лиц. Непрерывность же требует, чтобы владение не прерывалось в течение всего установленного срока [3, с. 221].

Однако, как справедливо указывает Е.В. Меджидова, теория и практика применения данных условий сталкивается с рядом системных проблем. Первая группа проблем связана с квалификацией добросовестности. Закон не дает четкого определения того, что следует понимать под добросовестностью в контексте приобретательной давности. В судебной практике сложился подход, согласно которому владелец должен считать себя законным владельцем, но при этом у него нет правоустанавливающих документов. Однако зачастую возникает вопрос: можно ли считать добросовестным лицо, которое знало, что имущество принадлежит другому, но надеялось, что собственник не объявится? В таких случаях суды подходят дифференцированно, что создает правовую неопределенность [4, с. 200].

Вторая проблема – исчисление срока приобретательной давности. А.А. Маркина подчеркивает, что сложность вызывает возможность присоединения к своему времени владения всего времени, в течение которого имуществом владел правопреемник лица (например, наследодатель). Правоприменительная практика сталкивается с трудностями доказывания факта такого правопреемства, особенно если оно осуществлялось в ненадлежащей форме или если документы утрачены [3, с. 222].

Третья проблема, детально проанализированная В.С. Зубковой на основе судебной практики, касается соотношения приобретательной давности с иными способами защиты прав. Наиболее остро стоит вопрос о применении давности к самовольным постройкам и имуществу, имеющему признаки бесхозяйного. В своем исследовании Зубкова приводит примеры из практики Верховного Суда Российской Федерации, где разъясняется, что приобретательная давность не может распространяться на самовольные постройки, поскольку они являются объектом административного, а не гражданского оборота до момента их легализации [2, с. 929]. Однако суды нижестоящих инстанций нередко ошибаются в квалификации таких объектов.

Четвертая проблема – применение приобретательной давности к отдельным видам объектов. А.В. Митякова и О.А. Кузьмина обращают внимание на

специфику признания права собственности в силу давности на земельные участки, жилые помещения и объекты незавершенного строительства. В отношении земельных участков ключевым является вопрос о том, владеет ли лицо участком как своим собственным, если оно не является его арендатором или собственником, но использует его, например, под огород. Авторы приходят к выводу, что для земельных участков помимо общих условий давности необходимо наличие акта о предоставлении участка (даже если он был выдан ненадлежащим органом), иначе владение может быть признано недобросовестным [5, с. 57–58].

Особую сложность представляет исчисление срока давности по отношению к титульному собственнику. В.А. Соловьев поднимает проблему течения срока приобретательной давности, когда имущество находится у владельца на основании договора (например, аренды, безвозмездного пользования). По общему правилу, давностное владение начинается только после истечения срока договора, если владелец продолжает пользоваться вещью вопреки воле собственника. Однако на практике доказать момент, когда договорные отношения прекратились и началось давностное владение, крайне сложно, что делает такие иски малоперспективными [6, с. 583–584].

Анализ судебной практики, представленный в работах Зубковой [2] и Меджидовой [4], позволяет выделить несколько ключевых позиций высших судов. Прежде всего, это указание на то, что приобретательная давность не может применяться, если владение возникло на основании договора (например, аренды) или иной сделки, даже если сделка впоследствии была признана недействительной. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что для давности необходимо именно внедоговорное владение. Второй важный аспект – течение срока начинается не ранее истечения срока исковой давности по виндикационному иску собственника. Если собственник в течение трех лет мог истребовать имущество, но не сделал этого, то после истечения этого срока начинается течение срока приобретательной давности.

Отдельного внимания заслуживает проблема государственной регистрации права собственности на основании приобретательной давности. Процедура носит заявительный характер и осуществляется на основании решения суда. Однако, как показывает практика, суды часто отказывают в исках по формальным основаниям, ссылаясь на отсутствие доказательств добросовестности или непрерывности. Митякова и Кузьмина отмечают, что особенно сложно доказать непрерывность владения, если владелец периодически не пользовался имуществом (например, сезонно) или если имущество находилось в аварийном состоянии и не эксплуатировалось [5, с. 58].

Таким образом, институт приобретательной давности в российском гражданском праве, будучи важным механизмом стабилизации гражданского оборота и защиты фактических владельцев, страдает от значительной неопределенности правового регулирования. Основные проблемы связаны с нечеткостью критериев добросовестности, сложностью доказывания непрерывности владения, исчисления срока давности при наличии договорных отношений, а также с неоднозначностью применения норм к отдельным видам имущества, таким как самовольные постройки и земельные участки. Судебная практика, хотя и выработала

определенные ориентиры, все еще изобилует противоречиями, что вынуждает потенциальных приобретателей обращаться за защитой своих прав в судебные инстанции, не имея гарантий положительного исхода дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон № 51-ФЗ: [принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.: в ред. от 07 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Зубкова, В.С. Институт приобретательной давности: анализ судебной практики / В.С. Зубкова // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 01–04 апреля 2025 г. – Симферополь : Научный мир, 2025. – С. 927–933.
3. Маркина, А.А. Срок приобретательной давности: теоретические аспекты и практика правоприменения / А.А. Маркина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 7-1(106). – С. 219–224.
4. Меджидова, Е.В. Приобретательная давность как основание возникновения права собственности: проблемы теории и практики / Е.В. Меджидова // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 3(202). – С. 199–202.
5. Митякова, А.В. Приобретение права собственности в силу приобретательной давности на отдельные виды объектов: особенности и практика применения / А.В. Митякова, О.А. Кузьмина // Социальные и гуманитарные науки в условиях вызовов современности : материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных с международным участием. В 2-х частях, Комсомольск-на-Амуре, 13–14 декабря 2024 г. – Комсомольск-на-Амуре : Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2025. – С. 56–59.
6. Соловьев, В.А. Проблема применения приобретательной давности в гражданском праве / В.А. Соловьев // Государство, общество, личность: история и современность : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 25–26 апреля 2025 г. – Пенза : Пензенский государственный университет, 2025. – С. 582–585.

РИСКИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Семакина Анна Ивановна, студентка 3 курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Колоколова Елена Олеговна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Глава 2 Конституции Российской Федерации («Права и свободы человека и гражданина») закрепляет основные неотчуждаемые права и свободы человека и гражданина, которые принадлежат каждому от рождения. Право на жилище является одним из ключевых прав, поскольку оно определяет качество жизни и возможность нормального развития человека. Поэтому обязанностью государства служит признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Приоритетным направлением здесь является и развитие безопасного, стабильного гражданского оборота [1].

Согласно п.1 ст. 454 Гражданского кодекса РФ (далее ГК РФ) договор купли-продажи – это договор, по которому одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену) [2].

Следует отметить, что договор продажи недвижимости, в том числе жилого помещения, по общему правилу должен быть заключен в простой письменной форме путем составления единого документа, подписанного сторонами. Несоблюдение формы этого договора влечет его недействительность (ст. 550 ГК РФ).

Существенными условиями договора купли-продажи жилого помещения, как и любого другого договора продажи недвижимости, являются предмет договора (подлежащий передаче объект – жилой дом, квартира или их части) и цена этого объекта [3].

В отношении жилого помещения существенным условием также является условие о перечне лиц, сохраняющих право пользования жилым помещением при переходе права собственности. Это условие очень важно, т.к. новый собственник должен знать о таких обременениях приобретаемого жилья.

Необходимо отметить, что сделки с недвижимостью занимают важное место в обществе, так как это всегда большие деньги и серьезные социальные последствия. Приобретение жилья – это не только огромное вложение, но и значительный этап в жизни каждого человека. Однако, с одной стороны все кажется простым и понятным, но с другой стороны, такие сделки на самом деле имеют множество рисков. Именно договор купли-продажи недвижимости может привести не только к потере финансов, но и к полной утрате жилья, которое человек приобретает.

В настоящее время одним из самых опасных и распространенных рисков договора купли-продажи жилого помещения является сделка, совершенная под давлением, иначе говоря, с пороками воли продавца. Сейчас эта самая сложная ситуация в стране.

Например, дело Ларисы Долиной вышло далеко за рамки рядового судебного разбирательства, превратившись в громкий общественный скандал. Решение суда, оставившее певицу с недвижимостью, а покупательницу – без денег и жилья, вызвало волну возмущения и породило новый термин «эффект Долиной» (также известный как «Бабушкина схема») – это когда продавец недвижимости, ставший жертвой мошенников, через суд признаёт сделку купли-продажи недействительной и возвращает себе квартиру или автомобиль.

Так, народная артистка России летом 2024 года продала квартиру, затем объявила, что совершила продажу под влиянием мошенников, ссылаясь на ст. 178 ГК РФ и отсудила квартиру обратно, не вернув деньги покупательнице. Данные действия Долиной вызвали большой общественный и правовой резонанс, и привели к существенным последствиям на рынке недвижимости [4].

В настоящее время в обществе ведется публичная общественная дискуссия о возможных мерах предотвращения подобных ситуаций, но пока действенных мер не выработано, рынок вторичной недвижимости лихорадит, покупатели не спешат выходить на сделки [5, С. 5].

По данным открытых информационных источников, от 5 до 10% сделок с жилой недвижимостью на вторичном рынке оспариваются. Так, в 2020 г. Росреестр зарегистрировал права на основании 3,7 млн. сделок на вторичном рынке, из которых около 370 тыс. были оспорены в судебном порядке, т.е. примерно 10%. [6, С. 1]

Такая ситуация связана целым рядом факторов. На сегодняшний день практически все договоры с жилым помещением или их большая часть заключаются в простой письменной форме. Отказ законодателя от обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимостью значительно уменьшает гарантии, которые обеспечиваются Конституцией РФ как принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, охватывая право собственности. Тем временем рынок недвижимости стал сложнее: сделок стало больше, многие проходят онлайн, а люди зачастую плохо разбираются в этом. Следовательно, создаются хорошие условия для мошенников и для оспаривания сделок, имеющих пороки воли или противоречащих закону.

Введение обязательной нотариальной формы сделок с недвижимостью поспособствовало бы достижению многих проблем в данной сфере. Статья 163 ГК РФ определяет что «нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности» [4]. К сожалению, в действительности работа нотариуса этим не ограничивается, она является более сложным и содержательным процессом. В кодексе данное определение в полном объеме не раскрывает всю процедуру.

Также существует риск признания судом сделки по отчуждению жилого помещения недействительной вследствие недееспособности стороны договора. Данная ситуация возможна, если на стороне продавца находятся социально незащищенные лица, которыми являются чаще всего пожилые пенсионеры и одинокие граждане. К одной из распространенных групп данной категории относятся люди, страдающие серьезным заболеванием – зависимость, которая может коснуться каждого (алкогольная, наркотическая, зависимость от азартных игр, покупок и т.д.). Социально незащищенными являются лица, страдающие психическими расстройствами, которые не обращаются за помощью, поэтому не получают необходимое лечение и не состоят на учете, считаются «дееспособными». Кроме того, самой основной группой соответствующей категории граждан определяются не приспособленные к современной жизни выпускники детских домов, а также лица (либо же сами дети-выпускники), которые попадают под влияние сект, запрещенных организаций на территории Российской Федерации или иных опасных структур.

Например, в качестве доказательства недееспособности предоставляют историю болезни умершего, заключение экспертов, показания свидетелей и т.п. Судебная практика показывает, что суды принимают такие доказательства во внимание, особенно если зафиксированы серьезные заболевания, влияющие на когнитивные функции человека (например, деменция или психические расстройства). В этом случае сделка может быть признана ничтожной. Поскольку данные обстоятельства не всегда очевидны на момент заключения договора, стороны могут не осознавать правовых рисков, связанных с заключением сделки с лицом, потенциально недееспособным.

Что касается риска оспаривания договора на грани банкротства продавца.

Данные отношения регулируются, кроме Гражданского кодекса РФ, также главой III Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». В такой ситуации нотариус обязан проверить по официальным информационным ресурсам в отношении продавца дело о банкротстве или нет ли у него крупных долгов, по которым уже начато исполнительное производство, поскольку это может привести к наложению ареста на недвижимость и банкротства на предпринимателя. Можно также самостоятельно проверить данную базу без обращения в нотариус, нужно в открытых реестрах, таких как Федресурс, проверить сведения о банкротстве продавца и убедиться, что цена недвижимого имущества не сильно занижена [7].

Статья 34 Семейного кодекса РФ определяет, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К такому имуществу относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства [8].

Таким образом, даже если жилое помещение оформлено на одного супруга, продать его без нотариального согласия второго супруга не получится. В случае, когда данного согласия нет, то супруг, который узнал о нарушении своих прав, имеет право отменить сделку в течение года. Как показывает судебная практика, суды в таких ситуациях чаще всего встают на сторону супруга, чье согласие не получили, иначе говоря на сторону «обиженного», в особенности, если будет доказано, что покупатель знал или должен был знать о семейном положении продавца. Данное правило действует и после расторжения брака, если бывшие супруги не достигли соглашения о разделе, то необходимо нотариальное удостоверенное согласие другого бывшего супруга на совершение сделки.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что заключение договора купли-продажи жилого помещения является одним из самых сложных и серьезных моментов в жизни каждого из нас. Как показывает судебная практика, сами граждане в силу действительно многочисленных причин, таких как незнание закона, состояния здоровья, невозможность получения информации из реестров, доверчивость и другое не могут проверить жилое помещение перед покупкой, что приводит к значительным рискам. И, к сожалению, если что-то при развитии событий пойдет не так, то стороны самостоятельно несут ответственность за все риски, связанные с возможностью признания сделки недействительной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Энциклопедия решений. Договор купли-продажи жилых помещений (жилого дома, квартиры, комнаты) (февраль 2026 г.) // URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 30.03.2026 г.)
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 32. – Ст. 3301.
5. Капуста Е. 5 сделок с недвижимостью, которые почти гарантированно закончатся судом / Е. Капуста // Жилищное право. – 2025. – № 12. – С. 29–36.
6. Бегичев А.В., Фрик О.В. Проблемы защиты прав граждан при отчуждении жилых помещений / А.В. Бегичев, О.В. Фрик // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2025. – № 10. – С. 39–44.
7. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26.10.2002г. № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
8. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

ОСОБЕННОСТИ СРОЧНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Соловьева Ксения Дмитриевна, студентка 2 курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Прокина Екатерина Васильевна**, преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Трудовой кодекс предоставляет работодателю право заключения двух видов договоров: срочного и бессрочного. По умолчанию трудовой договор не имеет срока действия, и лишь наличие установленных законом условий позволяет заключить его на определенный срок. Рассмотрим подробнее, какие особенности существуют при заключении срочного трудового договора.

Срочный трудовой договор – это договор, который устанавливает трудовые отношения между сотрудником и работодателем на четко обозначенный период. В отличие от бессрочного договора, в нём прописывают даты начала и окончания действия трудовых отношений либо обстоятельства, при которых договор прекращает своё действие.

Срочный трудовой договор заключают, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения. Это происходит в следующих случаях:

- исполнение обязанностей отсутствующего сотрудника, за которым сохраняется место работы;
- выполнение временных работ (до двух месяцев);
- выполнение сезонных работ, когда в силу природных условий работа может производиться только в течение определенного периода (сезона);
- направление на работу за границу;

– проведение работ, выходящих за рамки обычной деятельности работодателя (реконструкции, монтажные, пусконаладочные и другие работы), а также работ, связанных с заведомо временным (до одного года) расширением производства или объема оказываемых услуг;

– прием на работу в организации, созданные на заведомо определенный период или для его выполнения заведомо определенной работы [1].

Также срочный трудовой договор могут заключить по соглашению сторон в некоторых случаях, например, с пенсионерами по возврату или лицами, которым по состоянию здоровья разрешена работа исключительно временного характера.

Трудовое законодательство Российской Федерации устанавливает порядок оформления срочного трудового договора. Рассмотрим особенности его оформления:

1. Согласование условий. Стороны обсуждают условия труда: должность, место работы, режим работы и отдыха, оплату труда, условия социального страхования и другие обязательные пункты, которые должны быть включены в договор согласно статье 57 ТК РФ;

2. Составление договора. Документ оформляется в произвольной письменной форме. В нем обязательно должны быть указаны: место работы, описание должности, дата начала работы, режим работы и отдыха, условия о причинах заключения срочного договора (основание из статьи 59 ТК РФ), срок действия договора (максимальная продолжительность – 5 лет);

3. Подписание договора. Документ составляют в двух экземплярах – один остаётся у работодателя, другой передается работнику. Оба экземпляра должны быть подписаны обеими сторонами, Работник также должен расписаться на экземпляре работодателя в том, что получил свой экземпляр договор. Отсутствие такой подписи может повлечь штраф для работодателя.

4. Оформление трудовой книжки. В бумажной трудовой книжке обычную запись о приеме на работу без указания срока или основания срочности. Эти сведения переносятся в сам договор;

5. Испытательный срок. Если срок договора составляет 2 месяца или меньше, работодатель не может установить испытательный срок. Если срок не превышает 6 месяцев, испытательный срок не может быть дольше 2 недель. В остальных случаях требования к испытательному сроку аналогичны тем, что применяются к бессрочным договорам: он не должен превышать 3 месяцев (часть 5 статьи 70 ТК РФ);

6. Продление договора. Законодательство не предусматривает продление срочного трудового договора. Если срок истекает, работодатель должен либо заключить с сотрудником новый договор, либо уволить его. Однако есть исключения, например, если сотрудница беременна – она может написать заявление о продлении договора и предоставить медицинскую справку. В этом случае работодатель обязан оставить ее на работе до окончания беременности (часть 2 статьи 261 ТК РФ);

7. Автоматическое превращение в бессрочный. Если по истечении срока

ни одна из сторон не потребовала расторгнуть соглашение, договор автоматически становится бессрочным. В этом случае достаточно оформить дополнительное соглашение и приказ [2, с. 194].

Особенности срочного трудового договора проявляются не толь в его оформлении. Данный вид договора имеет множество преимуществ и недостатков, касающихся как для работника, так и для работодателя. Так, например преимущества для работодателя заключаются в том, что при найме персонала, особенно для проектных или сезонных задач происходит достаточно гибко, возможность экономить на некоторых обязательствах, проще уволить работника. Недостатки заключаются в том, что каждого временного сотрудника нужно обучить и вводить в должность, что отнимает время, сотрудник мене замотивирован на работу, штрафы при нарушении оформления договора.

Для работника преимущества заключаются в возможности временного трудоустройства без долгосрочных обязательств, более высокая оплата за проектную или узкоспециализированную работу, можно изучить компанию, прежде чем устраиваться на долгосрочный контракт. Недостатки при заключении срочного трудового договора в том, что работодатель может быстро уволить его и нет гарантий, что данный договор будет продлить [3, с. 67].

Расторжение срочного трудового договор с сотрудником в общем порядке расторгается, когда истекает его действие. Например, компания наняла человека, чтобы он выполнил определенную работу. Когда он ее завершит, договор перестанет действовать. При этом увольнение возможно только когда работник выполнит все оговоренные задачи. Однако бывают случаи, когда расторгнуть договор приходится досрочно. Это можно сделать по инициативе сотрудника, работодателя или на основании соглашения сторон.

Порядок расторжения срочного трудового договора предусматривает некоторые особенности:

1. Срок уведомления при расторжении срочного трудового договора. Работников нужно уведомлять об увольнении по общему правилу за три календарных дня до окончания срока договора. Исключение – временные работники, которых приняли на время выполнения работы отсутствующего сотрудника, то уведомлять сотрудника об увольнении не нужно. Если в срочном договоре указана конкретная дата увольнения, то уведомление сотруднику направлять не менее чем за три календарных дня до наступления этой даты. Если в договоре указано количество месяцев или лет, на которые о заключен, то действуют общие правила исчисления сроков.

2. Дата оформления увольнения по окончании срочного трудового договора. Специалисты Роструд считают, что в соответствии ч.4 ст.14 Трудового кодекса Российской Федерации если последний день срока выпадает на нерабочий день, то днем окончания срока будет ближайший понедельник. Именно в этот день необходимо произвести с работником окончательный расчет по заработной плате и выдать ему на руки документы

3. Расторжение срочного трудового договора с беременной. Работодатель может уволить беременную сотрудницу, если заканчивается срок ее трудового договора. При этом одновременно должны выполняться два условия:

– срочный трудовой договор заключили на время, пока отсутствует основной сотрудник;

– невозможно оформить временный перевод с согласия беременной на другую работу до окончания беременности.

Таким образом, если учитывать все плюсы и минусы срочного трудового договора, то он подходит только при определенных случаях, например для сезонных работ. Он предполагает некоторые риски, как для работодателя, так и для сотрудника, но их можно избежать при правильном оформлении и понимании, для чего использовать такой тип трудовых отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трудовой кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197–ФЗ; в ред. от 07 апреля 2025 г. // Парламентской газета. – 2002. – № 2–5.

2. Лада А.С. К проблеме заключения срочного трудового договора с отдельными категориями работников / А.С. Лада // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (206). – С. 194–198.

3. Драчук М.А., Кучина Ю.А. Спорные вопросы конструкции срочного трудового договора как формы взаимного ограничения прав работника и работодателя / М.А. Драчук, Ю.А. Кучина // Ежегодник трудового права. – 2023. – №10. – С. 67–77

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Старкина Анастасия Витальевна, студентка 3 курса направление «Право и организация социального обеспечения»

Научный руководитель: **Учайкина Наталья Юрьевна**, преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Основные положения, определяющие правовой режим имущества, принадлежащего супругам, содержатся преимущественно в статьях глав 7–9 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ).[1]

Законодательство Российской Федерации предоставляет супругам выбор между двумя правовыми режимами их совместного имущества: законным режимом, который действует по умолчанию, и договорным режимом, устанавливаемым по их соглашению. В рамках законного режима имущества супругов, любое имущество, приобретенное в период брака, по умолчанию признается совместной собственностью, независимо от его прямого упоминания в законодательстве как такового. Данный режим установлен в главе 7 СК РФ. Договорный режим имущества супругов – это способ регулирования имущественных прав и обязанностей супругов на основании брачного договора, который позволяет отступить от установленного законом режима совместной собственности. Такой режим закреплён в главе 8 СК РФ.

Чтобы имущество считалось совместно нажитым супругами, важны два фактора: когда оно было приобретено (до брака или в браке) и откуда оно появилось (за счет общих доходов или доходов одного из супругов). Как указано в статье 36 СК РФ, все, что принадлежало одному из супругов до брака, а также полученное им в дар, по наследству или по другим безвозмездным сделкам во время брака, остается его личной собственностью.

Необходимо обратить внимание на то, что при осуществлении раздела общего имущества супругов, правовой статус которого определяется законом, в правоприменительной практике нередко возникают существенные сложности. Под разделом в данном случае понимается юридическое разграничение имущественных прав супругов на определенные доли.

В Российской Федерации правовое регулирование имущественных отношений между супругами сталкивается с рядом актуальных проблем, обусловленных как несовершенством нормативно-правовой базы, так и объективными трудностями в установлении юридически значимых фактов, а также отсутствием единообразия в применении норм права судебными органами. Основными проблемами являются:

1. Правовой режим имущества, приобретённого в период фактического прекращения брачных отношений. Отсутствие в российском законодательстве четкого определения понятия «фактическое прекращение брачных отношений» приводит к правовой неопределенности. Судебная практика ориентируется на такие признаки, как раздельное проживание супругов (более шести месяцев), отсутствие общего бюджета и ведения совместного хозяйства, а также прекращение личных отношений. Однако эти критерии не имеют законодательного закрепления в Семейном кодексе РФ. В результате, в большом количестве случаев истцы сталкиваются с трудностями при доказывании факта прекращения брачных отношений.

2. Проблемы доказывания. Сложности возникают при необходимости документального подтверждения факта прекращения семейных отношений. Требуется предоставление доказательств, таких как платёжные документы, свидетельские показания или переписка, однако их получение не всегда осуществимо. Аналогичные трудности возникают при попытке доказать, что имущество было приобретено за счёт личных средств, а не за счёт совместно нажитого имущества.

3. Несовершенство правового режима, привязанного к формальному брачному статусу. СК РФ, в частности статья 34, придерживается формального подхода к имущественным отношениям, привязывая их исключительно к официальному браку. Это приводит к тому, что реальное прекращение семейной жизни, когда супруги уже не живут вместе и не ведут общее хозяйство, остается вне поля зрения законодательства.

4. Риски добросовестных приобретателей. Отсутствие надлежащего правового регулирования в отношении имущества, приобретённого в период фактического распада брачных отношений, создаёт риски для добросовестных третьих лиц, не осведомлённых о семейном положении сторон, и может повлечь за собой причинение им имущественного ущерба.

5. Раздел имущества, приобретённого до брака. Разногласия относительно статуса собственности могут возникнуть в случаях, когда в имущество, приобретенное одним из супругов до брака, были произведены значительные инвестиции (например, капитальный ремонт, реконструкция, перепланировка) в период брака. Такие вложения, существенно увеличивающие стоимость или функциональность объекта, могут служить основанием для его последующего признания совместной собственностью супругов. Аналогичные сложности возникают, если

имущество было приобретено до брака с привлечением ипотечного кредита, но погашение кредитных обязательств осуществлялось за счет общих средств семейного бюджета в период брака.

6. Раздел бизнеса при разводе. Предпринимательская деятельность, как таковая, не признается самостоятельным субъектом правоотношений, что порождает определенные трудности при ее разделе. В случае раздела доли в обществе с ограниченной ответственностью (ООО) ключевое значение имеет устав данного общества. Если устав предусматривает необходимость получения согласия всех участников на вступление новых лиц, то супруг, не являющийся участником ООО, имеет право на получение денежной компенсации. Аналогичные сложности возникают и при разделе имущества индивидуального предпринимателя (ИП). Сам статус ИП не может быть предметом раздела, однако имущество, задействованное в предпринимательской деятельности, а также полученные от нее доходы, подлежат разделу.

7. Проблемы с брачным договором. Согласно пункту 3 статьи 42 СК РФ, брачный договор не может содержать положений, которые ставят одного из супругов в заведомо ущемленное положение. Проблема заключается в том, что понятие «крайне неблагоприятное положение» носит оценочный характер, что приводит к различным толкованиям со стороны судов. Дополнительные сложности возникают из-за неопределенности момента заключения брачного договора – до или после регистрации брака. Также существует правовая коллизия между семейным и гражданским законодательством, особенно в вопросах регулирования неимущественных отношений, которые тесно связаны с имущественными обязательствами [2, с. 60].

Для преодоления обозначенных трудностей экспертное сообщество выдвигает следующие предложения: ввести в СК РФ четкое определение «фактического прекращения брачных отношений», установить презумпцию раздельного владения имуществом, приобретенным после документально зафиксированного прекращения совместного проживания, и разработать механизмы, гарантирующие защиту прав добросовестных третьих лиц. Кроме того, обсуждается потребность в более детальной регламентации раздела имущества в случаях, когда один из супругов занимается предпринимательской деятельностью, а также в уточнении норм, касающихся брачных договоров [3, с. 36].

Супруги имеют возможность заменить установленный законом режим совместной собственности на договорной. Для этого им необходимо заключить брачный договор (предусмотренный статьей 40 СК РФ) или соглашение о разделе общего имущества (согласно пункту 2 статьи 38 СК РФ). Тем не менее, момент, когда допустимо заключение брачного договора, является спорным вопросом в отечественной юриспруденции. СК РФ (статья 40) определяет, что брачный договор может быть заключен как уже состоявшими супругами, так и лицами, находящимися на стадии заключения брака. Особые споры вызывает определение круга лиц, которые могут быть отнесены к «вступающим в брак».

Таким образом, существующая модель, несмотря на предоставляемую супругам автономию воли через брачный договор, в значительной степени остаётся формальной и не успевает за сложными реалиями семейных отношений. Это

приводит к правовой неопределённости, сложностям в судебной практике и потенциальному ущемлению прав участников отношений.

Для решения этих проблем эксперты предлагают законодательное закрепление понятия фактического прекращения брака, установление презумпции раздельности имущества, нажитого в этот период, и более детальную регламентацию раздела сложных активов, что указывает на потребность в дальнейшем совершенствовании семейного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08 декабря 1995 г. № 223-ФЗ; в ред. от 30 октября 2025 г. // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Ахмедов, А.Я. Идеология оспаривания брачного договора / А.Я. Ахмедов // *Lex russica* (Русский закон). – 2025. – Т. 78, № 1 (218). – С. 59–70.
3. Матыцин, Д.Е. Перспективы правового регулирования имущественных отношений супругов при заключении брачного договора с применением цифровых технологий / Д.Е. Матыцин, Н.В. Квициния // *Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 34–41.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СТ. 159–159.6 УК РФ)

Умярова Алина Саяровна, студентка 3 курса направления подготовки «Экономическая безопасность»

Научный руководитель: **Абдульмянова Татьяна Владимировна**, к.и.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

В современной российской экономике, характеризующейся активным развитием рыночных отношений, усложнением хозяйственных связей и широким распространением договорных форм взаимодействия между субъектами предпринимательской деятельности, проблема уголовно-правовой охраны собственности в сфере бизнеса приобретает особую остроту. Мошенничество, как одна из наиболее распространенных форм хищения, в условиях предпринимательской деятельности обретает специфические черты, связанные с использованием договорных механизмов, инвестиционных схем и иных законных форм экономического оборота для прикрытия преступных намерений. Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации были введены статьи 159.1–159.6, дифференцирующие ответственность за отдельные виды мошенничества, включая мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. Однако, как показывает правоприменительная практика, процесс квалификации указанных деяний сопряжен с многочисленными проблемами, требующими доктринального осмысления и законодательного совершенствования. В связи с этим представляется необходимым комплексное исследование актуальных проблем квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, включая вопросы разграничения общего и специальных составов, отграничения преступного поведения от гражданско-правовых деликтов, а также устранения противоречий в судебной практике.

Прежде чем перейти к анализу проблем квалификации, необходимо рассмотреть эволюцию законодательного регулирования ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, поскольку именно динамика правовых норм во многом предопределила современное состояние правоприменения. Введение в 2012 году шести специальных статей, предусматривающих ответственность за мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), при получении выплат (ст. 159.2), с использованием платежных карт (ст. 159.3), в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4), в сфере страхования (ст. 159.5) и в сфере компьютерной информации (ст. 159.6), стало значительным шагом в дифференциации уголовной ответственности. Законодатель, выделяя специальные составы, стремился учесть специфику различных сфер экономической деятельности, особенности предмета преступления и способы его совершения. При этом все специальные составы, за исключением ст. 159.6, были сконструированы как частные случаи хищения, обладающие всеми признаками, указанными в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, и характеризующиеся прямым умыслом и корыстной целью. Однако вскоре после введения в действие указанных норм обнаружились серьезные дефекты законодательной конструкции.

Наиболее показательной стала судьба ст. 159.4 УК РФ, которая в 2014 году была признана Конституционным Судом Российской Федерации частично не соответствующей Конституции РФ. Конституционный Суд установил, что установление для мошенничества в сфере предпринимательской деятельности более мягких санкций по сравнению с общим составом мошенничества при отсутствии объективных критериев дифференциации нарушает принципы равенства и справедливости. В результате указанная статья утратила силу, а ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, была перенесена в части 5–7 ст. 159 УК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день система норм об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности представляет собой сочетание общего состава (ч. 1–4 ст. 159 УК РФ), специальных составов в смежных сферах (ст. 159.1–159.3, 159.5–159.6 УК РФ) и специальных норм, непосредственно посвященных предпринимательскому мошенничеству (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ). Такая структура неизбежно порождает проблемы конкуренции норм и разграничения составов, что требует тщательного анализа как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Система норм об ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности включает в себя как общий состав, предусмотренный ст. 159 УК РФ, так и специальные составы, закрепленные в статьях 159.1–159.6 УК РФ, при этом соотношение между ними определяется правилами конкуренции общей и специальной норм. Как справедливо отмечается в доктрине уголовного права, критериями специализации видов мошенничества стали сфера экономической деятельности, в которой совершается преступление, а также способ посягательства.

Применительно к предпринимательской сфере основную сложность представляет разграничение ч. 5–7 ст. 159 УК РФ (мошенничество, сопряженное с

преднамеренным неисполнением договорных обязательств) и иных специальных составов, которые также могут иметь место в хозяйственном обороте. Так, мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) может быть совершено индивидуальным предпринимателем или коммерческой организацией при получении кредита, однако в отличие от предпринимательского мошенничества оно не требует установления факта преднамеренного неисполнения договорных обязательств как такового – достаточно самого факта представления кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений. Аналогичным образом мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ) или мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ) могут быть совершены субъектами предпринимательской деятельности, однако квалифицироваться должны по специальным нормам. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 года № 48 разъяснил, что при конкуренции общей и специальной норм применению подлежит специальная норма, что в целом соответствует общим принципам уголовного права. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда деяние одновременно содержит признаки как общего, так и специального состава, либо когда установить точную сферу совершения преступления затруднительно. В таких случаях правоприменитель вынужден обращаться к разъяснениям Пленума Верховного Суда и анализу сложившейся судебной практики, что далеко не всегда обеспечивает единообразие подходов.

Одной из наиболее сложных проблем квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности является отграничение уголовно наказуемого деяния от гражданско-правовых нарушений договорных обязательств. Эта проблема носит не только теоретический, но и сугубо практический характер, поскольку ошибка в квалификации может повлечь не только некорректное назначение наказания, но и нарушение фундаментального принципа справедливости. Ключевым критерием разграничения выступает наличие у лица прямого умысла на хищение чужого имущества или приобретение права на него, возникшего до получения этого имущества или права.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 48, если лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество. Таким образом, центральным маркером мошенничества является исходный умысел на безвозмездное обращение чужого имущества уже в момент вступления в сделку; последующая неисполнительность сама по себе о преступлении не свидетельствует.

Однако на практике установление момента возникновения умысла представляет значительную сложность, поскольку прямой умысел, как правило, не находит прямого документального подтверждения и доказывается через совокупность косвенных признаков. В науке уголовного права и в судебной практике выработаны определенные ориентиры, позволяющие отграничить преступное поведение от добросовестного предпринимательского риска. В частности, на наличие умысла на мошенничество могут указывать такие обстоятельства, как

заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить принятое обязательство, использование фиктивных документов, создание видимости ведения хозяйственной деятельности при фактическом ее отсутствии, распоряжение полученным имуществом вопреки условиям договора и в собственных интересах, а также сокрытие после получения имущества.

Конституционный Суд РФ в своем решении от 2025 года подтвердил, что оспариваемая норма содержит достаточно четкие признаки хищения, которые позволяют судам разграничивать преступление от иных правонарушений или правомерных действий, подчеркнув при этом, что законодатель вправе устанавливать специальные составы для мошенничества в сфере предпринимательства, чтобы отграничить его от гражданско-правовых споров, защитить добросовестных предпринимателей и не допустить ухода от уголовной ответственности под видом сделки. Тем не менее, как свидетельствуют данные судебной статистики, уровень осужденных по частям 5–7 ст. 159 УК РФ остается стабильно низким (менее одного процента от общего числа осужденных за мошенничество), что может объясняться как высокой латентностью этих преступлений, так и сложностью доказывания умысла на их совершение.

Не менее значимой проблемой является правильное определение размера ущерба при квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. В соответствии с ч. 5 ст. 159 УК РФ мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, признается уголовно наказуемым, если это деяние повлекло причинение ущерба индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации в размере десяти тысяч рублей и более. При этом крупным размером для данного состава признается стоимость имущества, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным – шесть миллионов рублей.

Однако на практике возникают вопросы относительно того, какой именно ущерб подлежит учету – прямой реальный ущерб или также упущенная выгода. Анализ судебной практики показывает, что суды в целом придерживаются позиции, согласно которой мошенничество считается оконченным с момента завладения имуществом или приобретения права на него, а последующие действия с похищенным имуществом являются распоряжением им и не влияют на квалификацию. Вместе с тем, когда речь идет о неисполнении договорных обязательств, не всегда очевидно, в какой именно момент произошло завладение имуществом – в момент получения аванса, в момент подписания акта приема-передачи или в иной момент, установленный договором. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что не имеет значения для квалификации преступления по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ то, каким образом виновный распорядился или планировал распорядиться похищенным имуществом, а также имущественное положение потерпевшего при определении размера ущерба. Тем не менее, судебная практика демонстрирует неединообразный подход к определению момента окончания преступления в зависимости от конкретных обстоятельств дела, что создает риски как для потерпевших, так и для подозреваемых.

Особого внимания заслуживают проблемы, связанные с конкуренцией уголовно-правовых и гражданско-правовых механизмов защиты нарушенных прав

в сфере предпринимательской деятельности. В условиях, когда неисполнение договорных обязательств является распространенным явлением в хозяйственном обороте, перед правоприменителем стоит непростая задача: отличить обычное нарушение договора, влекущее гражданско-правовую ответственность, от уголовно наказуемого мошенничества. Как обоснованно отмечается в научной литературе, правомерность заключения гражданско-правовой сделки при неустановлении умысла на невыполнение обязательств по ней исключает ответственность за мошенничество.

Однако на практике правоохранительные органы нередко склонны к «криминализации» хозяйственных споров, квалифицируя обычные договорные нарушения как мошенничество, особенно когда речь идет о крупных суммах или когда потерпевшая сторона активно лоббирует свои интересы. С другой стороны, предприниматели, пострадавшие от действий недобросовестных контрагентов, далеко не всегда обращаются в правоохранительные органы, предпочитая использовать арбитражные и медиативные механизмы, поскольку перевод разбирательства в уголовную плоскость неминуемо влечет анализ финансово-хозяйственной деятельности обеих сторон.

В связи с этим представляется необходимым выработка дополнительных критериев, позволяющих более четко разграничивать уголовно-правовые и гражданско-правовые отношения. К числу таких критериев можно отнести: наличие у лица реальной возможности исполнить обязательство на момент его принятия; характер и объем ложных сведений, сообщенных контрагенту; соотношение стоимости полученного имущества и размера фактически исполненных обязательств; поведение лица после получения имущества (предпринимало ли оно действия по исполнению договора или уклонялось от него). Важным представляется и учет принципа добросовестности, закрепленного в гражданском законодательстве (ст. 1, 10 ГК РФ), поскольку действия, совершаемые недобросовестно, но без умысла на хищение, не должны влечь уголовной ответственности.

Обращение к судебной практике последних лет позволяет выявить конкретные проблемы, с которыми сталкиваются суды при квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, и наметить пути их решения. В одном из показательных дел, рассмотренных Верховным Судом РФ в 2025 году, кассационная инстанция прекратила уголовное дело о мошенничестве в связи с отсутствием в деянии состава преступления, однако Верховный Суд не согласился с таким решением и направил дело на новое рассмотрение. Суть дела заключалась в том, что предприниматель предложил потерпевшему приобрести сельскохозяйственную технику, договорившись о равном инвестировании средств. Потерпевший передал ему 22,1 млн рублей, оформив передачу как договор займа, после чего предприниматель приобрел комбайны, однако оформил фиктивные договоры купли-продажи доли в праве собственности на технику на себя и распорядился комбайнами без ведома потерпевшего, передав один из них в счет погашения своего долга, а затем продав еще три. Верховный Суд указал, что вывод об отсутствии ущерба не основан на законе, поскольку мошенничество считается оконченным с момента завладения деньгами, а последующие дей-

ствия с имуществом являются распоряжением похищенным. Кроме того, кассационный суд опирался на непроверенные таблицы с расчетами обвиняемого, которые не соответствовали требованиям, предъявляемым к доказательствам, и не дал оценки доказательствам, на которые ссылались первые две инстанции. Данное дело наглядно иллюстрирует системную проблему: суды нередко подменяют уголовно-правовую оценку гражданско-правовым анализом сделки, что приводит к ошибочным выводам о наличии или отсутствии состава преступления.

Другое показательное дело касается ответственности за мошенничество, совершенное в особо крупном размере, – предпринимательница, являясь генеральным директором ООО, заключила с коммерческими организациями договоры поставки строительных материалов, получила от них авансы в полном объеме в виде 29 квартир в Казани, однако впоследствии не выполнила свои обязательства. Суд признал ее виновной по ч. 7 ст. 159 УК РФ и приговорил к 6 годам и 1 месяцу лишения свободы. В этом деле суд исходил из того, что уже на момент заключения договоров у подсудимой отсутствовала реальная возможность исполнить обязательства, а полученное имущество было использовано не по назначению, что свидетельствовало о наличии прямого умысла на хищение.

На основании проведенного анализа можно предложить ряд мер, направленных на совершенствование уголовно-правового регулирования и правоприменительной практики в сфере квалификации мошенничества в предпринимательской деятельности.

Во-первых, представляется необходимым внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 в части детализации признаков, позволяющих установить наличие умысла на мошенничество при заключении и исполнении договоров в сфере предпринимательской деятельности. В частности, целесообразно закрепить перечень обстоятельств, которые с очевидностью свидетельствуют о таком умысле: заведомое отсутствие у лица лицензии или разрешения, если они необходимы для осуществления соответствующей деятельности; отсутствие у лица материально-технической базы, персонала или финансовых ресурсов, необходимых для исполнения обязательства; использование заведомо подложных документов; неоднократное привлечение лица к ответственности за аналогичные деяния.

Во-вторых, требуется унификация подходов к определению момента окончания мошенничества при неисполнении договорных обязательств. Поскольку в настоящее время практика расходится в зависимости от того, в какой момент – получения аванса, подписания акта приема-передачи или истечения срока исполнения обязательства – следует считать преступление оконченным, Пленуму Верховного Суда целесообразно дать однозначное разъяснение по данному вопросу.

В-третьих, для повышения эффективности уголовного преследования мошенничества в сфере предпринимательской деятельности необходимо совершенствование механизмов взаимодействия правоохранительных органов с арбитражными судами, поскольку многие дела о мошенничестве начинаются как гражданско-правовые споры, и информация о недобросовестных контрагентах может быть получена из арбитражных дел.

В-четвертых, следует рассмотреть возможность введения в УК РФ отдельного состава, предусматривающего ответственность за мошенничество при осуществлении инвестиционной деятельности, поскольку существующие нормы не в полной мере учитывают специфику инвестиционных отношений, характеризующихся длительным характером, сложной структурой финансирования и участием множества лиц.

В заключение следует подчеркнуть, что проблема квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности носит комплексный характер и требует дальнейшего теоретического осмысления и практического разрешения. Действующее уголовное законодательство, несмотря на значительные усилия законодателя по дифференциации ответственности, все еще содержит пробелы и противоречия, которые затрудняют единообразное применение норм об ответственности за мошенничество в предпринимательской сфере.

Ключевой проблемой остается ограничение уголовно наказуемого мошенничества от гражданско-правовых нарушений, для чего необходимо дальнейшее развитие критериев установления умысла на хищение на момент вступления в договорные отношения. Судебная практика последних лет, включая решения Верховного Суда РФ и кассационных судов, демонстрирует постепенное формирование единых подходов к квалификации, однако сохраняющиеся противоречия требуют дополнительных разъяснений со стороны высшей судебной инстанции. Только комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательной техники, унификацию судебной практики и повышение квалификации правоприменителей, способен обеспечить эффективную уголовно-правовую защиту собственности в сфере предпринимательской деятельности при одновременном соблюдении прав и законных интересов добросовестных предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочои С.М. Нормы о мошенничестве в УК РФ: особенности и отличия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 159–168.
2. Панин И.П. Мошенничество в уголовном праве России: анализ криминообразующих признаков и проблем квалификации // Молодой ученый. – 2026. – № 5 (608). – С. 348–351.
3. Качин Н.В., Мирончик А.С. Важный аспект разграничения мошенничества и неисполнения обязательств по гражданско-правовым договорам // Современное право. – 2025. – № 4. – С. 91–97.
4. Яни П. Специальные виды мошенничества в уголовном праве // Законность. – 2015. – № 3-5.
5. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 2023 год. – Москва, 2024.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА БРАКА В РОССИИ

Халиков Самат Маратович, студент 2 курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Колоколова Елена Олеговна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Семья традиционно занимает центральное место в общественной жизни любой нации, выступая основой стабильности и благополучия общества. Инсти-

тут брака представляет собой важнейшую составляющую семейной жизни, обеспечивая правовой фундамент взаимоотношений между супругами. Современное состояние российского законодательства отражает стремление законодателя укрепить семейные ценности, одновременно адаптируя правовые механизмы к реалиям современного мира.

Несмотря на то, что Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) не содержит легального определения термина «брак», в нем присутствуют элементы брака, как добровольного и равноправного союза мужчины и женщины, направленного на создание семьи, подлежащего обязательной государственной регистрации и порождающего для супругов взаимные личные и имущественные права и обязанности [1]. Также, в п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ брак упоминается как союз мужчины и женщины [2].

Современное правовое регулирование брачных отношений основывается на положениях Конституции РФ. После внесения поправок в 2020 году защита института брака как союза мужчины и женщины стала конституционным приоритетом (п. «ж.1» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), что предопределяет вектор развития отраслевого законодательства [2].

Основным источником правового регулирования института брака выступает Семейный кодекс Российской Федерации. Согласно ст. 2 СК РФ, семейное законодательство охватывает широкий спектр общественных отношений, среди которых ключевое место занимают личные неимущественные и имущественные взаимоотношения между супругами

Следует согласиться с позицией авторов, которые отмечают, что «брак представляет собой договор об установлении организационной правовой связи; он призван обеспечить в первую очередь нормальную динамику вещных правоотношений, модификация которых произошла в момент регистрации брака (правовой режим индивидуальной собственности переходит в режим общей собственности супругов). Такой договор порождает лишь одно организационное правоотношение, содержание которого составляют взаимные права и обязанности супругов» [3].

Основным нормативно-правовым актом, детально регламентирующим порядок заключения брака, является СК РФ.

Согласно ст. 10 СК РФ, в России признается только брак, заключенный в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС). Религиозные обряды (например, венчание или никах) не порождают юридических последствий и прав супругов, если они не сопровождались государственной регистрацией.

Для государственной регистрации брака законодатель устанавливает совокупность позитивных условий (ст. 12 СК РФ):

1. Взаимное добровольное согласие мужчины и женщины.
2. Достижение брачного возраста (по общему правилу – 18 лет).

При этом ст. 13 СК РФ допускает снижение брачного возраста до 16 лет при наличии уважительных причин по решению органов местного самоуправления. В ряде субъектов РФ приняты региональные законы, допускающие в исключительных случаях вступление в брак до достижения 16-летнего возраста.

Помимо условий, закон четко очерчивает круг обстоятельств, препятствующих заключению брака (ст. 14 СК РФ). К ним относятся: состояние одного из лиц в другом зарегистрированном браке (принцип моногамии); наличие близкого родства; отношения усыновителя и усыновленного; а также признанная судом недееспособность одного из лиц вследствие психического расстройства. Данный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию.

Процедурный аспект заключения брака регулируется не только СК РФ, но и Федеральным законом от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Установленный законом минимальный месячный срок со дня подачи заявления до момента регистрации призван подтвердить серьезность намерений будущих супругов, однако при наличии особых обстоятельств (беременность, рождение ребенка) брак может быть заключен в день подачи заявления [4].

Прекращение брака возможно:

1. В связи со смертью одного из супругов (признания судом лица умершим);
2. Посредством расторжения брака по заявлению одного или обоих супругов, а также по заявлению опекуна супруга, признанного судом недееспособным.

Расторжение брака осуществляется либо в административном порядке (через ЗАГС), либо в судебном порядке, если имеются общие несовершеннолетние дети, отсутствует согласие супруга на расторжение брака или супруг уклоняется от расторжения брака в органах ЗАГС.

Российская Федерация признаёт международное право в сфере семейных отношений, если оно не противоречит внутренним законам. Так, согласно ст. 156–165 СК РФ, браки, заключаемые с участием иностранных граждан или лиц без гражданства, подчиняются нормам международного частного права. Российское законодательство допускает признание браков, заключённых за рубежом, при соблюдении условий российского семейного законодательства.

В заключение следует отметить, что правовое регулирование брака в России сохраняет консервативный подход, направленный на укрепление традиционной семьи. Развитие института брака в современных условиях требует дальнейшего совершенствования механизмов защиты прав супругов и упрощения административных процедур через цифровизацию государственных услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Российская газета. – 1996. – № 17.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
3. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Брак как гражданско-правовой договор, направленный на установление организационной правовой связи // Законодательство. – 2025. – № 7. – С. 39–45.
4. Об актах гражданского состояния: федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ (ред. от 11.02.2026 г.) // Российская газета. – 1997. – № 224.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОПАГАНДУ В ИНТЕРНЕТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА И ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

Юнин Олег Александрович, студент 2 курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Асанова Ирина Павловна**, к.ф.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ остается одной из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. В современную цифровую эпоху особую угрозу приобретает пропаганда наркотиков в информационно-телекоммуникационных сетях, включая Интернет. Способы такой пропаганды носят изощренный и скрытый характер, формируя у граждан, особенно у молодежи, положительное отношение к наркокультуре и потреблению запрещенных веществ.

Актуальность темы подтверждается существенным обновлением российского законодательства в данной сфере. Федеральным законом от 08.08.2024 № 226-ФЗ Уголовный кодекс РФ был дополнен статьей 230.3, устанавливающей ответственность за пропаганду наркотиков в сети. Данные изменения, вступающие в силу поэтапно (часть положений с 1 сентября 2025 года, а окончательно – с 1 марта 2026 года), направлены на повышение эффективности борьбы с деструктивной информацией в цифровом пространстве. Однако, как отмечают исследователи, «введение уголовной ответственности за пропаганду наркотиков, являющуюся одним из основных способов вовлечения в их употребление и незаконный оборот, не вполне удовлетворяет потребностям криминализации указанной общественно опасной деятельности».

Законодательная конструкция ответственности за пропаганду наркотиков в российском праве имеет двухуровневый характер. До недавнего времени за эти деяния была предусмотрена только административная ответственность по статье 6.13 КоАП РФ. С введением ст. 230.3 УК РФ законодатель установил уголовную ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров в информационно-телекоммуникационных сетях.

Обязательным условием для наступления уголовной ответственности является административная преюдиция: деяние должно быть совершено лицом, которое уже дважды в течение одного года привлекалось к административной ответственности за аналогичное правонарушение, либо лицом, имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление, предусмотренное этой же статьей. Однако, по мнению специалистов, «использование в конструкции состава преступления ст. 230.3 УК РФ административной преюдиции и недостаточная проработка данной составляющей в новой редакции ст. 6.13 КоАП РФ, наряду с признаками объективной стороны, также затруднят и привлечение к уголовной ответственности участников организованных преступных групп».

Определение пропаганды наркотиков раскрывается через комплекс признаков, подлежащих экспертной оценке. Как указывается в методических материалах, «при проведении лингвистического анализа эксперты изучают использованную лексику, фразеологию, синтаксические конструкции и стилистические

приемы. Особое внимание уделяется словам и выражениям, которые могут создавать положительный или нейтральный образ наркотиков или их употребления». Анализируется наличие оценочной лексики, которая идеализирует или романтизирует наркотические вещества, а также синтаксические конструкции, маскирующие прямой призыв.

Важным аспектом является выявление эвфемизмов, жаргонных выражений или специфических терминов, присущих субкультурам наркопотребителей, которые могут быть использованы для скрытой пропаганды. Эксперт также исследует смысловые доминанты текста, чтобы определить, какая информация подается как ключевая, а какая как второстепенная. Целью является понимание того, на что автор материала делает основной акцент: на предупреждение о вреде, на информирование о проблеме или на создание привлекательного образа.

Психологический анализ фокусируется на потенциальном воздействии материала на целевую аудиторию. Эксперты оценивают, какие эмоции и ассоциации формирует публикация у читателя или зрителя. Исследуются методы психологического воздействия, такие как внушение, убеждение, манипуляция, чтобы определить, не направлен ли материал на формирование позитивной установки по отношению к наркотикам, снижение порога страха перед их употреблением или создание ощущения безнаказанности.

Критерии, указывающие на пропаганду наркотиков, включают: положительное или нейтральное описание процессов изготовления, употребления, распространения наркотических средств; создание привлекательного образа лиц, употребляющих наркотики; подробное описание мест приобретения, способов употребления или дозировок; прямые или завуалированные призывы к употреблению наркотиков или участию в их обороте; отсутствие информации о правовых последствиях и вреде для здоровья.

Санкции статьи 230.3 УК РФ предусматривают наказание от штрафа в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей до лишения свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок. Преступление относится к категории небольшой тяжести, что накладывает определенные ограничения на избрание меры пресечения.

Особую сложность представляет проблема разграничения пропаганды и произведений литературы и искусства, содержащих упоминания о наркотиках. Согласно нововведениям, «положения о запрете пропаганды не применяются, в том числе, к произведениям литературы и искусства, содержащим соответствующую информацию, которая составляет оправданную жанром неотъемлемую часть художественного замысла». При этом нахождение в обороте указанных произведений литературы и искусства, за исключением обнародованных до 1 августа 1990 года, должно сопровождаться маркировкой о вреде для здоровья незаконного потребления наркотиков, о законодательном запрете незаконного оборота и об установленной ответственности.

Как отмечается в разъяснениях прокуратуры, «наказываться распространение таких произведений литературы и искусства без маркировки будет штра-

фами для физлиц в размере от 2 тыс. до 4 тыс. руб., для должностных лиц и самозанятых – от 10 тыс. до 30 тыс. руб., для юрлиц – от 300 тыс. до 600 тыс. руб.». За пропаганду запрещенных веществ в интернете штрафы для граждан составляют от 5 000 до 30 000 рублей, для юрлиц – от одного до полутора миллионов рублей, а иностранцев могут выслать из страны.

Контекстуальный анализ при экспертизе материалов включает оценку общего информационного поля, в котором была опубликована информация. Эксперт учитывает тип средства массовой информации или платформы, где размещен материал, жанр (новость, аналитическая статья, художественное произведение). Важно определить, является ли материал частью информационной кампании по борьбе с наркотиками или, наоборот, частью контента, который может способствовать их распространению.

Правоприменительная практика сталкивается с необходимостью анализа пользовательского контента. «Когда речь идет о публикации, содержащей пользовательский контент, такой как комментарии или сообщения на форумах, задача эксперта усложняется из-за потенциального многообразия источников и стилей. Эксперт-лингвист проводит глубокое исследование каждого отдельного фрагмента текста, чтобы выявить лингвистические маркеры, присущие только ему, и отделить их от общего контекста всей публикации». Это может включать анализ лексики, грамматики, синтаксиса, стилистики, а также возможных речевых ошибок, которые часто индивидуальны для каждого пользователя.

Исследователи отмечают проблему квалификации оборота так называемых «аудионаркотиков». «При вводе в поисковике любого из доступных браузеров сети Интернет запроса «аудионаркотик» или «цифровой наркотик», в нем обнаружатся сведения «энциклопедического» плана и всевозможные аудиодорожки, а также видеоматериалы с людьми, осуществляющими «экспериментальное» прослушивание таких музыкальных файлов. Все это не исключительные интернет-страницы, а обыденные картинки виртуальной реальности, которые становятся доступными каждому». Ученые делают выводы о необходимости квалификации таких материалов по ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ в качестве пропаганды наркотиков, совершенной с использованием сети Интернет.

В научной литературе высказываются предложения по совершенствованию законодательства. По мнению исследователей, «конструкция ст. 230.3 УК РФ оставляет за рамками уголовно-правовой реакции общественно опасные формы деяний, связанные с пропагандой немедицинского потребления и незаконной рекламой наркотиков, а равно интернет-ресурсов, используемых для их распространения». Предлагается авторская редакция названия и содержания ст. 230.3 УК РФ, которая учитывает рассогласованность конструкции «пропаганда наркотиков», при этом допуская криминализацию пропаганды их немедицинского потребления либо незаконной рекламы, а равно интернет-ресурсов, используемых в целях их незаконного распространения. Применение информационно-телекоммуникационных сетей предлагается предусмотреть как квалифицирующий признак состава преступления.

Следует также учитывать положения ст. 8 Федерального закона «Об опе-

ративно-розыскной деятельности», согласно которым прослушивание телефонных переговоров при выявлении преступления по ст. 230.3 УК РФ не допускается, что требует от правоохранительных органов выработки иных методов выявления и фиксации таких деяний.

Таким образом, правовое регулирование ответственности за пропаганду наркотиков в сети Интернет является сложным межотраслевым институтом, находящимся на стыке административного и уголовного права. Российское законодательство, предусматривая поэтапное введение уголовной ответственности с административной преюдицией, сталкивается с серьезными правоприменительными проблемами, связанными с квалификацией деяний, разграничением художественного вымысла и противоправной пропаганды, а также с доказыванием фактов распространения информации в цифровой среде. Совершенствование законодательства в данной сфере должно учитывать необходимость четких критериев оценки материалов и эффективных механизмов противодействия скрытым формам пропаганды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Если публикация содержит пользовательский контент (например, комментарии, посты на форумах), может ли экспертиза разграничить авторство и установить, какая часть контента изначально содержит признаки пропаганды? // АНО «Судебный Эксперт»: официальный сайт. – 2025. – 20 сентября.
2. Маллекер, Д.И. Пропаганда наркотиков: прогностическая оценка результатов криминализации и перспективы совершенствования уголовного закона / Д.И. Маллекер. – Текст : электронный // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 1 (73). – С. 54–66.
3. Предусмотрена ли уголовная ответственность за пропаганду незаконного оборота, потребления наркотиков? // Администрация Яйского муниципального округа: официальный сайт. – 2024. – 20 декабря.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон № 146-ФЗ: [принят Гос. Думой 1 ноября 2001 г.: ред. от 8 августа 2024 г.]. – Текст : электронный // КонсультантПлюс: справ.-правовая система.
5. Госдума ужесточила наказание за пропаганду наркотиков в искусстве // Заневка: информационный портал. – 2025.
6. Анисифорова, М.В. Административно-правовая квалификация оборота «аудио-наркотиков» / М.В. Анисифорова. – Текст : электронный // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 33–38.
7. В России предрекли «переписывание» культуры из-за закона о пропаганде наркотиков // Газета.Ru. – 2025. – 23 августа.
8. Какие именно критерии и методики используются при экспертизе, чтобы отличить информационное сообщение о наркотиках от их явной или скрытой пропаганды? // АНО «Судебный Эксперт»: официальный сайт. – 2025. – 16 сентября.
9. Изменяются нормы о запрете пропаганды наркотиков // Прокуратура Смоленской области: официальный сайт. – 2024. – 1 августа.

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Юнин Олег Александрович, студентка 2 курса направления «Юриспруденция»

Научный руководитель: **Минеева Ирина Николаевна**, к.и.н., доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин

Саранский кооперативный институт (филиал) РУК

Институт выморочного имущества представляет собой один из наиболее сложных и дискуссионных разделов наследственного права, находящийся на стыке частных и публичных интересов. Под выморочным имуществом понимается имущество умершего, которое в силу прямого указания закона переходит в собственность государства или муниципальных образований ввиду отсутствия наследников, их отказа от наследства либо утраты ими права наследования. Актуальность данной темы подтверждается устойчивым ростом числа данных наследств: по итогам 2024 г. в России было выдано около 8,5 тыс. свидетельств о праве на выморочное имущество, что на 6% больше, чем годом ранее. Однако до 40% такого имущества не поступает в государственную казну из-за процедурных барьеров и пробелов в правовом регулировании, что требует тщательного анализа как отечественного, так и зарубежного опыта.

Так, на сегодняшний день в различных правовых порядках существуют фундаментальные различия в понимании сущности выморочности, порядка перехода имущества к государству и объеме ответственности публичного наследника. Это связано с историческими, экономическими и идеологическими особенностями развития конкретных государств, что делает сравнительно-правовой анализ вероятно важным для совершенствования национального законодательства.

Основания, по которым имущество будет переходить в статус выморочного, с разъяснениями изложены в ст.ст. 1117, 1151, 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Список выглядит следующим образом: 1) наследников нет – ни по завещанию, ни по закону; 2) наследники признаны недостойными, т.е. в суде доказано, что они предпринимали противоправные действия против наследодателя или препятствовали осуществлению его последней воли. Также родитель, не плативший алименты, не может претендовать на наследство, как и родитель, лишенный родительских прав; 3) наследники пропустили срок принятия наследства: на то, чтобы заявить о себе у нотариуса, закон отводит 6 месяцев с даты смерти наследодателя или объявления его умершим; 4) наследники отказались наследовать, не указав преемников своей доли: например, они узнали, что наследодатель имеет большие долги.

Во всех этих случаях выморочное имущество переходит в собственность государства или муниципалитета.

Квартиры, земельные участки с постройками, любой объект недвижимости или доли в нем – все это получает в собственность муниципальное образование, например, городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ или субъект Российской Федерации. Все остальное имущество (например, ценные бумаги, драгоценности, автомобили, интеллектуальную собственность) наследует Российская Федерация, т.е. оно переходит в федеральную собственность.

Имущественные отношения, связанные с выморочным наследством, не ограничиваются лишь фактом перехода прав. Центральное место в правоприменительной практике занимает вопрос ответственности публичного собственника по долгам наследодателя и бремени содержания имущества. В соответствии с общими положениями ГК РФ, публично-правовое образование, как и любой другой наследник, отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему выморочного имущества.

Однако сложность возникает на практике при определении состава такого имущества, особенно когда речь идет об объектах, сведения о фактическом наличии которых отсутствуют, или об имущественных правах. Кроме того, остро стоит вопрос о моменте, с которого публичный субъект обязан нести бремя содержания имущества (например, оплачивать коммунальные услуги по выморочной квартире). Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации, выморочное имущество признается принадлежащим публично-правовому образованию со дня открытия наследства независимо от момента государственной регистрации права и даже независимо от осведомленности муниципалитета о таком имуществе. Это означает, что муниципальное образование обязано нести расходы на содержание имущества с момента смерти наследодателя, что возлагает на органы местного самоуправления значительную финансовую нагрузку.

Сравнительно-правовой анализ законодательства зарубежных стран демонстрирует разнообразие подходов к институту выморочности. В странах романо-германской правовой семьи прослеживается схожесть с российским подходом, но с существенными особенностями.

Например, порядок перехода наследства к государству в качестве выморочного во Франции гораздо сложнее, чем в Российской Федерации, что объясняется наличием дифференциации на вакантное и выморочное наследство. Так, на начальной стадии судья, который привлекается по ходатайству кредитора, обеспечивает за счет покойного управление всем или частью его имущества, всякого другого заинтересованного лица или прокуратуры. Следующим действием судьи является возложение на уполномоченный в этой сфере административный орган попечительство над вакантным наследством. Административный орган, в свою очередь поручает судебному оценщику, приставу, нотариусу или принявшему присягу чиновнику, принадлежащему к органу, уполномоченному в данной сфере, составить попредметную оценочную инвентарную опись актива и пассива наследственного имущества. При этом полномочия попечителя принято разделять на две основные группы, первая из которых включает в себя деятельность в течение шести месяцев после открытия наследства, а вторая, соответственно, по прошествии указанного срока. В течение шести месяцев после открытия наследства попечитель применяет действия по охране и защите, а также временному управлению и продаже скоропортящегося имущества. По истечении шестимесячного срока попечитель осуществляет все необходимые действия для продажи имущества до полного погашения задолженности. Непосредственно продажу имущества осуществляет судебный оценщик, пристав или нотариус.

По итогам своей деятельности попечитель отчитывается перед судьей. Отчет подлежит опубликованию, после получения которого судья разрешает попечителю произвести реализацию оставшегося актива.

Французский гражданский кодекс предусматривает четыре ситуации, которыми заканчивается попечительство: 1) полное распределение актива на выплату долгов и легатов; 2) реализация всего актива и внесение чистой выручки в депозит; 3) возвращение наследства наследникам после признания их прав; 4) ввод во владение наследством государства.

Выморочное наследство переходит к государству не как к наследнику, а

как к публичному собственнику. Однако для этого оно должно обратиться в суд с требованием о введении его во владение таким наследством. В случае отсутствия инвентарной описи, уполномоченный административный орган должен ее предварительно составить в формах, предусмотренных Французским гражданским кодексом. Выморочность наследства прекращается в случае его принятия наследником.

В соответствии с §1936 Германского гражданского уложения, если на момент открытия наследства не имеется в наличии ни родственников, ни супруга или партнера наследодателя, то наследует та земля, в которой наследодатель на момент смерти имел последнее место жительства или, если таковое установить невозможно, обычное место пребывания. В остальных случаях наследует Федерация. Из указанного параграфа в ходе реформы было исключено положение, в соответствии с которым в случае проживания наследодателя в нескольких федеральных землях казна каждой из земель призывается к наследованию в равных долях. Соответственно, в настоящее время суд по наследственным делам должен будет установить место, в котором наследодатель проводил большее количество времени и с которым он имел наиболее тесную связь для того, чтобы определить конкретную землю, имеющую право наследовать.

Суд по наследственным делам выносит определение о том, что в качестве наследника должно призываться государство, если в течение разумного срока, установленного исходя из обстоятельств, наследник не будет выявлен. Наследник выявляется путем публичного предложения заявить свои права наследования в определенный судом срок. Публичное предложение может не последовать только в том случае, если связанные с ним расходы несоизмеримо велики в сравнении с составом наследства.

Если в течение указанного судом срока наследники не объявятся, то суд выносит определение о наследовании государством. Именно с этого момента конкретная земля или Федерация могут осуществлять свои права как наследники по закону. Государство, в отличие от других наследников, не может отказаться от наследства. Тем самым гарантируется, что у наследодателя останется хотя бы один правопреемник, который уладит все дела, связанные с наследством, в том числе уплатит долги. Однако государство, как и любой другой наследник, имеет возможность ограничить размер своей ответственности по долгам наследодателя размером имеющегося в наличии наследственного имущества путем установления попечительства над наследством или возбуждения производства в связи с несостоятельностью наследственного имущества. Кроме того, как «принудительный наследник» оно имеет особое положение: ему не может быть установлен срок для составления инвентарной описи, при нарушении которого наследник утрачивает право на ограничение ответственности по долгам наследодателя.

Определение суда о назначении наследником государства может быть опровергнуто в течение трех месяцев с момента окончания срока для заявления прав наследования, если суду будут представлены доказательства существования права наследования или его предъявления к государству в исковом порядке.

В аспекте регулирования ответственности по долгам наследодателя в зарубежных странах также существуют значительные расхождения. Если в России и

Германии ответственность ограничена стоимостью наследственного имущества, хотя в Германии процессуально это реализовано жестче, то во Франции наследник, не принявший мер к сепарации наследственной массы от своего личного имущества путем составления описи, рискует отвечать по долгам всем своим имуществом. На сегодняшний день отношения по поводу выморочного имущества в международном частном праве обладают определенной спецификой. При наличии иностранного элемента возникает коллизионный вопрос: право какого государства подлежит применению. Здесь выделяются следующие ключевые привязки: 1) личный закон наследодателя – применяется для определения круга наследников и оснований наследования; 2) закон места нахождения вещи – традиционно применяется к недвижимому имуществу. Соответственно, вопрос о признании недвижимости выморочной и ее переходе государству будет решаться по праву страны, где эта недвижимость находится; 3) закон страны суда – применяются процессуальные нормы, включая порядок выявления наследников и процедуру передачи имущества.

Таким образом, правовое регулирование наследования выморочного имущества является сложным межотраслевым институтом. Существующие различия законодательной регламентации в разных странах связаны с определенными историческими, национальными и культурными предпосылками. Российское законодательство, предусматривая императивный переход такого имущества к публичным образованиям, сталкивается с серьезными правоприменительными проблемами, связанными с процедурой оформления, бременем содержания имущества и защитой прав потенциальных наследников. Учет зарубежного опыта, особенно в части процедур выявления наследников (Германия) и баланса интересов кредиторов и наследников (Франция), мог бы способствовать совершенствованию отечественного правопорядка и возвращению в экономический оборот значительного объема неиспользуемых активов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон № 146-ФЗ: [принят Гос. Думой 01 ноября 2001 г.: в ред. от 07 июля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Брикса, А.А. Проблемы определения состава выморочного имущества по делам о взыскании задолженности наследодателя за счет выморочного имущества / А.А. Брикса // Хозяйство и право. – 2025. – № 7. – С. 59–73.
3. Когда имущество умершего считается выморочным? – Текст : электронный // Объединенная пресс-служба судов Вологодской области. – 2025. – 24 апреля. (дата обращения: 10.03.2026 г.).
4. КС пояснил, кто отвечает за содержание выморочного имущества до регистрации права собственности – Текст : электронный // Совет муниципальных образований Хабаровского края. – 2025. – 27 июля. (дата обращения: 10.03.2026 г.).
5. Признание имущества выморочным – Текст: электронный // Генеральная прокуратура РФ: официальный сайт. – 2025. – 15 сентября. (дата обращения: 10.03.2026 г.).
6. Проблемы оборота выморочного имущества и пути их решения обсудили в Общественной палате – Текст : электронный // Федеральная нотариальная палата. – 2025. – 15 июля. (дата обращения: 10.03.2026 г.).
7. Федорова, Ю. Н. Некоторые аспекты наследования выморочного имущества публично-правовыми образованиями / Ю. Н. Федорова // Наследственное право. – 2025. – № 4. – С. 29–32.

8. Bakhov, N.A. Comparative analysis of inheritance legislation in the Russian Federation and foreign countries / N.A. Bakhov. – Текст : электронный // Эпомен. – 2023. – № 77. – С. 31–38. (дата обращения: 10.03.2026 г.).

9. Kosenko, E.V. Features of the legislation of the Russian Federation and the European Union in terms of the law of succession / E.V. Kosenko. – Текст : электронный // Revista Institutului Național al Justiției. – 2014. – № 3-4. (дата обращения: 10.03.2026 г.).

Научное электронное издание

МОЛОДЕЖЬ И КООПЕРАЦИЯ

Материалы XVIII Межвузовской студенческой научно-практической конференции

Саранск, 29 апреля 2026 года

Редактор и корректор *Е. Э. Тарасова*
Технический редактор *Е. А. Глистёнков*

Объем 1,6 Мб. Тираж 9 экз. Заказ № 46.

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева»

Редакционно-издательский центр
430007, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а
Тел.: (8342) 33-94-96; e-mail: rio@mordgpi.ru